

10
156 Жюль Вернь.

Воздушный Корабль.

Рисунки Ж. Бенета.

Переводъ Е. Киселева

Москва.

Типографія И. Д. Сытина и К^о., Вавовая улица, собственный домъ.

1892.

Дозволено цензурою. Москва, 1 марта 1891 года.

19149-0

2010517416

ГЛАВА I,

въ которой и темные и ученые люди одинаково становятся втупикъ.

Бацъ!.. Бацъ!.. — одновременно грянули два пистолетныхъ выстрѣла.

Пасшаяся невдалекѣ корова получила въ спину одну изъ пуль. Впрочемъ, для нея это было въ чужомъ пиру похмелье.

Изъ противниковъ ни тотъ, ни другой не былъ раненъ.

Кто такіе были эти два джентльмена — Богъ ихъ знаетъ, а между тѣмъ имена ихъ стоило бы довести до свѣдѣнія потомства. Мы можемъ только сказать, что постарше былъ англичанинъ, а помоложе американецъ. Мѣсто же, гдѣ безобидная корова сощипнула свой послѣдній пучокъ травы, нѣтъ ничего легче назвать. То былъ правый берегъ Ніагары, близъ висячаго моста, перекинутаго съ американскаго берега на канадскій на высотѣ трехъ миль надъ водопадомъ.

Англичанинъ подошелъ къ американцу.

— Я все-таки стою на томъ, что это былъ Rule Britannia, — заявилъ онъ.

— Нѣтъ! Yankee Doodle! — возразилъ незнакомецъ.

Предвидѣлось возобновленіе ссоры. Одинъ изъ свидѣтелей вмѣшался, вѣроятно изъ участія къ рогатому скоту, и сказалъ:

— Пусть будетъ Rule Doodle и Yankee Britannia и пойдѣте завтракать.

Компромиссъ между двумя національными гимнами, англійскимъ и американскимъ, былъ къ всеобщему удовольствію принятъ.

Американцы и агличане, поднявшись вверхъ по берегу Ніагары, расположились для трапезы въ гостиницѣ Готъ-Эйланда, нейтральнаго пункта между двумя водопадами. Оставимъ ихъ тамъ за вареными яйцами, блюдомъ ветчины, горчайшими пикулями и цѣлымъ водопадомъ чая, не уступающимъ Ніагарскому. Впрочемъ, очень можетъ быть, что о нихъ пойдетъ еще рѣчь въ нашемъ разсказѣ.

Чья была правда: американца или англичанина, — трудно рѣшить. Во всякомъ случаѣ описанная дуэль очень рельефно выражаетъ настроеніе, которое овладѣло умами всѣхъ по поводу одного весьма необыкновеннаго явленія.

«Os sublime dedit coelumque tueri», — сказалъ

Овидій въ восхваленіе человѣка. И дѣйствительно, я думаю, со времени сотворенія міра не было еще на землѣ такого всеобщаго возведенія очей къ небу.

Дѣло въ томъ, что наканунѣ ночью надъ уголкомъ Канады, между озерами Онтарио и Эріо, раздались въ воздухѣ какіе-то необыкновенные трубные звуки. Однимъ слышалось Rule Britannia, другимъ Yankee Doodle. Отсюда, между прочимъ, и возникла ссора, окончившаяся завтракомъ въ Готъ-Эйландѣ.

Очень можетъ быть, что никакого гимна вовсе и не было, но фактъ остается фактомъ. Въ воздухѣ дѣйствительно носились странные звуки, какъ бы слетавшіе съ неба.

Быть можетъ, то была труба какого-нибудь аппарата или просто подурачились какіе-нибудь воздухоплаватели, пролетѣвшіе на воздушномъ шарѣ?

Нѣтъ, воздушнаго шара никакого не было. Феноменъ былъ совершенно необъяснимый. Сегодня онъ являлся надъ Америкой, завтра надъ Европой, послѣ завтра еще гдѣ-нибудь, напримѣръ надъ Азіей, въ Небесной Имперіи. Если это не труба архангельская, то что же это такое было, наконецъ?

Разумѣется, слыша таинственные звуки, люди прежде всего старались дознаться причины ихъ. Причина, очевидно, находилась не въ безконечномъ пространствѣ, а гдѣ-нибудь въ поясѣ земной атмосферы. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь звукъ можетъ распространяться только въ болѣе или менѣе плотной средѣ. Въ данномъ случаѣ звукъ былъ; слѣдовательно, причина находилась въ воздушныхъ слояхъ близъ поверхности земли.

Понятно, что о необыкновенномъ явленіи заговорили всѣ газеты. Объясненій явились цѣлыя тысячи, но эти объясненія только еще болѣе запутывали вопросъ. Читающая публика даже о политикѣ забыла: она интересовалась теперь только однимъ новымъ феноменомъ. Что же бы это такое было?

Всѣ обсерваторіи міра получили настойчивые запросы. Если обсерваторіи не могутъ дать отвѣта, то

на что же онѣ годны? Если астрономы, выдумывающіе все новыя и новыя звѣзды, не могутъ объяснить, то для чего тогда астрономы?

Трубы, телескопы, лорнеты, бинокли всего міра устремились къ небу, жадно стараясь напасть на невѣдомую искомую точку. На небо направили больше оптическихъ инструментовъ, чѣмъ на немъ находится звѣздъ, и все-таки ничего не открыли.

Обсерваторіи дали отвѣтъ, но неудовлетворительный. У каждой было свое особое мнѣніе и все разное. Въ ученомъ мірѣ открылась междоусобная война.

Парижская обсерваторія выказала большую сдержанность. Всѣ отдѣленія ея какъ бы сговорились молчать. Зато провинція отличалась. Въ ночь съ 6-го на 7-е мая усмотрѣнъ былъ электрическій свѣтъ, продолжавшійся всего секундъ двадцать. На Южномъ Пикѣ свѣтъ былъ видимъ въ десятомъ часу вечера. На метеорологической станціи въ Пюи-де-Домъ его замѣтили во второмъ часу утра, въ Ниццѣ въ четвертомъ часу и, наконецъ, на Альпахъ, близъ Леманскаго озера, передъ самымъ разсвѣтомъ.

Отрицать достовѣрность и значеніе этихъ совокупныхъ наблюдений не приходилось. Оставалось заключить, что или свѣтъ происходилъ изъ разныхъ источниковъ, или источникъ двигался со скоростью 200 километровъ въ часъ.

Теперь вопросъ: не замѣчалось ли чего-нибудь особеннаго на небѣ днемъ?

Ничего не замѣчалось.

Но вѣдь трубные звуки слышались же и въ верхнихъ слояхъ воздуха?

Ничего не было слышно между восходомъ и закатомъ солнца.

Въ Англіи тоже всѣ пороли горячку. Обсерваторіи схватились спорить между собою. Гринвичъ никакъ не могъ сговориться съ Оксфордомъ, хотя оба утверждали, что «ничего нѣтъ». Но дѣло въ томъ, что одинъ говорилъ:

Тогда въ одной изъ распространеннѣйшихъ газетъ, въ газетѣ «New-York-Herald», появилось слѣдующее анонимное сообщеніе какого-то подписчика.

«У насъ, я думаю, еще не забыли вражду между собою двухъ наслѣдниковъ Бегума-Раджинара, вражду француза-доктора Сарасена изъ Франсвиля и нѣмца-инженера Шульца изъ Шталыштадта.

«Всѣ, я полагаю, помнятъ, какъ герръ Шульцъ, желая разрушить Франсвиль, выпустилъ огромный снарядъ, который однимъ ударомъ долженъ былъ уничтожить городъ до основанія.

«Всѣмъ, я думаю, также извѣстно, что первоначальная скорость снаряда по выходѣ его изъ пушки-великана была невѣрно рассчитана и что снарядъ поднялся отъ земли выше предположенной нормы. Констатировано, что онъ перелетѣлъ черезъ цѣль и на землю обратно не упалъ. Превратившись такимъ образомъ въ болидъ, онъ вращается теперь и будетъ вѣчно вращаться вокругъ нашей планеты.

«Почему не предположить, что новооткрытое тѣло и есть этотъ самый снарядъ?»

Такъ-съ, господинъ подписчикъ, это вы очень остроумно придумали. Только какъ же труба-то! Сколько извѣстно, при снарядѣ герра Шульца не было никакой трубы.

Ни одно, стало быть, объясненіе не годилось. Оставалась гипотеза директора обсерваторіи Зи-Кіа-Вэ. Но гипотеза китайца!.. фи! И все-таки публикѣ еще не надоѣла эта исторія. Толкли-толкли воду въ ступѣ, и все не уставали. Споры, дебаты не прекращались. Случился лишь временный перерывъ на нѣсколько дней, потому что тѣло нѣсколько ночей не показывалось, и музыки не было слышно. Думали, что оно упало въ океанъ.

Но вотъ, между 2-мъ и 9-мъ іюня, произошелъ цѣлый рядъ новыхъ фактовъ, объяснить которые лишь однимъ существованіемъ космическаго феномена было положительно невозможно.

Въ теченіе этой недѣли на всѣхъ возвышенныхъ пунктахъ земного шара, на вершинѣ собора Петра и Павла въ Римѣ, на шпицѣ Адмиралтейства, въ Кельнскомъ соборѣ, на египетской пирамидѣ и другихъ неприступныхъ точкахъ ночью были развѣшаны флаги. Но кто могъ ихъ развѣсить безъ помощи лѣсовъ? Чей это былъ флагъ?

Онъ былъ черный, усыянный звѣздами и съ золотымъ солнцемъ посрединѣ.

ГЛАВА II.

Члены Вельдонскаго института пререкаются между собою и никакъ не могутъ сговориться.

— Первый, кто станетъ утверждать противное...

— Да рѣшительно всякій станетъ.

— Не посмотритъ на ваши угрозы.

— Выбирайте свои выраженія, Бетъ Файнъ!

— И вы свои также, дядя Прюданъ!

— Я утверждаю, что винтъ ни въ какомъ случаѣ не назади...

— Мы!.. И мы тоже!—дружнымъ хоромъ крикнули пятьдесятъ голосовъ.

— Нѣтъ, онъ непремѣнно долженъ быть впереди!—вскричалъ Филь Эвансъ.

— Спереди, конечно!—не менѣе громкимъ и дружнымъ хоромъ поддержали другіе пятьдесятъ голосовъ.

— Никогда мы съ этимъ не согласимся!

— Никогда! Ни за что!

— Такъ для чего же и спорить?

— Это не споръ... это обсужденіе...

Это было, однако, очень мало похоже на обсужденіе. Въ обширной залѣ стоялъ такой гвалтъ, что, какъ говорится, святыхъ вонъ выноси.

Зала была громадная, самая большая зала въ Вельдонскомъ институтѣ, въ Филадельфіи, въ Соединенныхъ Штатахъ.

Чего же такъ волновались собравшіеся здѣсь господа?

Они были просто «баллонисты», интересовавшіеся животрепещущимъ, но, тѣмъ не менѣе, строго-научнымъ вопросомъ о направленіи аэростатовъ.

Что же могло ихъ до такой степени разгорячить?

Правда, наканунѣ въ городѣ происходили муниципальные выборы, которые въ Америкѣ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, сопровождаются волненіемъ. Быть можетъ, головы еще не успѣли успокоиться, и вотъ почему люди такъ горячились, дебатировавъ чисто-научный вопросъ.

Филадельфія — городъ очень большой, быстротою своего роста перещеголявшій даже такіе города, какъ Нью-Йоркъ, Чикаго, Цинциннати, Санъ-Франциско, размѣрами превышающій Берлинъ, Манчестеръ, Эдинбургъ, Вѣну, Петербургъ и обладающій паркомъ, въ которомъ могутъ уместиться всѣ семь знаменитыхъ парковъ Лондона. Въ городѣ считается милліонъ-двѣсти-тысячъ жителей и по населенности его можно поставить четвертымъ въ свѣтѣ послѣ Лондона, Парижа и Нью-Йорка.

Филадельфію почти можно назвать мраморнымъ городомъ, — до того много въ немъ прекрасныхъ, величественныхъ зданій. Общественныя учрежденія и сооруженія его славятся всюду. Самою лучшею коллегіей въ Новомъ Свѣтѣ считается Жирардовская, а она находится въ Филадельфіи. Самый большой мостъ на земномъ шарѣ — это мостъ черезъ рѣку Шулькиль, а онъ находится въ Филадельфіи. Наконецъ, самый большой клубъ воздухоплавателей тоже находится въ Филадельфіи. Я увѣренъ, что читателю не безынтересно будетъ посѣтить вмѣстѣ съ нами этотъ клубъ вечеромъ 12-го іюня.

Въ большой, уже упомянутой нами, залѣ засѣдали съ шляпами на головахъ человѣкъ сто баллонистовъ, подъ предсѣдательствомъ президента, которому помогали секретарь и казначей. Тутъ не было инженеровъ,

специалистовъ, а были по большей части одни любители всего относящагося къ воздухоплаванію, но зато любители страстные, горячіе сторонники воздушныхъ шаровъ и рьяные противники аппаратовъ, «тяжелѣе воздуха», какъ-то: летающихъ машинъ, воздушныхъ кораблей и проч. Эти господа старались изобрѣсти способъ управлять шарами, а до тѣхъ поръ президенту общества очень трудно было управлять ими самими во время бурныхъ засѣданій.

Президентомъ былъ знаменитый во всей Филадельфіи «дядя Прюданъ». *Прюданъ* была его фамилія, а *дядя*—очень обычное прозваніе въ Америкѣ, гдѣ можно быть дядей, не имѣя ни племянниковъ, ни племянницъ.

Дядя Прюданъ была личность замѣчательная и носилъ кличку вовсе не по шерсти: онъ далеко не былъ благоразуменъ, а напротивъ, былъ смѣлъ и вспыльчивъ. При этомъ страшный богачъ, что нигдѣ не лишнее, а особенно въ Америкѣ. Да и какъ ему было не разбогатѣть, имѣя пропасть акцій Ніагарскаго водопада? Около этого времени въ Буффало составилось общество для эксплуатаціи водопада. Дѣло было великолѣпное. Сила воды, бросаемою водопадомъ въ одну секунду, равняется семи съ половиной милліонамъ лошадиныхъ силъ. Эта сила, распределенная между всѣми заводами и фабриками въ районѣ пяти-сотъ километровъ, давала въ годъ полтора милліарда франковъ чистой прибыли, часть которой попадала въ сундуки и карманы дяди Прюдана. Впрочемъ, онъ былъ холостъ и жилъ скромно съ однимъ слугою, по имени Фриколеномъ, который характеромъ нисколько не подходилъ подстать своему барину. Удивительно, какъ они могли ужиться, но такія аномаліи случаются.

У дяди Прюдана, понятно, были друзья, потому что онъ былъ богатъ, но были также и враги, потому что онъ былъ президентомъ клуба и возбуждалъ этимъ зависть. Въ числѣ самыхъ ярыхъ враговъ его слѣдуетъ отмѣтить секретаря Вельдонскаго института, по

имени Филя Эванса, человѣка тоже очень богатаго, управлявшаго громадной часовой фабрикой Walton Watch Company. Не будь дядя Прюданъ президентомъ клуба баллонистовъ, Филь Эвансъ былъ бы счастливѣйшимъ человѣкомъ въ Штатахъ. Удивительно, изъ-за чего они враждовали. Оба были здоровы, обоимъ было по сорока-пяти лѣтъ, оба не желали вкусить прелестей брака, такъ что они отлично могли бы жить въ дружбѣ. Даже оба были вспыльчивы, только каждый на свой ладъ: Прюданъ безъ всякой оглядки, а у Эванса гнѣвъ былъ холодный.

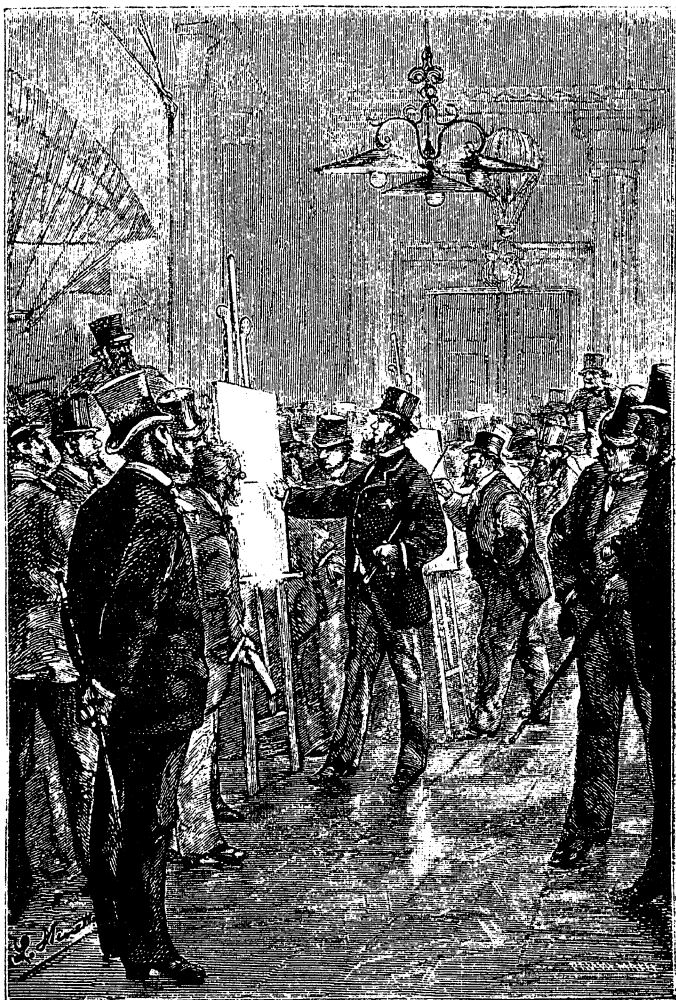
Хотите знать, какъ случилось, что Филь Эвансъ не попалъ въ президенты клуба? Голоса совершенно поровну раздѣлились между Эвансомъ и Прюданомъ. Двадцать разъ дѣлали перебаллотировку и всякій разъ ни тотъ, ни другой не могли получить большинства.

Положеніе было затруднительное и грозило продолжиться чуть не все время, пока будутъ живы оба кандидата.

Тогда одинъ изъ членовъ клуба предложилъ способъ иначе распредѣлить голоса. Этотъ членъ былъ нѣкто Джемсъ Кипъ, казначей Вельдонскаго института. Джемсъ Кипъ былъ убѣжденнымъ вегетаріанцемъ, отвергалъ всякую животную пищу и всякіе крѣпкіе напитки.

Джемса Кипа поддержалъ другой членъ, Вильямъ Т. Форбсъ, директоръ большой фабрики, приготовлявшей сахаръ изъ стараго бѣлья посредствомъ, кажется, обливанія ветоши сѣрною кислотой. Мистеръ Форбсъ имѣлъ солидное положеніе въ свѣтѣ и двухъ прелестныхъ дочекъ, двухъ перерзрѣлыхъ дѣвицъ, миссъ Дороти (уменьшительное Долль) и миссъ Марту (уменьшительное Мать). Эти двѣ миссъ давали тонъ всему филадельфійскому высшему обществу.

Предложеніе Кипа и Форбса приняли. Способъ, ими предложенный, былъ тотъ самый, который многіе здравомыслящіе американцы уже давно помышляютъ ввести при избраніи президента республики.

„Дядя Прюданъ всади́лъ свою иголку одновременно съ Филемъ Эвансомъ“.
(Стр. 19).

Взяли двѣ совершенно чистыхъ бѣлыхъ доски и провели на каждой по одной черной линіи. Длину каждой линейки точно измѣрили, чтобы сдѣлать обѣ совершенно равными. Обѣ доски въ одинъ и тотъ же день выставили въ залѣ засѣданій, и конкуренты, вооружившись тонкой иглой, одновременно подошли каждый къ своей доскѣ. Подлежалъ избранію тотъ изъ нихъ, кто всадитъ въ доску иглоку наиболѣе близко къ срединѣ линіи.

Разумѣется, операцію требовалось совершить разомъ, безъ поправокъ, безъ предварительныхъ ощупываній, а единственно по глазомѣру. Все ставилось въ зависимость отъ глазомѣра.

Дядя Прюданъ всадилъ свою иглоку одновременно съ Филемъ Эвансомъ. Тогда эксперты приступили къ освидѣтельствованію, чья иглока всажена вѣрнѣе, то-есть наиболѣе близко къ срединѣ линіи.

О, чудо! Глазомѣръ у обоихъ конкурентовъ оказался до того одинаковъ, что измѣреніе обѣихъ досокъ не дало никакой разницы. Ни у того, ни у другого иглока не оказалась въ строго-математическомъ центрѣ, но отклоненіе было совершенно одинаково у обѣихъ иглоковъ.

Собраніе было въ большемъ затрудненіи. Не знали, что же дальше дѣлать!

По счастью, одинъ изъ членовъ, нѣкто Трукъ Мильнеръ, предложилъ продѣлать новое, болѣе точное измѣреніе съ помощью микрометрической линейки Перро, посредствомъ которой можно раздѣлить миллиметръ на 1,500 частей. Вооружившись этимъ хитрымъ приборомъ, приступили къ измѣренію, и, читая дѣленія черезъ микроскопъ, получили слѣдующіе результаты:

Дядя Прюданъ воткнулъ иглоку въ $\frac{6}{1500}$ миллиметра отъ середины доски, а Филь Эвансъ въ $\frac{9}{1500}$ миллиметра. Слѣдовательно, дядя Прюданъ достигъ наибольшей точности сравнительно съ своимъ соперникомъ.

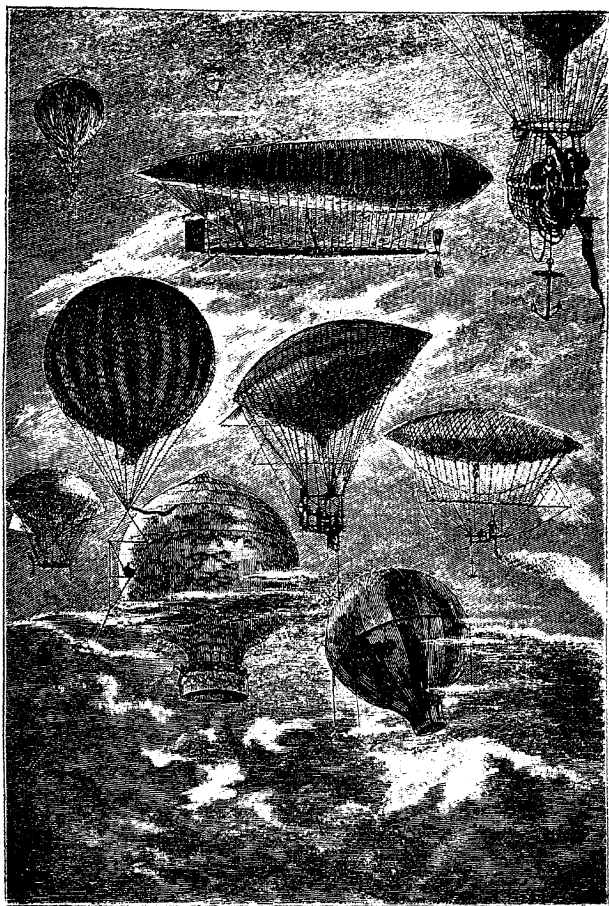
Такимъ образомъ, Филь Эвансъ сдѣлался только

секретаремъ Вельдонскаго института, тогда какъ дядю Прюдана провозгласили президентомъ.

Достаточно было крошечной разницы въ ³/₁₅₀₀ миллиметра, чтобы надежды Фила Эванса разлетѣлись прахомъ. Достаточно было такого ничтожнаго повода, чтобы Филъ Эвансъ почувствовалъ къ дядѣ Прюдану скрытую, но злобную и неумолимую ненависть.

Со времени опытовъ, сдѣланныхъ въ послѣдней четверти нашего столѣтїя, вопросъ объ управленіи воздушными шарами подвинулся на нѣсколько шаговъ впередъ. Лодочки съ пропульсирующими винтами, которыя были въ 1852 году привязываемы къ удлинненнымъ аэростатамъ Анри Жиффара, въ 1872 году къ аэростатамъ Дюшой де-Лома, въ 1883 году къ шарамъ братьевъ Тиссандье и, наконецъ, въ 1884 году къ аппаратамъ капитановъ Кребса и Ренара, дали извѣстные результаты, съ которыми нельзя не считаться. Но если всѣ эти аппараты и могли маневрировать въ болѣе тяжелой, чѣмъ они сами, серединѣ, то это происходило лишь благодаря особенно счастливому стеченію обстоятельствъ. Правда, этими шарами управляли очень удачно, но гдѣ? Въ огромной залѣ съ закрытыми окнами. Также удачны были опыты и на открытомъ воздухѣ во время безвѣтрія. Очень сносно дѣйствовали винты и при небольшомъ вѣтрѣ: шары маневрировали противъ вѣтра, побѣждая его сопротивление. Но въ сущности практическаго результата все же никто не добился. Противъ вѣтра, способнаго вертѣть вѣтряныя мельницы, эти шары останавливались какъ вкопанные; при вѣтрѣ чуть немного посиленѣе они уже пятились назадъ; болѣе сильнымъ вѣтрамъ ихъ не подвергали, но по всей вѣроятности сильный вихрь подхватилъ бы такой аэростатъ какъ перышко, а ураганъ разметалъ бы его въ куски, такъ что отъ всей хитрой затѣи ничего бы не осталось.

Такимъ образомъ, окончательно выяснилось, что даже послѣ надѣлавшихъ такого шума опытовъ Кребса и Ренара аэростаты съ управленіемъ если и выиграли

Попытки воздухоплавания. (Стр. 20).

немного въ скорости, то лишь настолько, чтобы маневрировать противъ небольшого вѣтра. Отсюда явилось общее убѣжденіе въ невозможности извлечь практическую пользу изъ этого способа воздухоплаванія.

Какъ бы то ни было, на ряду съ провалившимся вопросомъ объ управленіи аэростатами, иными словами о способѣ сообщать имъ собственную, независящую отъ вѣтра скорость, вопросъ о воздухоплаваніи вообще сдѣлалъ гораздо болѣе значительные успѣхи. Послѣ паровыхъ машинъ Анри Жиффара и послѣ опытовъ съ примѣненіемъ мускульной силы по мысли Дюпюи де-Лома мало-по-малу явилась мысль объ электрическомъ двигателѣ. Электрическія батареи братьевъ Тиссандье дали уже скорость четыре метра въ секунду. Динамо-электрическія машины капитановъ Кребса и Жиффара, силою въ двѣнадцать лошадей, доставили еще большую скорость: шесть съ половиною метровъ въ секунду.

Тогда многіе инженеры и электротехники бросились изобрѣтать средство подойти какъ можно ближе къ тому *desideratum*у, который можно назвать «одною лошадиною силою въ часовомъ ящикѣ». Такимъ образомъ изобрѣтеніе Кребса и Жиффара стало все больше и больше совершенствоваться, и аэронавты получили возможность пользоваться двигателями, сила и легкость которыхъ постоянно возрастаютъ.

Было отчего ободриться людямъ, вѣрующимъ въ возможность управленія аэростатами. И, однакоже, многіе здравомыслящіе люди положительно отказывались допустить осуществимость чего-нибудь подобнаго. Дѣйствительно, если у аэростата точка опоры находится въ воздухѣ, то слѣдовательно онъ вполнѣ отдается той средѣ, въ которой носится. А если такъ, то какимъ же образомъ шаровая масса, представляющая столь легкую добычу для атмосферныхъ теченій, можетъ сопротивляться хотя бы даже посредственному вѣтру? Тутъ ничего не можетъ сдѣлать даже самый сильный двигатель.

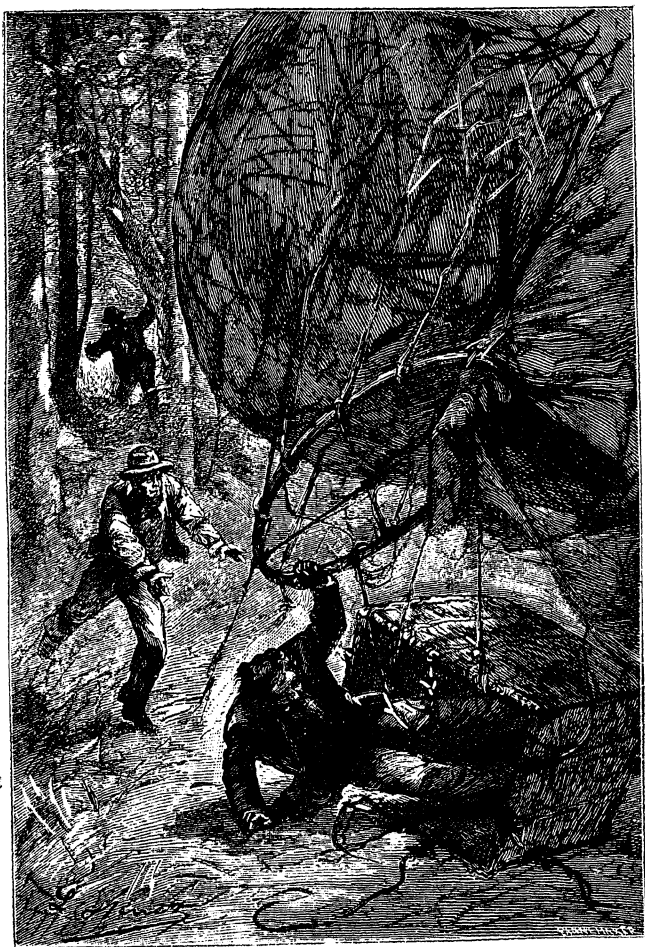
Этотъ вопросъ многіе надѣялись разрѣшить въ утвердительномъ смыслѣ при помощи аппаратовъ большаго размѣра. Во всякомъ случаѣ вопросъ оставался покуда открытымъ.

Случилось такъ, что во время этой борьбы изобрѣтателей наиболѣе надежнаго воздушнаго двигателя американцы ближе всѣхъ подошли къ знаменитому desideratum'у. Одинъ бостонскій химикъ, до этого времени почти неизвѣстный, изобрѣлъ динамо-электрическій снарядъ, основанный на употребленіи со-всѣмъ особаго гальваническаго столба, устройство котораго составляло тайну. Этотъ снарядъ у химика купили и сдѣлали самыя тщательныя вычисленія. Точнѣйшая діаграмма показала, что съ этимъ аппаратомъ, при винтѣ достаточныхъ размѣровъ, можно получить перемѣщеніе отъ 18 до 20 метровъ въ секунду.

Дѣйствительно, это было бы превосходно.

— И къ тому же недорого! — прибавилъ дядя Прюданъ, передавая изобрѣтателю пакетъ со ста-тысячами долларовъ въ уплату за купленное изобрѣтеніе.

Вельдонскій институтъ немедленно же приступилъ къ дѣлу. Когда рѣчь заходитъ о какомъ-нибудь опытѣ, имѣющемъ практическую цѣль, то американцы раскошеляются чрезвычайно охотно. Начался приливъ денегъ, такъ что даже не потребовалось составленія акціонерной компаніи. Въ короткое время въ кассѣ клуба скопилось болѣе трехсотъ-тысячъ долларовъ, — сумма вполне достаточная для предпріятія. Работы начались подъ надзоромъ знаменитаго американскаго аэронавта Гарри У. Тиндера, обезсмертившаго себя тремя замѣчательными путешествіями по воздуху. Въ первый разъ онъ поднялся на двѣнадцать-тысячъ метровъ, слѣдовательно выше Гей-Люссака, Кокселя, Сивеля, Кроче-Спинелли, Тиссандье, Глешера; въ другой разъ онъ пролетѣлъ на воздушномъ шарѣ черезъ всю Америку отъ Нью-Йорка до Санъ-Франциско, при чемъ линія его полета пришлась выше и оказалась

Паденіе американскаго аэронавта Гарри У. Тиндера съ высоты 1500 футовъ.
(Стр. 27).

длиннѣе воздушнаго пути Надаровъ, Годаровъ и многихъ другихъ, не считая Джона Вайза, пролетѣвшаго тысячу сто миль отъ Санъ-Луиса въ графствѣ Джефферсонъ; наконецъ, въ третій разъ его путешествіе окончилось ужаснымъ паденіемъ съ высоты 1500 футовъ, при чемъ воздухоплаватель отдѣлался лишь незначительнымъ поврежденіемъ правой руки, тогда какъ менѣе счастливый Пилатръ де-Розье убился до-смерти при паденіи всего съ высоты 700 футовъ.

Читатель видитъ, что къ тому времени, съ котораго начинается нашъ разсказъ, Вельдонскій институтъ уже успѣлъ поставить свои дѣла на прочную ногу. На заводѣ Тернера въ Филадельфій надувался громадный аэростатъ, прочность котораго собирались изслѣдовать посредствомъ сжатого подъ сильнымъ давленіемъ воздуха. Этотъ шаръ вполнѣ заслуживалъ названіе аэростата-монстра.

Въ самомъ дѣлѣ, слѣлаемъ небольшое сравненіе.

Великъ ли былъ объемъ надаровскаго *Гиганта*? Шесть-тысячъ кубическихъ метровъ. Объемъ аэростата Джона Вайза? Двадцать-тысячъ кубическихъ метровъ. Объемъ шара Жиффара съ выставки 1878 года? Двадцать-пять-тысячъ кубическихъ метровъ при радіусѣ въ восемнадцать метровъ.

Хорошо. Сравните теперь эти три аэростата съ воздушною машиною Вельдонскаго института, объемъ которой равнялся сорока-тысячамъ кубическихъ метровъ, и вы согласитесь, что было чѣмъ гордиться дядѣ Прюдану и его почтеннымъ коллегамъ.

Этотъ шаръ не предназначался для изслѣдованія высшихъ слоевъ воздуха и потому его не окрестили *Excelsior*, какъ любятъ называть американцы свои воздушные шары. Нѣтъ, его назвали просто *Go ahead*, что значитъ *впередъ*, и ему оставалось только оправдать свое имя, повинуюсь всѣмъ приказаніямъ своего будущаго капитана.

Динамо-электрическая машина, строившаяся по приобрѣтенной институтомъ системѣ, тѣмъ временемъ

была уже почти окончена. Можно было рассчитывать, что недѣль черезъ шесть *Впередъ* уже поднимется къ облакамъ и начнетъ свой воздушный полетъ.

Однако, еще не всѣ механическія трудности были улажены. Много засѣданій ушло на споры не о размѣрахъ и формѣ винта, но о мѣстѣ, гдѣ его придѣлать — спереди или сзади аппарата. Братья Тиссандье помѣщали винтъ сзади, а капитаны Кребсъ и Ренартъ спереди. Нечего говорить, что во время спора сторонники той и другой системы едва не передрались. Группа «авантистовъ» численностью совершенно равнялась группѣ «аррьеристовъ». Дядѣ Прюдану, голосъ котораго въ случаѣ раздѣленія голосовъ долженъ былъ имѣть рѣшающее значеніе, не удалось еще высказаться. Должно быть, онъ принадлежалъ въ школѣ профессора Буридана.

Итакъ вопросъ о мѣстѣ для винта еще не былъ рѣшенъ. Это грозило продлиться до безконечности, если не вмѣшается правительство. Но въ Соединенныхъ Штатахъ правительство, какъ извѣстно, вмѣшиваться въ частныя дѣла не любитъ. И въ этомъ оно, пожалуй, совершенно право.

Въ такомъ положеніи находились дѣла 12-го іюня, когда бурное засѣданіе грозило кончиться ничѣмъ или, вѣрнѣе, перейти въ грандіозную свалку, сопровождаемую руганью, палочными и иными ударами и проч. Къ счастью, случилась неожиданная диверсія.

Къ столу президента подошелъ институтскій швейцаръ, чопорный, спокойный и холодный, настоящій янки, и подалъ визитную карточку. Передавъ ее, онъ остановился въ спокойно-выжидательной позѣ, готовый исполнить всякое приказаніе, какое ему заблагоразсудитъ дать дядя Прюданъ.

Дядя Прюданъ привелъ въ дѣйствіе паровую трубу, которая замѣняла въ клубѣ предсѣдательскій звонокъ, потому что никакой колокольчикъ не въ состояніи справиться съ шумомъ, царящимъ въ американскихъ собраніяхъ. Не справился бы, я думаю, даже знамени-

тый кремлевскій царь-колоколъ, если бы его тамъ повѣсить.

Но шумъ продолжался, несмотря на ревъ трубы. Тогда президентъ снялъ шляпу. Эта крайняя мѣра подѣйствовала. Водворилась, такъ сказать, полутшина.

— Я имѣю сдѣлать заявленіе! — возгласилъ дядя Прюданъ, зарядивъ носъ огромною понюшкой табаку изъ неразлучной табакерки.

— Говорите! Мы слушаемъ! — закричали девяносто восемь голосовъ на этотъ разъ, къ удивленію, совершенно единодушно.

— Почтенные коллеги, какой-то незнакомый господинъ проситъ впустить его въ залу засѣданій.

— Ни подъ какимъ видомъ! — закричали опять единогласно присутствующіе.

— Кажется, онъ хочетъ намъ доказать, — продолжалъ дядя Прюданъ, — что вѣрить въ управляемость воздушныхъ шаровъ значить увлекаться самою нелѣпою утопій.

Въ отвѣтъ на это заявленіе послышалась сердитая воркотня.

— Пускай входитъ!.. Пускай!..

— Какъ же зовутъ эту странную личность? — освѣдомился секретарь Филь Эвансъ.

— Robur... въ переводѣ это значитъ *Побѣдитель*, — отвѣчалъ дядя Прюданъ.

— Robur!.. Robur!.. — закричало собраніе.

Дѣло въ томъ, что Вельдонскій институтъ приготовился излить на дерзкаго носителя этого имени полную чашу своего озлобленія.

Буря на минуту улеглась, по крайней мѣрѣ, по наружности. Впрочемъ, развѣ можно разсчитывать, чтобы какая-нибудь буря, разъ поднявшись, въ самомъ дѣлѣ улеглась среди такого неугомоннаго народа, какъ американцы?

Г Л А В А III.

Незнакомый господинъ рекомендуетъ самъ, такъ что нѣтъ надобности его рекомендовать.

— Граждане Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки! Меня зовутъ Robur, что значитъ Сила и Побѣдитель. Эта кличка мнѣ по шерсти. Мнѣ сорокъ лѣтъ, хотя на видъ мнѣ только тридцать, у меня желѣзное тѣлосложеніе, несокрушимое здоровье, замѣчательная мускульная сила и желудокъ такой, какому позавидуетъ страусъ. Таковы мои физическія качества.

Собраніе слушало. Да! Крикуновъ первымъ дѣломъ поразила эта неожиданная рѣчь, сказанная такъ смѣло. Кто такой этотъ человѣкъ? Сумасшедшій или мистификаторъ? Во всякомъ случаѣ, онъ сильно импонировалъ своею личностью. Собраніе, за минуту передъ тѣмъ такое бурное и крикливое, притихло до того, что можно было слышать полетъ мухи. То былъ настоящій штиль послѣ шквала.

Робюръ казался именно такимъ человѣкомъ, какимъ онъ себя описывалъ. Высокій ростомъ, широкій въ плечахъ, съ крѣпкою шеей, на которой твердо сидѣла округлая голова, онъ производилъ впечатлѣніе какого-то интеллигентнаго быка. Я очень странно выражаюсь, но это именно такъ. Добавьте къ этому блестящіе глаза, энергично сжатые брови, короткіе, нѣсколько щетинистые волосы металлическаго оттѣн-

ка, широкую грудь, крѣпкія ноги, сильныя руки, и вы получите полный портретъ интереснаго незнакомца.

Ни усовъ, ни бакенбардъ у него не было, а только довольно широкая борода на американскій манеръ, что позволяло видѣть мощныя скрѣпы его здоровыхъ челюстей. Вычислено (чего только люди не вычисляють!), что давленіе челюсти обыкновеннаго крокодила достигаетъ иногда четырехсотъ атмосферъ, тогда какъ давленіе челюстей охотничьей собаки не превышаетъ ста атмосферъ! Вывели даже такую курьезную формулу: если одинъ килограммъ собаки даетъ восемь килограммовъ силы тренія, то на одинъ килограммъ крокодила приходится двѣнадцать килограммовъ тренія. Такъ вотъ, по-моему, одинъ килограммъ Робюра долженъ былъ давать, по крайней мѣрѣ, десять килограммовъ тренія. Такимъ образомъ, нашъ незнакомецъ въ извѣстномъ отношеніи представлялъ изъ себя нѣчто среднее между собакой и крокодиломъ.

Изъ какой страны былъ родомъ этотъ замѣчательный человѣкъ? По-англійски онъ говорилъ хорошо, безъ того тягучаго акцента, которымъ отличаются янки изъ Новой Англіи.

Онъ продолжалъ такъ:

— А вотъ и нравственныя мои свойства, почтенные граждане. Вы видите передъ собой инженера, нравственные качества котораго не уступаютъ физическимъ. Я не боюсь никого и ничего. Сила воли у меня такова, что я никогда никому ни въ чемъ не уступаю. Разъ намѣтивъ себѣ цѣль, я достигаю ее, во что бы то ни стало, хотя бы вся Америка, хотя бы весь міръ встали у меня поперекъ дороги. Разъ у меня является какая-нибудь идея, я требую, чтобы всѣ ее раздѣляли, и не терплю противорѣчій. Я, господа, для того останавливаюсь на этихъ подробностяхъ, чтобы вы съ перваго же раза узнали, каковъ такой я человѣкъ. Быть можетъ, вы скажете, что я слиш-

комъ много о себѣ говорю. Что жъ, говорите пожалуйста. А теперь подумайте, прежде чѣмъ будете меня перебивать, потому что я пришелъ съ тѣмъ, чтобы сказать вамъ такія вещи, которыя едва ли придутся вамъ по вкусу.

По переднимъ скамьямъ залы пронесся шумъ прибоа—признакъ, что море не надежно и, быть можетъ, скоро разбушуетъ.

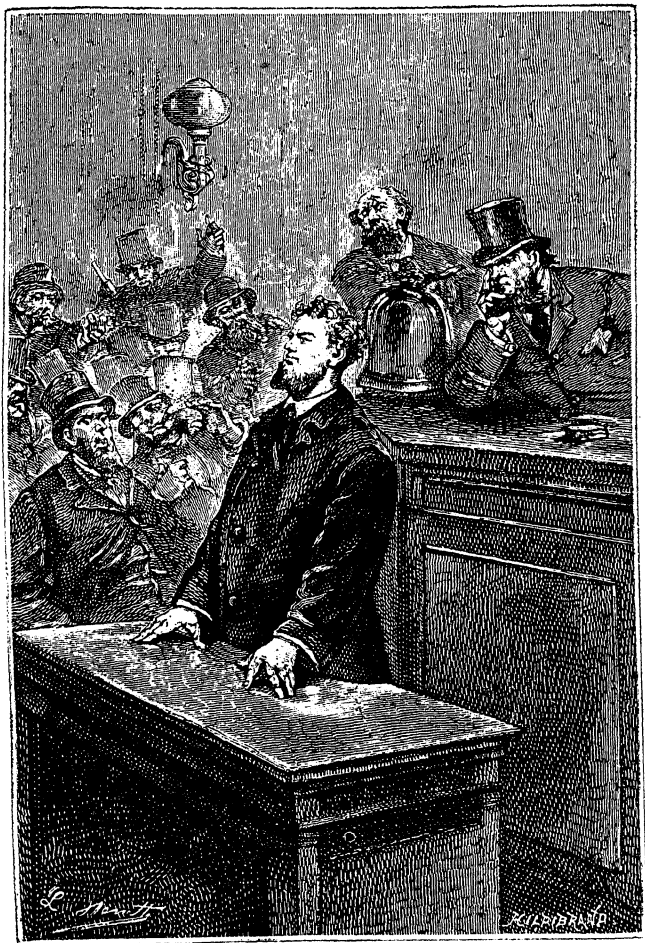
— Говорите, почтенный незнакомецъ,—было единственнымъ возраженіемъ для дяди Прюдана, который съ трудомъ себя сдерживалъ.

И Робюръ продолжалъ говорить такъ же небрежно, какъ прежде, нимало не заботясь о своихъ слушателяхъ.

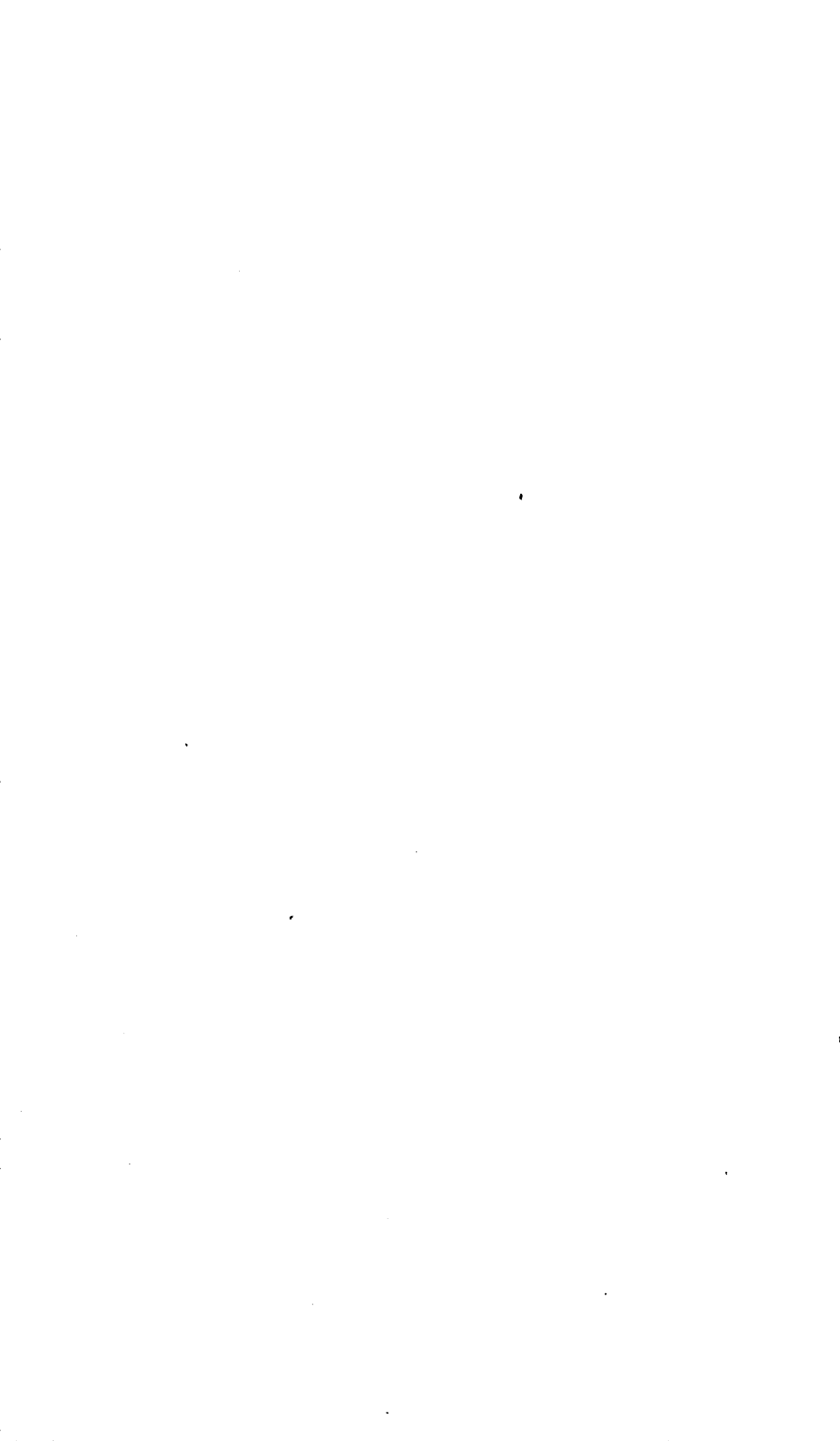
— Да, я знаю... Цѣлый вѣкъ дѣлались опыты, которые ни къ чему путному не привели, а между тѣмъ, до сихъ поръ есть еще неразумные люди, вѣрующіе въ возможность управлять аэростатами. Эти люди воображаютъ, что какого-нибудь электрическаго двигателя достаточно для противодѣйствія воздушнымъ теченіямъ, игралищемъ которыхъ служатъ ихъ глупые шары. Они воображаютъ, что можно управлять аэростатомъ въ воздухѣ, какъ кораблемъ въ морѣ. На чемъ они основывали такое убѣжденіе? Неужели на томъ, что нѣкоторые изобрѣтатели достигали кое-какихъ жалкихъ результатовъ при тихомъ вѣтрѣ? Это ли не глупость? Васъ здѣсь цѣлая сотня людей, увлекшихся нелѣпою мечтой и бросающихъ тысячи долларовъ даже не въ воду, а въ пустоту, въ абсолютную пустоту. Это ли не безумная борьба съ невозможностью?

Довольно странно, но члены Вельдонскаго института даже не шелохнулись при такомъ рѣзкомъ утвержденіи. Оглохли они или вдругъ сдѣлались терпѣливы, какъ овцы? Или, можетъ быть, они нарочно сдерживали себя, желая узнать, до чего способенъ дойти дерзкій спорщикъ?

Робюръ продолжалъ:

—...Меня зовут Робюръ, что значить „сила“ и „побѣдитель“. (Стр. 30).

— А, шаръ!.. Вы называете это аэростатомъ, когда для поднятія одного килограмма требуется кубическій метръ газа! Вы полагаете, что вашъ шаръ можетъ противиться вѣтру при помощи какого-то тамъ механизма, когда давленіе крѣпкаго бриза на парусъ корабля равно четыремстамъ лошадинымъ силамъ, когда изъ случая съ Тейхскимъ мостомъ стало для всѣхъ очевидно, что ураганъ можетъ оказывать на одинъ квадратный метръ давленіе въ четыреста сорокъ килограммовъ? Вы надѣтесь на шаръ, когда сама природа не создала по этой системѣ ни единой летающей твари, будь ли то птица, снабженная крыльями, или рыба, снабженная летательной перепонкой, или, наконецъ, млекопитающее...

— Млекопитающее?!..— вскричалъ одинъ изъ членовъ клуба.

— Да, млекопитающее, напримѣръ, хоть летучая мышь, если не ошибаюсь. Развѣ мой оппонентъ никогда не слыхалъ, что это летучее животное принадлежитъ къ классу млекопитающихъ? Ыдаль ли онъ когда-нибудь яичницу изъ яицъ летучей мыши? А?

Оппонентъ прикусилъ языкъ до поры до времени, и Робюръ продолжалъ съ прежнимъ воодушевленіемъ:

— Неужели изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ долженъ отказаться отъ завоеванія воздуха, отъ преобразованія политическихъ нравовъ дряхлаго міра при помощи этой удивительной среды? Вовсе же нѣтъ. Подобно тому, какъ онъ сдѣлался владыкою морей при помощи корабля, весла, паруса, колеса и винта, такъ точно онъ подчинить своему владычеству и атмосферную непредѣльность при помощи аппаратовъ тяжелѣе воздуха, ибо для того, чтобы быть сильнѣе воздуха, нужно быть тяжелѣе его.

На этотъ разъ собраніе разразилось. Какіе грозные возгласы полились на Робюра, словно выстрѣлы изъ ружей или изъ пушекъ!

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ его слова не были объявленіемъ смертельной войны? Развѣ они не были за-

дорной бомбой, брошенной въ лагерь баллонистовъ? Развѣ они не были сигналомъ къ борьбѣ между принципомъ «тяжелѣе» или «легче» воздуха?

Робюръ даже бровью не повелъ. Скрестивъ на груди руки, онъ храбро ждалъ, когда снова водворится тишина.

Дядя Прюданъ жестомъ предложилъ собранію помолчать.

— Да, — вновь заговорилъ Робюръ. — Будущее принадлежитъ летающимъ машинамъ. Воздухъ представляетъ солидную точку опоры. Сообщите воздушной колоннѣ восходящее движеніе въ сорокъ-пять метровъ скорости въ секунду, и на верху ея получить возможность держаться человѣкъ, если поверхность подошвы его обуви будетъ равняться хотя бы только одной восьмой квадратнаго метра. А если скорость колонны дойдетъ до 90 метровъ въ секунду, то человѣкъ устоитъ на ней даже босикомъ. Такимъ образомъ, двигая лопастями винта впередъ съ подобною скоростью массу воздуха, можно получить такіе же точно результаты.

То, что теперь говорилъ Робюръ, еще раньше было высказано сторонниками воздушныхъ лодокъ, которые своими изысканіями много содѣйствовали развитію этого интереснаго вопроса.

Честь распространенія этихъ здравыхъ идей принадлежитъ ученымъ: Понтону д'Амекуръ, де-Лаланделю, Надару, де-Люси, де-Лувріэ, де-Ліэ, Белегюру, Моро, братьямъ Ришаръ, Бабинэ, Жоберу, дю-Тамплю, Саливу, Пено, де-Вильневу, Гошо и Татену, Мишелю Лу, Эдиссону, Планаверню и многимъ другимъ. Сколько разъ эти идеи бросали и потомъ снова брались за нихъ, и въ концѣ-концовъ ихъ ждетъ несомнѣнное торжество. Враги воздушныхъ кораблей утверждаютъ, что птица держится на воздухѣ лишь черезъ нагрѣваніе того воздуха, который она въ себя вбираетъ. Но развѣ имъ не дали блистательнаго возраженія? Развѣ не доказали имъ, что орелъ, вѣсящій

пять килограммовъ, долженъ бы былъ въ такомъ случаѣ вбирать въ себя пятьдесятъ кубическихъ метровъ воздуха только для того, чтобы держаться въ пространствѣ?

Этотъ аргументъ Робюръ выставилъ съ неопровержимой логикой среди гвалта, поднявшагося со всѣхъ сторонъ.

Въ заключеніе онъ бросилъ въ лицо баллонистамъ слѣдующія слова:

— Съ вашими аэростатами вы ничего не сдѣлаете, ничего не достигнете, ни на что не рѣшитесь. Самый храбрый изъ вашихъ аэронавтовъ, Джонъ Вайзъ, хотя и пролетѣлъ надъ материкомъ около 1,200 миль, однако, вынужденъ былъ отказаться отъ перелета черезъ Атлантическій океанъ. И съ тѣхъ поръ вы не подвинулись на своемъ пути ни на шагъ, ни на одну іоту.

— Сэръ,—сказалъ тогда президентъ, тщетно стараясь сохранить спокойствіе, — вы забываете слова нашего безсмертнаго Франклина, сказанныя имъ при возникновеніи перваго монгольфьера. Онъ сказалъ: «Это еще ребенокъ, но онъ вырастетъ и будетъ большимъ». И ребенокъ дѣйствительно выросъ.

— Нѣтъ, президентъ, нѣтъ, онъ не выросъ и никогда не вырастетъ. Онъ только растолстѣлъ, а это не все равно.

Это было прямымъ нападеніемъ на проекты Веллдонскаго института, только-что ассигновавшаго громадную сумму на постройку аэростата-монстра. Въ залѣ съ разныхъ сторонъ слышались угрожающіе возгласы:

— Долой пришлеца! Вонъ его, нахала!

— Сбросить его съ трибуны!..

— Показать ему, насколько онъ тяжелѣе воздуха!

И многое другое въ этомъ родѣ.

Но до дѣла все-таки не доходило. Война ограничивалась пока одними словами. Робюръ безстрастно выждалъ удобной минуты и вскричалъ:

— Прогрессъ принадлежитъ не аэростатамъ, господа баллонисты, а летающимъ машинамъ. Да-съ. Птица летаетъ, а вѣдь она не воздушный шаръ, она—механизмъ!..

— Да, летаетъ!—вскричалъ, весь кипя отъ негодованія, мистеръ Батъ Г. Файнъ,—но это ровно ничего не доказываетъ. Она летаетъ вопреки всѣмъ правиламъ механики.

— Какъ бы не такъ!—пожалъ плечами Робюръ, и продолжалъ съ неослабѣвающей энергіей:—съ тѣхъ поръ, какъ начали изучать полетъ большихъ и малыхъ аппаратовъ, выяснилось и установилось одно неизмѣнное правило: подражай природѣ, ибо она никогда не введетъ въ заблужденіе. Разница между альбатросомъ, который дѣлаетъ не болѣе десяти взмаховъ крыльями въ минуту, и между пеликаномъ, дѣлающимъ семьдесятъ взмаховъ...

— А не семьдесятъ-одинъ? — произнесъ чей-то насмѣшливый голосъ.

— Пчелою, которая дѣлаетъ сто-девяносто-два взмаха въ секунду...

— Нѣтъ, немножко больше: сто-девяносто-три! — кто-то еще крикнулъ насмѣхъ.

— Обыкновенною мухой, дѣлающей триста-тридцать...

— Триста-тридцать съ половиною, — продолжали издѣваться баллонисты.

— И комаромъ, дѣлающимъ нѣсколько милліоновъ...

— Что вы! Милліардовъ!..

Но Робюръ не обращалъ вниманія на то, что его перебиваютъ, и продолжалъ высчитывать:

— Между этими цифрами разница громадная...

— Но бываетъ и больше! — возразилъ еще одинъ голосъ.

— Но изъ этой разницы можно сдѣлать практическій выводъ... Съ тѣхъ поръ, какъ г. де-Люси доказалъ, что насѣкомое, вѣсящее два грамма, можетъ

поднять грузъ вѣсомъ 400 граммовъ, то-есть грузъ въ двѣсти разъ большій, чѣмъ вѣситъ оно само,— съ этихъ поръ вопросъ о воздухоплавании можно считать рѣшеннымъ. Этотъ же ученый доказалъ, что поверхность крыла уменьшается по мѣрѣ увеличенія размѣровъ и вѣса летающаго животного. Послѣ того было изобрѣтено и построено болѣе шестидесяти аппаратовъ...

— Изъ которыхъ ни одинъ не могъ летать!— вскричалъ секретарь Филь Эвансъ.

— Могли, и летали, и будутъ летать,— хладнокровно и убѣжденно возразилъ Робюръ. — Называйте ихъ стреофорами, геликоптерами, ортоптерами, называйте ихъ *avis*ами или *pavis*ами,—это рѣшительно все равно. Важно то, что въ концѣ-концовъ несомнѣнно получится аппаратъ, который сдѣлаетъ человѣка властителемъ пространства.

— Ахъ, да, это вы про винтъ!— не унимался Филь Эвансъ. — Но вѣдь позвольте: у птицъ, сколько мнѣ извѣстно, не бываетъ винта.

— Бываетъ, гражданинъ, — отвѣчалъ Робюръ:— г. Пено недавно доказывалъ, что птица при летаніи сама превращается въ винтъ. Ея полетъ винтовой. Слѣдовательно, двигатель будущаго—винтъ.

— О, Господи! Спаси насъ отъ войны, глада, мора и... винта,—комически продекламировалъ нараспѣвъ кто-то изъ баллонистовъ.

— Да, да!—громовымъ хоромъ рявкнули остальные члены института и закатились смѣхомъ.

Долго стоялъ стонъ въ обширной залѣ. Воспользовавшись кратковременнымъ перерывомъ гвалта, дядя Прюданъ счелъ долгомъ замолвить слово отъ себя.

— Господинъ воздухоплаватель,—отнесся онъ къ инженеру,—вы вотъ такъ хорошо все это намъ расписываете. На словахъ всегда хорошо выходитъ. А позвольте васъ спросить: летали ли вы когда-нибудь сами?

— Очень успѣшно.

— И воздухъ себѣ покорили?

— Весьма возможно и это, сэръ.

— Въ такомъ случаѣ поздравляю васъ!

— Да здравствуетъ Робюръ-завоеватель!.. Ура!..—
крикнулъ одинъ ироническій голосъ.

— Ну, что жъ. Очень хорошо. Завоеватель, такъ завоеватель. Я принимаю это прозвище и буду его носить. Я, мнѣ кажется, имѣю на него право.

— Позволяемъ себѣ сильно сомнѣваться въ этомъ!—
вскричалъ Джемсъ Кипъ.

Робюръ нахмурилъ брови.

— Господа,—сказалъ онъ,—когда я веду серьезную бесѣду о чемъ-нибудь серьезномъ, то не терплю неприличныхъ выходокъ. Желалъ бы знать имя того господина, который сейчасъ меня перебилъ.

— Меня зовутъ Джемсъ Кипъ. Я вегетарианецъ *).

— Гражданинъ Джемсъ Кипъ,—отвѣчалъ Робюръ,—известно, что у вегетарианцевъ, какъ вообще у травоядныхъ, внутренности длиннѣе, чѣмъ у прочихъ людей и, говорятъ, длиннѣе почти на футъ. Это вѣдь ужъ очень много... не доводите меня до того, чтобъ я вытянулъ ихъ вамъ еще больше, начавши съ вашихъ ушей.

— Вонъ его, вонъ!

— За дверь!

— На улицу!

— Въ куски его!

— По закону Линча!

— Скрутить его вотъ такъ!

— Шею ему свернуть!

Ярость баллонистовъ дошла до высшей степени. Всѣ они вскочили съ своихъ мѣстъ и окружили трибуну, на которой стоялъ Робюръ. Инженера не стало видно среди цѣлой рощи поднятыхъ рукъ, качавшихся словно деревья во время бури. Тщетно паро-

*) Сторонникъ исключительно растительной пищи.

—...Вы не американцы, господа баллонисты, вы не достойны этого имени.
(Стр. 43).

вая труба президента гудѣла на весь домъ. Гвалтъ стоялъ, точно на пожарѣ. Жители Филадельфїи имѣли полное право вообразить, что загорѣлся цѣлый кварталъ, и что не достанетъ всей воды изъ Скуйлькиля, чтобы потушить бушующее пламя.

Вдругъ толпа по какой-то причинѣ отхлынула прочь; Робюръ, вынувъ руки изъ кармановъ, протянулъ ихъ къ переднему ряду нападавшихъ.

Въ каждой рукѣ у инженера было по скорострѣльному револьверу. Видъ этихъ-то двухъ карманныхъ картечицъ и отрезвилъ толпу.

Тогда, пользуясь отступленіемъ нападающихъ и моментально наставшею тишиной, инженеръ проговорилъ своимъ зычнымъ голосомъ:

— Положительно можно сказать, что Америку открылъ не Америго Веспуччи, а Себастьянъ Кабо. Вы не американцы, господа баллонисты, вы не достойны этого имени. Вы просто кабот...

Раздались четыре или пять выстрѣловъ, пущенныхъ на воздухъ и никого не ранившихъ. Инженеръ скрылся въ дыму, а когда дымъ разсѣялся, то незнакомца простылъ и слѣдъ.

Робюръ-завоеватель какъ будто улетѣлъ на одномъ изъ своихъ воздушныхъ аппаратовъ...

ГЛАВА IV.

Авторъ, по поводу рѣчи о лакеѣ фриколенѣ, пытается возстановить репутацію луны.

Конечно, не разъ уже случалось членамъ Вельдонскаго института при разѣздѣ съ бурныхъ засѣданій оглашать своимъ крикомъ Вальнутъ-стритъ и примыкающія улицы. Не разъ уже обитатели околотка справедливо жаловались на такое неумѣстное окончаніе споровъ, нарушавшее ихъ домашній покой. Нерѣдко даже полисмены вмѣшивались, расчищая дорогу прохожимъ, нисколько не заинтересованнымъ въ вопросѣ о воздухоплаваніи и потому терпѣвшимъ похмелье въ чужомъ пиру. Но до нынѣшняго вечера шумъ и гвалтъ не доходилъ до такихъ ужасныхъ размѣровъ, ни разу еще жалобы обывателей не были такъ справедливы и вмѣшательство полисменовъ такъ настоятельно необходимо.

Впрочемъ, почтенныхъ членовъ Вельдонскаго института на этотъ разъ можно было вполне извинить и ужъ во всякомъ случаѣ дать имъ снисхожденіе. Вѣдь, подумайте, читатель: на нихъ не побоялись напасть въ ихъ же домѣ, у ихъ священнаго очага, такъ сказать. Ярымъ сторонникамъ системы «легче воздуха» не менѣе ярый сторонникъ системы «тяжелѣе воздуха» наговорилъ самыхъ непріятныхъ вещей, и въ тотъ моментъ, когда съ нимъ хотѣли расправиться по заслугамъ, наглець исчезъ самымъ непонятнымъ образомъ.

Такая дерзость требовала отмѣстки. Ни одинъ американецъ не простить подобнаго оскорбленія. Сыновъ Америго назвать сынами Кабо! Развѣ же это не смертельная обида? Развѣ можно ее простить, тѣмъ болѣе, что она вдобавокъ еще и исторически справедлива?

Члены клуба отдѣльными кучками бросились сначала на улицу Вальнута-стритъ, потомъ въ сосѣднія улицы и разбѣжались по всему кварталу. Они перебудили всѣхъ жителей и потребовали обыска въ домахъ съ условіемъ заплатить впослѣдствіи за безпокойство и за нарушеніе права домашняго очага, которыя считаются священными у всѣхъ народовъ англосаксонской расы. Но вся суматоха, всѣ обыски ни къ чему не повели. Робюра не нашли нигдѣ. Онъ исчезъ безслѣдно. Если бы онъ улетѣлъ на Gvlead'ъ, шарфъ Вельдонскаго института, то и тогда его исчезновеніе не было бы безслѣднѣе. Цѣлый часъ шли розыски, отъ которыхъ пришлось въ концѣ-концовъ съ безславіемъ отказаться, и почтенные коллеги разстались другъ съ другомъ, давъ себѣ торжественную клятву разыскать нахала хотя бы на днѣ морскомъ.

Часамъ къ одиннадцати въ кварталѣ водворилась, наконецъ, тишина. Богоспасаемая Филадельфія получила возможность погрузиться въ тотъ крѣпкій сонъ, который данъ въ удѣлъ лишь городамъ не промышленнымъ. Члены клуба разошлись по домамъ. Въ отдѣльности упомянемъ лишь о самыхъ выдающихся изъ нихъ. Вильямъ Т. Фарбсъ пошелъ на свой тряпично-сахарный заводъ, гдѣ миссъ Долли и миссъ Мать приготовили для него вечерній чай съ сахаромъ собственной фабрикаціи. Трукъ Мильноръ пошелъ къ себѣ на фабрику; труба которой дымила день и ночь въ одномъ изъ отдаленнѣйшихъ предмѣстій. Казначей Джемсъ Кипъ, публично обвиненный въ томъ, что у него кишки длиннѣе, чѣмъ слѣдуетъ, по пріѣздѣ домой прямо прошелъ въ столовую, гдѣ его ждалъ ужинъ исключительно изъ растительныхъ веществъ.

Но два самыхъ именитыхъ баллониста—только они двое не думали еще возвращаться подъ домашній кровъ. Они воспользовались случаемъ, чтобы побесѣдовать между собою самымъ основательнымъ образомъ. То были непримиримые враги, дядя Прюданъ и Филь Эвансъ, одинъ президентъ, другой секретарь Вельдонскаго института.

У дверей клуба дядю Прюдана поджидалъ его лакей, Фриколенъ. Лакей пошелъ сзади барина, не заботясь о бесѣдѣ послѣдняго съ секретаремъ клуба.

Впрочемъ, мы употребили слово «бесѣда» только изъ учтивости. Оно совсѣмъ недостаточно для обозначенія того, что происходило между президентомъ и секретаремъ. Они не бесѣдовали, они просто спорили между собою, на чемъ свѣтъ стоитъ. Ихъ обоюдная, плохо скрытая вражда чрезвычайно подогрѣвала и обостряла споръ.

— Нѣтъ, сэръ, нѣтъ, это не такъ,—твердилъ Филь Эвансъ:—если бы я имѣлъ честь быть президентомъ Вельдонскаго института, то я бы никогда, никогда не допустилъ до такого скандала.

— Ну-съ, а что бы вы сдѣлали, если бъ имѣли эту честь?—освѣдомился дядя Прюданъ.

— Я бы срѣзалъ этого нахала, прежде чѣмъ онъ успѣлъ бы заговорить.

— Мнѣ кажется, что прежде чѣмъ срѣзать кого бы то ни было, нужно дать ему сказать слово.

— Только не въ Америкѣ, сэръ, не въ Америкѣ.

Слово за слово, послѣдовалъ обмѣнъ колкостей, и соперники, увлекшись незамѣтно для самихъ себя, пошли совсѣмъ не по тѣмъ улицамъ, по которымъ имъ слѣдовало идти. Такимъ образомъ, имъ предстоялъ огромный крюкъ.

Фриколенъ не отставалъ отъ нихъ, но уже начиналъ беспокоиться по тому поводу, что его господинъ заходитъ въ мѣста все болѣе и болѣе пустынные. Онъ, лакей Фриколенъ, не долгобливалъ подобныхъ мѣстъ, особенно въ полночь. Дѣйствительно, было очень темно,

и молодой, только что народившійся мѣсяцъ, едва-едва свѣтилъ на небѣ.

Фриколенъ поглядывалъ то направо, то налево: не слѣдятъ ли за ними какія-нибудь подозрительныя тѣни. И, какъ на грѣхъ, ему вдругъ показалось, что за ними не перестаютъ слѣдить какихъ-то пять или шесть рослыхъ молодцовъ.

Фриколенъ инстинктивно подошелъ поближе къ своему барину, но онъ ни за что на свѣтѣ никогда бы не рѣшился помѣшать разговору, изъ котораго ему удалось подхватить налету нѣсколько обрывковъ.

Случилось такъ, что президентъ и секретарь Вельдонскаго института, сами не отдавая себѣ отчета въ томъ, что они дѣлаютъ, направились къ Фермонтскому парку. Тутъ, въ самомъ пылу спора, они перешли черезъ рѣку Скуйлькиль по знаменитому металлическому мосту, встрѣтили нѣсколько запоздалыхъ прохожихъ и очутились среди обширнаго пространства, частью образующаго превосходные луга, частью обсаженнаго прекрасными деревьями, благодаря которымъ Фермонтскій паркъ имѣетъ право назваться единственнымъ въ своемъ родѣ изъ парковъ цѣлаго свѣта.

Тогда на лакея Фриколена напалъ леденящій страхъ, тѣмъ болѣе основательный, что замѣченныя имъ пять или шесть подозрительныхъ тѣней вступили слѣдомъ за нимъ на Скуйлькильскій мостъ. Онъ напрягалъ зрѣніе до послѣдней степени, расширялъ зрачки до невозможности, а самъ все ежился и умалился тѣломъ, уподобляясь какому-то моллюску.

Сказать правду, лакей Фриколенъ былъ совершеннѣйшій трусъ.

Онъ былъ кровный негръ изъ Южной Каролины, съ бычачьей головой на здоровенномъ торсѣ. Лѣтъ ему было, какъ разъ, съ годомъ двадцать, слѣдовательно, онъ никогда не былъ рабомъ, даже не родился имъ, но отъ этого онъ нисколько не былъ лучше. Онъ былъ страшный притворщикъ, обжора и лѣнтяй, но главное — замѣчательный трусъ. Онъ былъ на

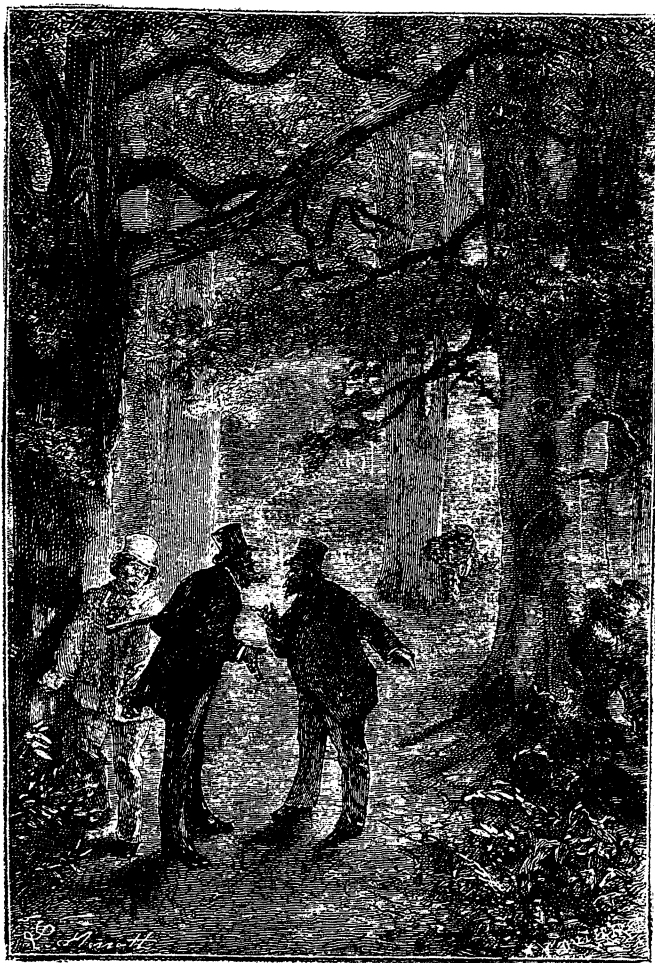
службѣ у дяди Прюдана три года. Разъ сто онъ доводилъ своего барина до того, что тотъ хотѣлъ прогнать его вонъ, но дядя Прюданъ въ концѣ-концовъ всякій разъ прощалъ своего сквернаго слугу изъ опасенія попасть на еще сквернѣйшаго. Съ другой стороны, служа барину, готовому пуститься въ какое угодно смѣлое предпріятіе, и самъ Фриколенъ не имѣлъ ни минуты душевнаго покоя. Онъ того и ждалъ, что ему придется впутаться въ какую-нибудь опасную передѣлку. Такое неудобство уравнивалось для негра только тѣмъ, что за обжорство его не бранили, за лѣность прощали и, вообще, рѣдко нарушали его тѣлесное спокойствіе. А это для него было всего дороже. Ахъ, Фриколенъ, Фриколенъ! Если бы ты только могъ предвидѣть будущее!

И зачѣмъ только, Фриколенъ, не остался ты въ Бостонѣ на службѣ у нѣкоего семейства Снеффель, которое раздумало ѣхать въ Швейцарію, услыхавъ, что тамъ въ горахъ бываютъ обвалы? Это мѣсто было гораздо больше по тебѣ, чѣмъ служба у дяди Прюдана, который бросается изъ одного безразсудства въ другое.

Но какъ бы то ни было, а Фриколенъ все-таки служилъ у дяди Прюдана, и баринъ подъ конецъ привыкъ къ его недостаткамъ. Впрочемъ, у него было и одно качество. Хотя Фриколенъ и былъ по происхожденію негръ, но негритянскаго языка не зналъ и говорилъ по-англійски правильно. Дядѣ Прюдану это очень нравилось, потому что, дѣйствительно, крайне несносенъ этотъ ужасный жаргонъ съ обиліемъ притяжательныхъ мѣстоименій и неопредѣленныхъ наклоненій.

Итакъ у насъ окончательно установленъ фактъ, что Фриколенъ былъ страшный трусъ. Однимъ словомъ, онъ по поговоркѣ былъ «трусливъ, какъ луна».

Тутъ я сдѣлаю отступленіе, воспользуюсь случаемъ для заявленія громкаго протеста противъ оскорбительнаго сравненія цѣломудренной сестры лучезарнаго

„Какъ разъ въ эту минуту пререканіе между двумя соперниками достигло
высшаго градуса“. (Стр. 51).

Аполлона, кроткой Селены, съ лакеемъ Фриколеномъ. По какому праву обвиняють въ трусости планету, которая, съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, всегда смотрѣла землѣ прямо въ лицо и никогда не поворачивала къ ней тыла?

Въ эту ночь—а было ужъ за полночь—оклеветанная красавица, блѣдная и юная, начинала исчезать на западѣ за высокими деревьями парка. Серебристые лучи ея лишь кое-гдѣ сквозили изъ-за густой листвы, разбрасывая по землѣ рѣдкіе обрывки матоваго свѣта. Вслѣдствіе этого нижнія части деревьевъ казались свѣтлѣе верхнихъ.

Такое обстоятельство дало Фриколену возможность взглянуть попристальнѣе и попытливѣе.

— Брр!—произнесъ онъ.—Негодяи этакіе, они еще тутъ. Ну, право же, они подходятъ все ближе и ближе.

Онъ не могъ больше удержаться и сказалъ пронзительнымъ шопотомъ, подходя къ своему барину:

— Мистеръ дядя! Мистеръ дядя!

Такъ называлъ онъ всегда президента Вельдонскаго института по личному приказанію самого дяди Прюдана.

Какъ разъ въ эту минуту пререканіе между двумя соперниками достигло высшаго градуса. Такъ какъ они въ это самое время усиленно посылали другъ друга къ чорту, то влетѣло и Фриколену. Ему тоже предложили принять участіе въ этой прогулкѣ.

Забрасывая противника гнѣвными словами и отъ него получая въ отвѣтъ таковыя же, дядя Прюданъ все дальше и дальше углублялся въ пустынные луга Фермонтскаго парка, все больше и больше удаляясь отъ Скуйлькиль-ривера и моста, по которому вела дорога въ городъ. Фриколенъ поневолѣ не отставалъ, весь дрожа, какъ осиновый листъ.

Всѣ трое очутились въ самой срединѣ густой купы деревьевъ, вершины которыхъ обливались послѣднимъ свѣтомъ заходящей луны.

За этой купой разстилалась широкая поляна овальной формы, чрезвычайно удобная для гимнастических игръ и для скачекъ. На всемъ пространствѣ обширнаго овала не было ни одной матѣишей неровности, ни одного бугорка, ни одной кочки; на протяженіи нѣсколькихъ верстъ не росло ни одного дерева, которое бы мѣшало кругозору.

Однако, если бы дядя Прюданъ и Филъ Эвансъ не были такъ заняты своимъ предпріятельствомъ, если бы они взглянули чуточку повнимательнѣе, то они замѣтили бы, что поляна измѣнила свой обычный видъ.

Въ полутьмѣ можно было видѣть какой-то предметъ, очень похожій на вѣтряную мельницу съ неподвижными крыльями.

Но ни президентъ, ни секретарь Вельдонскаго клуба не замѣтили этой странной перемѣны въ пейзажѣ Фермонтскаго парка. Фриколенъ тоже не замѣтилъ. Онъ былъ занятъ исключительно одними таинственными бродягами. Ему казалось, что они приближаются и стараются окружить путниковъ, словно приготовляясь къ рѣшительному удару. Отъ страха у него сѣлались спазмы въ груди, руки и ноги похолодѣли и не двигались, по спинѣ бѣгали мурашки. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ этого слова объятъ ужасомъ.

Хотя онъ уже и ногъ подъ собой не считалъ, однако, все-таки собрался съ силами и крикнулъ въ послѣдній разъ отчаяннымъ голосомъ:

— Мистеръ дядя!.. Мистеръ дядя!

— Да ну, чего тебѣ? Что ты пристаешь? — съ сердцемъ огрызнулся на бѣднаго лакея дядя Прюданъ.

Быть можетъ, и онъ и Филъ Эвансъ не прочь были сорвать свою злобу на подвернувшемся слугѣ, но у нихъ не нашлось на это времени. Точно также и лакей не успѣлъ отвѣтить на сердитый вопросъ барина.

Случилось нѣчто необыкновенное.

Въ лѣсу раздался пронзительный свистъ. Вслѣдъ затѣмъ на серединѣ поляны зажглось что-то вродѣ электрической звѣзды.

„Въ нѣсколько секундъ ихъ скрутили по рукамъ и по ногамъ, завязали имъ ротъ и глаза и быстро понесли ихъ черезъ долину“. (Стр. 55).

Быстрѣе, чѣмъ можно сказать словами, изъ-за деревьевъ выбѣжали шесть человѣкъ и кинулись двое на дядю Прюдана, двое на Филя Эванса и двое на Фриколена. Въ послѣднемъ случаѣ двухъ было слишкомъ много, потому что негръ не въ силахъ былъ защищаться: страхъ заковалъ его въ цѣпи.

Несмотря на крайнюю неожиданность нападенія, президентъ и секретарь Вельдонскаго института хотѣли оказать сопротивленіе. Но у нихъ не было для этого ни времени, ни силъ. Въ нѣсколько секундъ ихъ скрутили по рукамъ и по ногамъ, завязали имъ ротъ и глаза и быстро понесли ихъ черезъ поляну. Разумѣется, они первымъ дѣломъ подумали на обыкновенныхъ грабителей, специально занимающихся очищеніемъ кармановъ у запоздалыхъ путниковъ. Но это было не совсѣмъ такъ. Ихъ никто не обыскивалъ, хотя у дяди Прюдана по обыкновенію лежало въ карманѣ нѣсколько тысячъ долларовъ ассигнаціями.

Во все это время нападающіе не перемолвились между собою ни словомъ. Спустя минуту, дядя Прюданъ, Филь Эвансъ и Фриколенъ почувствовали, что ихъ куда-то тихо кладутъ, но не на траву, а на какой-то помостъ, который подъ ними заскрипѣлъ. Ихъ положили рядомъ, затѣмъ захлопнулась дверь и шелкнула задвижка. Всѣ трое поняли, что они въ плѣну.

Затѣмъ послышался протяжный звукъ вродѣ не то хрипѣнья, не то шуршанья,—какъ бы «фррррр» съ безконечнымъ протяженіемъ *r*—и, кромѣ этого страннаго звука, ничто больше не нарушало глубокой ночной тишины...

На другой день вся Филадельфія была въ страшномъ волненіи.

Съ ранняго утра весь городъ уже зналъ о событіи, случившемся наканунѣ во время засѣданія Вельдонскаго института,—о томъ, что въ засѣданіе явился какой-то инженеръ Робюръ-завоеватель, тяжело оскорбилъ баллонистовъ и непонятнымъ образомъ исчезъ.

Но это были еще цвѣточки. Можно себѣ представить, до чего дошелъ переполохъ, когда по городу разошлась молва о таинственномъ исчезновеніи президента и секретаря клуба въ ту же самую ночь съ 12-го на 13-е іюня.

Перешарили весь городъ и всѣ окрестности. Ничего не нашли, ни малѣйшаго слѣда. О событіи заговорили газеты, сначала филадельфійскія, потомъ пенсильванскія, а потомъ и вся американская печать. Судили и рядили на всѣ лады, толковали фактъ вкривь и вкось и, какъ водится, ничего не объяснили. Появились объявленія и афиши съ обѣщаніемъ крупной награды не только тому, кто отыщетъ пропавшихъ, но даже всякому, кто дастъ хотя бы малѣйшее указаніе. Ничто не дѣйствовало. Президентъ и секретарь Вельдонскаго института словно сквозь землю провалились.

По этому случаю правительственные органы пустили въ ходъ проектъ объ увеличеніи штата полиціи, на томъ основаніи, что если въ государствѣ возможны такіе дерзкіе проступки противъ личности, то слѣдовательно существующей полиціи недостаточно.

Съ другой стороны, оппозиціонныя газеты принялись доказывать, что всю полицію нужно распустить, потому что все равно отъ нея нѣтъ никакого толку: она-де ни за чѣмъ не смотритъ и не только не умѣетъ пресѣкать преступленій, но даже не способна отыскать преступниковъ.

Быть можетъ, обѣ стороны были до извѣстной степени правы.

Въ концѣ-концовъ полиція осталась въ томъ же видѣ, какъ и была. Ничто не совершенно въ нашемъ лучшемъ изъ міровъ, который отнюдь не можетъ назваться совершеннымъ, да никогда и не будетъ такимъ.

ГЛАВА V.

Между президентомъ и секретаремъ Вельдонскаго института заключается перемиріе.

На глазахъ повязка, во рту затычка, по рукамъ и по ногамъ веревка, слѣдовательно, полная невозможность видѣть, говорить и двигаться; таково было положеніе, въ которомъ неожиданно очутились дядя Прюданъ, Филь Эвансъ и лакей Фриколенъ.

Присоедините къ этому неизвѣстность, — кто, зачѣмъ, какъ и для чего ихъ похитилъ и какая участь ихъ ждетъ, и вы легко поймете, что тутъ было отчего лопнуть даже овечьему терпѣнію, а мы уже имѣли случай видѣть, что члены Вельдонскаго клуба насчетъ терпѣнія были далеко не агнцы. Дядя же Прюданъ былъ изъ всѣхъ членовъ едва ли не самымъ вспыльчивымъ, такъ что легко себѣ представить, каково было его душевное состояніе.

И онъ и Филь Эвансъ пришли къ убѣжденію, что врядъ ли имъ придется на слѣдующій вечеръ занять свои обычные мѣста за столомъ засѣданій общества.

Что касается Фриколена, то онъ ровно ни о чемъ даже думать не могъ. Онъ лежалъ ни живъ, ни мертвъ.

Такъ прошло съ часъ времени. Положеніе плѣнниковъ не перемѣнялось. Никто не приходилъ къ нимъ. Они могли только вздыхать и односложно мычать сквозь повязку, да еще могли судорожно корчиться и егозить по полу, точно рыбы, вынутыя изъ воды;

вотъ и все. Больше имъ ничего не оставалось дѣлать. Послѣ этого легко себѣ представить всю силу ихъ подавленнаго или, точнѣе говоря, связаннаго гнѣва.

Повозившись нѣсколько времени безъ всякой пользы, они притихли и стали прислушиваться. Тщетно напрягали они свой слухъ, — ничего нельзя было разобратъ кромѣ безконечнаго и необъяснимаго звука: *фрррр...* однообразно колебавшаго кругомъ нихъ воздухъ.

Подъ конецъ случилось вотъ что: дѣйствуя спокойнѣе и настойчивѣе дяди Прюдана, Филь Эвансъ ослабилъ веревку, которой у него были связаны руки. Вскорѣ ему удалось совершенно развязать узлы и освободить сильно затекшія отъ тренія руки.

Крѣпко потерявъ ихъ одна о другую, Филь Эвансъ восстановилъ въ нихъ кровообращеніе, потомъ сдернулъ у себя съ глазъ повязку, вытащилъ изо рта затычку и ножомъ перерѣзалъ веревку на ногахъ. Хорошая эта привычка у американцевъ — носить всегда въ карманѣ ножикъ, такъ называемый *bowieknife*.

Филь Эвансъ получилъ возможность свободно дѣйствовать членами; но и только. Видѣть онъ ничего не могъ, потому что плѣнниковъ окружала непроглядная темь. Только въ стѣнѣ ихъ тюрьмы, на высотѣ шести футовъ, просвѣчивалъ слабый свѣтъ сквозь маленькое оконце, вродѣ бойницы.

Разумѣется, Филь Эвансъ ни минуты не помедлилъ освободить своего противника. Онъ быстро разрѣзалъ ножомъ всѣ узлы, опутывавшіе президента. Тотъ привсталъ на колѣни, снялъ съ глазъ и со рта повязку и глухо проговорилъ:

— Спасибо.

— Не стоитъ благодарности, — угрюмо пробурчалъ секретарь.

— Филь Эвансъ!

— Дядя Прюданъ!

— Здѣсь нѣтъ больше ни президента Вельдонскаго клуба, ни секретаря. Здѣсь нѣтъ соперниковъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, должно бы быть.

— Вы правы,—отвѣчалъ Филь Эвансъ.

— Здѣсь только два человѣка, оскорбленные третьимъ и готовые ему отмстить. Этотъ третій...

— Робюръ!

— Да, Робюръ... въ одно слово!

Итакъ нашелся, наконецъ, пунктъ, относительно котораго бывшіе соперники сошлись между собою во мнѣніи. По этому поводу не предвидѣлось ни малѣйшаго спора. Робюръ, Робюръ, — вотъ кто ихъ общій врагъ и оскорбитель.

— А вашъ лакей?—замѣтилъ Филь Эвансъ, указывая на Фриколена, который пыхтѣлъ, какъ паровикъ. Нужно бы его тоже развязать.

— Рано еще, подождите, — отвѣчалъ дядя Прюданъ. — Онъ намъ до-смерти надоѣстъ своими жалобами и причитаніями, а теперь намъ не до нихъ. У насъ другая забота.

— Какая, дядя Прюданъ?

— Забота, какъ бы спастись, если это возможно.

— И даже, если невозможно.

— Совершенно вѣрно, Филь Эвансъ, даже если невозможно. Нужно все исправить.

Ни президенту, ни его товарищу въ голову не приходило сомнѣваться, дѣйствительно ли ихъ похитилъ негодный инженеръ. Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенные добросовѣстные грабители поступили бы совершенно иначе. Они отобрали бы у путниковъ часы, кольца, бумажники, кошельки и потомъ спустили бы ограбленныхъ въ Скуйлькиль, предварительно перерѣзавъ имъ горло. Въмѣсто этого ихъ заперли куда-то... Куда же именно? Этотъ вопросъ предстояло рѣшить узникамъ, прежде чѣмъ предпринимать что-либо для своего спасенія. Убѣгая откуда-нибудь, нужно, во всякомъ случаѣ, хорошо знать, откуда убѣгаешь.

— Филь Эвансъ, — заговорилъ дядя Прюданъ, — чѣмъ бы намъ по выходѣ изъ залы засѣданія говорить другъ другу разныя непріятности, лучше бы было намъ повнимательнѣе и хорошенько смотрѣть, куда

мы идемъ. Не выйди мы изъ города, ничего бы этого не случилось. Я понимаю теперь, какъ все это произошло. Очевидно, Робюръ предвидѣлъ, что должно произойти въ клубѣ, какое раздраженіе вызоветъ его дерзкая выходка и поставилъ у дверей на всякій случай нѣсколько человѣкъ изъ своихъ бандитовъ. Когда мы вышли изъ улицы Вальнута, то его шпіоны пошли за нами слѣдомъ, а какъ только мы неосторожно углубились въ аллею Фермонтскаго парка, то они напали на насъ и связали.

— Да, ваша правда, — согласился еще разъ Филь Эвансъ съ своимъ противникомъ. — Дѣйствительно, мы напрасно не вернулись домой. Глупо сдѣлано, очень глупо.

— Не умно, — подтвердилъ президентъ.

Въ самомъ темномъ углу темницы слышался тяжкій, печальный вздохъ.

— Это что такое? — полюбопытствовалъ Филь Эвансъ.

— Ничего... Фриколенъ мечтаетъ.

Промолчавъ немного, дядя Прюданъ продолжалъ:

— Между моментомъ, какъ насъ связали, и тѣмъ моментомъ, какъ насъ сюда заперли, прошло не болѣе двухъ минутъ. Слѣдовательно, негодяи не унесли насъ изъ Фермонтскаго парка.

— Я самъ тоже думаю, иначе мы чувствовали бы, какъ насъ уносятъ или увозятъ.

— Слѣдовательно, мы теперь находимся въ чуланчикѣ какой-нибудь фуры, вродѣ тѣхъ, что употребляется въ преріи... или, можетъ быть, въ передвижномъ балаганѣ скомороховъ.

— Навѣрное такъ. Если бы это была какая-нибудь лодка, причаленная къ берегу Скуйлькиль-ривера, то все же была бы замѣтна хотя легкая качка. А то ничего, совершенно ничего.

— И въ этомъ я съ вами согласенъ, — повторилъ дядя Прюданъ. — А такъ какъ изъ этого слѣдуетъ, что мы все еще находимся въ Фермонтскомъ паркѣ,

то, стало быть, теперь самое удобное время для бѣгства. Если мы теперь не убѣжимъ, то случая больше не будетъ. Вспомните: мы непремѣнно должны отмстить этому проклятому Робюру...

— Наказать его за незаконное отнятіе свободы у двухъ гражданъ Сѣверо-Американскихъ Сосдиненныхъ Штатовъ...

— Наказать строго, сурово, чтобы всю жизнь помнилъ...

— Но кто онъ такой? Откуда? Англичанинъ онъ, или нѣмецъ, или французъ?

— Онъ негодяй и этого съ насъ довольно, — отвѣчалъ дядя Прюданъ. — А теперь приступимъ къ дѣлу.

Протянувъ руки и растопыривъ пальцы, оба принялись ощупывать стѣны, не найдется ли въ нихъ какой-нибудь щели. Не нашлось ничего, подобного даже двери, которая была плотно и крѣпко заперта на несокрушимый замокъ. Оставалось проломать какъ-нибудь дыру и черезъ эту дыру убѣжать. Но только чѣмъ проломать? Справятся ли складные ножи плѣтниковъ со стѣною? Не изломаются ли они?

— Что же такое все шуршитъ? — спросилъ Филь Эвансъ, удивленный неумолкающимъ *фррр*...

— Вѣтеръ, должно быть, отвѣчалъ дядя Прюданъ.

— Вѣтеръ?.. Да вѣдь ночь, кажется, была совершенно тихая, безъ малѣйшаго вѣтерка.

— Ужъ не знаю, Филь Эвансъ... Но если это не вѣтеръ, такъ что же это такое?

Филь Эвансъ, открывъ самое лучшее лезвіе своего ножа, принялся рѣзать стѣну около двери. Онъ надѣялся, что подъ ножомъ дверь легко подается и что ее можно будетъ отворить, особенно, если ключъ оставленъ въ замкѣ.

Прошло нѣсколько минутъ. Работа Филь Эванса не привела ни къ чему, только всѣ лезвія ножика зазубрились безъ всякаго толка и превратились въ пилю.

— Что, не беретъ, Филь Эвансъ?

— Не беретъ.

— Значить, стѣны-то изъ толя?

— Нѣтъ, дядя Прюданъ. Когда въ нихъ стучишь, то не слышно металлическаго звука.

— Такъ, значить, изъ желѣзнаго дерева?

— Не изъ дерева и не изъ желѣза!

— Такъ изъ чего же, наконецъ?

— Не знаю, но только это вещество крѣпче всякой стали. Ножикъ совершенно его не беретъ.

Дядя Прюданъ разсердился. Онъ вышелъ изъ себя, началъ топтать ногами, кричать, браниться. Попадись ему сейчасъ Робюръ, онъ бы, кажется, готовъ былъ задушить его своими руками.

— Успокойтесь, дядя Прюданъ, — сказалъ ему Филь Эвансъ, — не волнуйтесь такъ. Попробуйте лучше сами. Теперь ваша очередь. Можетъ быть, вы будете счастливе меня и у васъ что-нибудь выйдетъ.

Дядя Прюданъ попробовалъ, но его ножикъ только скользнулъ по стѣнѣ, какъ по стеклу. Самое крѣпкое и острое лезвие оказалось безсильно провести хотя бы маленькую черточку.

Итакъ о бѣгствѣ приходилось отложить всякое попечение, если бы даже оно зависѣло только отъ одной двери.

Приходилось временно покориться необходимости, что вообще не въ натурѣ янки. и дожидаться случая, что всегда такъ противно людямъ практическимъ. Узники, дѣлать нечего, покорились, но не безъ крѣпкихъ ругательствъ по адресу невидимаго Робюра, который если бъ и слышалъ ихъ, то нисколько бы этимъ не тронулся. Не таковъ онъ былъ человѣкъ.

Между тѣмъ, съ Фриколеномъ стало твориться что-то неладное. У него сдѣлались судороги не то — въ желудкѣ, не то — въ конечностяхъ. Онъ ползалъ по полу, извиваясь змѣей.

Дядя Прюданъ счелъ нужнымъ положить конецъ этой гимнастикѣ и перерѣзалъ веревки, которыми негръ былъ связанъ.

Онъ скоро раскаялся въ своемъ добромъ поступкѣ. Развязанный Фриколенъ сейчасъ же принялся за стоны и вопли. Онъ въ буквальномъ смыслѣ страдалъ и желудкомъ и душою: желудкомъ отъ голода, душою отъ страха. Трудно сказать, что у него больше болѣло, потому что негръ дяди Прюдана былъ трусливъ въ такой же мѣрѣ, какъ и обжорливъ.

— Фриколенъ!—вскричалъ дядя Прюданъ.

— Мистеръ дядя! Мистеръ дядя!—отвѣчалъ со стономъ лакей.

— Очень можетъ быть, что намъ въ этой темницѣ суждено умереть голодною смертью. Мы рѣшили погибнуть лишь послѣ того, какъ будутъ исчерпаны всѣ средства продлить наше существованіе.

— Вы хотите меня съѣсть?—въ ужасѣ возопилъ Фриколенъ.

— Конечно. Въ подобныхъ случаяхъ всегда начинаютъ съ негровъ. Поэтому, Фриколенъ, совѣтую тебѣ вести себя какъ можно тише, чтобы мы о тебѣ забыли.

— Иначе изъ бѣднаго Фриколена сдѣлаютъ фри-касе,—сострилъ Филь Эвансъ.

Фриколенъ не на шутку испугался, какъ бы его въ самомъ дѣлѣ не съѣли, не употребили на продленіе двухъ жизней болѣе драгоцѣнныхъ, чѣмъ его собственная. Онъ сталъ вопить и причитать... про себя.

А время шло и шло. Узники царапали стѣну, но безъ всякаго результата. Изъ чего была сдѣлана стѣна—такъ они и не узнали. Въ одномъ они успѣли убѣдиться, что она не деревянная, не каменная и не желѣзная. Полъ темницы, повидимому, былъ изъ того же вещества, какъ и стѣны. Когда по нему топали ногою, то онъ издавалъ звукъ, не подходившій ни подъ какую категорію звуковъ. Другая особенность: подъ поломъ какъ будто была пустота, словно онъ былъ далеко отъ земли. Всѣ эти открытія только увеличивали тревогу узниковъ.

— Дядя Прюданъ? — сказалъ Филь Эвансъ.

— Филь Эвансъ? — отвѣчалъ дядя Прюданъ.

— Не находите ли вы, что наша темница передвинулась съ прежняго мѣста.

— Ничуть не нахожу.

— А между тѣмъ, въ первое время, какъ насъ только-что сюда посадили, я очень ясно чувствовалъ свѣжій запахъ травы и смолистый запахъ деревьевъ парка, тогда какъ теперь, сколько ни вдыхаю воздухъ, ничего подобнаго не слышу.

— Это вѣрно.

— Чѣмъ же объяснить?..

— Чѣмъ угодно, Филь Эвансъ, только не тѣмъ, что наша тюрьма сдвинулась съ мѣста. Повторяю, если бъ это была телѣга или лодка, то мы бы чувствовали качку, либо тряску.

Тутъ Фриколенъ испустилъ протяжный стонъ, похожій на послѣднй вздохъ умирающаго. Но негръ не умеръ, потому что за этимъ стономъ-вздохомъ слышался цѣлый рядъ такихъ же другихъ.

— Я надѣюсь, что этотъ Робюръ скоро явится предъ нами, — замѣтилъ Филь Эвансъ.

— Надѣюсь и я! — вскричалъ дядя Прюданъ. — И ужъ я жъ ему напою!

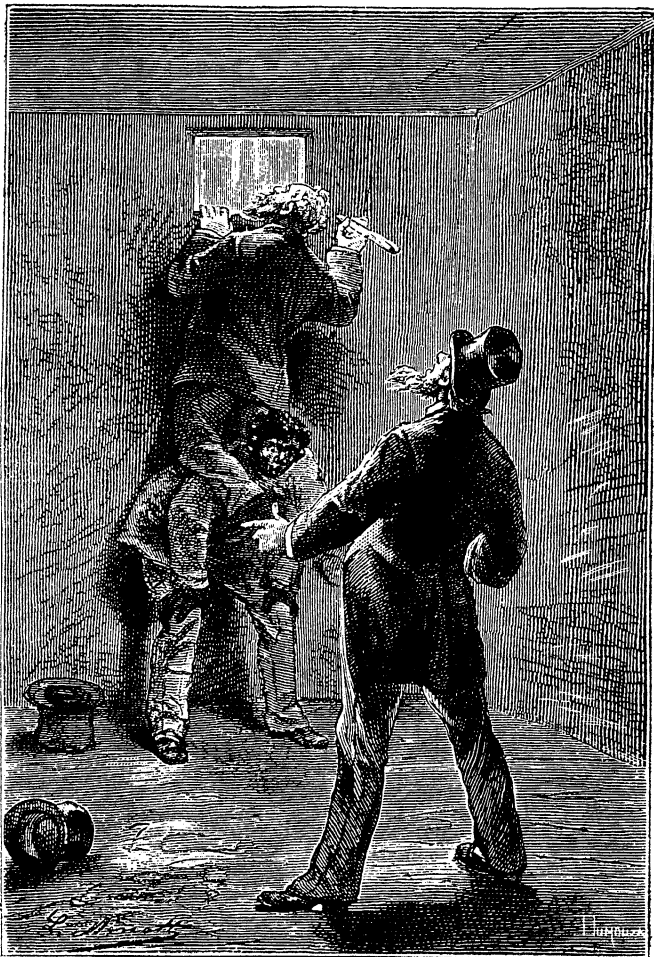
— Что же вы ему напоете?

— Я скажу ему прямо въ лицо, что онъ началъ нахаломъ, а кончилъ подлецомъ.

Въ эту минуту Филь Эвансъ замѣтилъ, что начинается свѣтать. Сквозь оконце брежжилъ сѣроватый свѣтъ. Это означало четыре часа утра, потому что лѣтомъ въ Филадельфiи свѣтаетъ именно въ этомъ часу.

Но когда дядя Прюданъ нажалъ пружинку у своихъ часовъ съ репетиціей, купленныхъ на фабрикѣ его товарища по клубу, то чрезвычайно удивился, услыхавъ бой трехъ часовъ безъ четверти. Между тѣмъ, часы были заведены и не останавливались.

— Странно! — сказалъ Филь Эвансъ. — Въ три часа безъ четверти должно бы быть еще совсѣмъ темно.

„Филь Эвансъ изъ всей силы ударилъ по стеклу ручкой своего ножа“.
(Стр. 67).

— Вѣроятно, мои часы отстают, — отвѣчалъ дядя Прюданъ.

— Часы съ фабрики Wæton Watch Company! — воскликнулъ Филь Эвансъ. — Не можетъ этого быть.

Какъ бы тамъ ни было, а день занимался. Вскорѣ оконце ясно выдѣлилось бѣлизною среди окружающей глубокой темноты. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалась слѣдующая особенность: хотя солнце всходило раньше, чѣмъ бы слѣдовало ему всходить на сороковой параллели, проходящей черезъ Филадельфію, но зато разсвѣтъ совершался далеко не съ тою быстротою, которая свойственна нижнимъ широтамъ.

По поводу такого необъяснимаго феномена дядя Прюданъ сдѣлалъ опять замѣчаніе.

— Попробовать развѣ взобраться на стѣну и выглянуть въ окно? — подалъ мнѣніе Филь Эвансъ. — По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ, гдѣ находимся.

— Что же, можно, — отвѣчалъ дядя Прюданъ и крикнулъ Фриколену: — ну, ты вставай!

Негръ вскочилъ на ноги.

— Прислонись спиною вотъ сюда, къ стѣнѣ, а вы, Филь Эвансъ, становитесь къ нему на плечи. Я буду поддерживать его, чтобы онъ какъ-нибудь не подогнулся и не уронилъ васъ.

— Хорошо, я полѣзу, — согласился Филь Эвансъ.

Онъ вскочилъ на Фриколена и выглянулъ въ бойницу.

Оконце было со стекломъ довольно толстымъ, и видъ изъ него былъ очень неширокій. Филь Эвансъ ничего путемъ не могъ разглядѣть.

— Ну, разбейте стекло, если оно мѣшаетъ, — сказалъ дядя Прюданъ. — Быть можетъ, тогда будетъ виднѣе.

Филь Эвансъ изо всей силы ударилъ по стеклу ручкой своего ножа. Стекло зазвенѣло, но не разбилось.

Филь Эвансъ ударилъ еще сильнѣе. Стекло опять-таки даже не треснуло.

— Что же это за стекло? — вскричалъ секретарь Вельдонскаго института. — Его никакъ не разобьешь.

Дѣйствительно, стекло было, какъ будто, сфабриковано по способу Сименса. Сколько его ни били, оно оставалось невредимымъ.

Между тѣмъ, разсвѣтъ становился все яснѣе и яснѣе, такъ что теперь можно было видѣть даже и черезъ стекло.

— Ну, такъ что же вы тамъ видите? — спросилъ дядя Прюданъ.

— Ничего не вижу! Ровно ничего!

— Какъ? А деревья?

— Нѣтъ деревьевъ.

— Даже верхушекъ? Даже кончиковъ вѣтвей?

— Даже этого.

— Такъ развѣ мы не на полянѣ парка?

— Не только не на полянѣ, но даже и не въ паркѣ.

— Ну, не видите ли вы крышъ, колоколенъ? — продолжалъ допрашивать дядя Прюданъ, кипятясь все больше и больше.

— Ни крышъ, ни колоколенъ.

— Какъ? Неужели ничего? Ну, быть можетъ, фабричныя трубы?

— Ничего. Только пространство и пространство.

Въ эту самую минуту растворилась дверь темницы, и на порогѣ появился высокій мужчина. То былъ Робюръ.

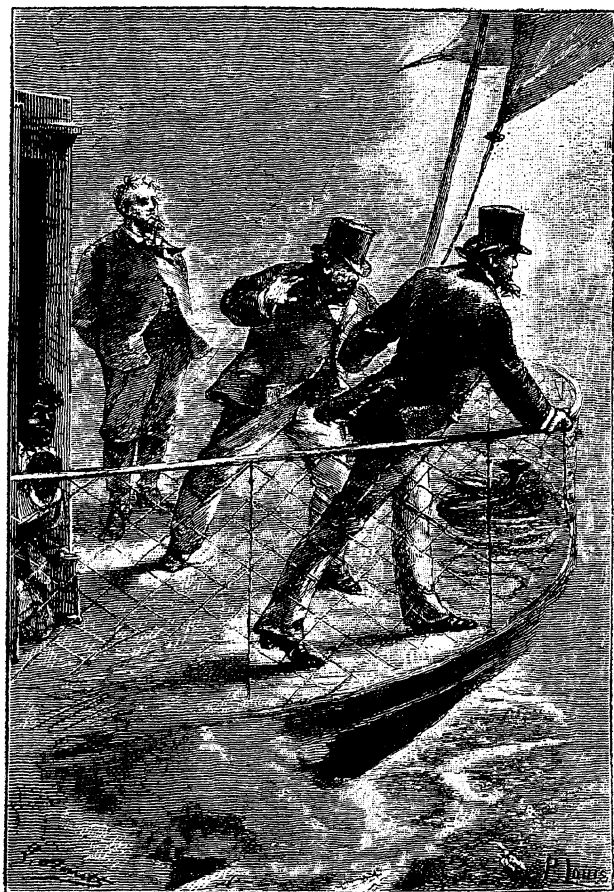
— Почтенные господа баллонисты, — сказалъ онъ своимъ важнымъ голосомъ, — вы свободны. Можете идти, куда вамъ угодно...

— Мы свободны! — вскричалъ дядя Прюданъ.

— Да... въ предѣлахъ моего *Альбатроса*.

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ, какъ сумасшедшіе, выбѣжали изъ кельи. — И что же они увидали!

Ниже, чѣмъ на тысячу метровъ, подъ ними разстилалась земля. Они глядѣли, глядѣли и никакъ не могли узнать, что это за мѣстность...

„Глядя Прюданъ и Филь Эвансъ, какъ сумасшедшіе, выбѣжали изъ каюты“.
(Стр. 68).

ГЛАВА VI,

не безынтересная для инженеровъ, техникувъ и прочаго
ученаго люда.

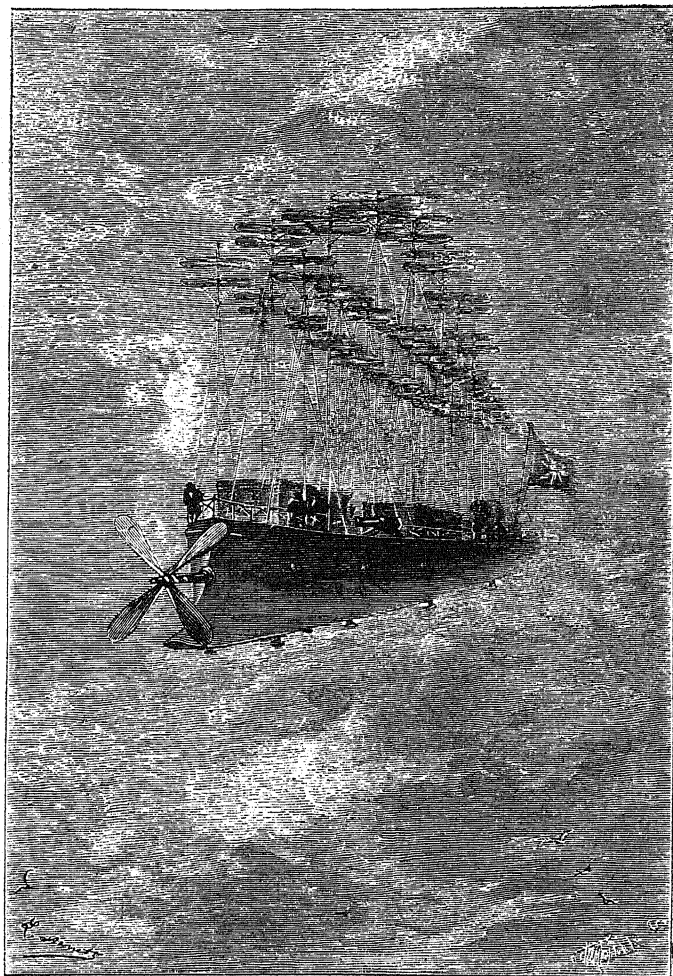
«Когда же, наконецъ, человѣкъ перестанетъ пресмыкаться по землѣ и начнетъ жить въ безмятежной лазури неба?»

Такой вопросъ задаетъ извѣстный астрономъ Камилль Фламаріонъ. Отвѣтъ на него не труденъ: тогда, когда механика сдѣлаетъ настолько значительные успѣхи, что можно будетъ разрѣшить задачу воздухоплаванія.

Въ 1783 году, еще задолго до того, какъ братья Монгольфье устроили первый монгольфьеръ (такъ называются аэростаты съ нагрѣтымъ воздухомъ), а физикъ Шарль свой первый воздушный шаръ, нѣкоторые предприимчивые умы уже мечтали о завоеваніи воздушныхъ сферъ при помощи механическихъ аппаратовъ. Первые изобрѣтатели даже и не думали о снарядахъ легче воздуха: тогдашнее состояніе физическихъ наукъ еще не представляло для этого никакихъ данныхъ. Нѣтъ, тогдашніе изобрѣтатели мечтали плавать по воздуху посредствомъ аппаратовъ тяжелѣе сего, посредствомъ летающихъ машинъ, устроенныхъ на подобіе птицъ.

Именно такъ, между прочимъ, сдѣлалъ и мифическій Икаръ, сынъ Дедала, привязавшій себѣ восковыя крылья, растаявшія при приближеніи къ солнцу.

Но ужъ не говоря о временахъ мифологическихъ, не упоминая даже объ Архитѣ Тарентскомъ, слѣды идеи о летающихъ машинахъ можно найти въ сочиненіяхъ Данта, Перуджино, Леонардо Мореско и Гвидотти. Два вѣка спустя послѣ этихъ послѣднихъ, число изобрѣтателей удвоилось. Въ 1742 году маркизъ де-Баквиль, устроивъ машину съ крыльями, пытался взлетѣть на ней надъ Сеной и упалъ, сломавъ себѣ руку. Въ 1768 году Поктонъ придумалъ проектъ аппарата съ двумя винтами, поддерживающимъ и подталкивающимъ. Въ 1781 году архитекторъ герцога Баденскаго Меервейкъ построилъ машину съ ортоптерическимъ движеніемъ и отвергалъ управляемость аэростатовъ, которые въ то время были только-что изобрѣтены. Въ 1784 году Лонуа и Бьенвекло произвели опытъ съ геликоптерическимъ аппаратомъ, приводимымъ въ движеніе посредствомъ особыхъ пружинъ. Въ 1808 году вышла въ Нантѣ брошюра Денію, въ которой устанавливались принципы системы «легче воздуха». Затѣмъ, отъ 1811 г. до 1840 г., слѣдуетъ рядъ изслѣдованій и изобрѣтеній Берблингера, Вигама, Сарти, Дюбоше и Каньяръ-де-Латура. Въ 1842 году англичанинъ Генсонъ придумываетъ систему наклонныхъ плоскостей и движимыхъ паромъ винтовъ. Въ 1845 г. является Коссю съ своимъ подъемнымъ винтомъ, въ 1847 г. Камилль Веръ съ своимъ геликоптеромъ, имѣющимъ крылья изъ перьевъ, въ 1852 г. Летюръ съ системой управляемыхъ парашютовъ, испытаніе которыхъ стоило изобрѣтателю жизни. Въ томъ же году Мишельс изобрѣтаетъ наклонную плоскость съ четырьмя вертящимися крыльями. Въ 1853 г. Белегикъ предлагаетъ свой *аэропланъ* съ тракціонными винтами, а Джорджъ Каулей газовую воздушную машину. За время отъ 1853 года до 1864 года являются еще изобрѣтатели: Жозефъ Плинъ, получившій патентъ за нѣсколько системъ разомъ, затѣмъ Бріанъ, Карлингфордъ, де-Бри, дю-Тамиль, Брайтъ, Смитсъ,

„Альбатросъ“ Робюра. (Стр. 75).

Панафье, Кранье и др. Наконецъ, въ 1863 году, благодаря стараніямъ Надара, въ Парижѣ учреждается общество сторонниковъ системы «тяжелѣе воздуха». Тутъ изобрѣтатели начинаютъ пробовать свои машины, изъ которыхъ многія даже получаютъ патенты, какъ-то: паровой геликоптеръ Понтон д'Амекура, аппаратъ Лаланделя, состоящій изъ сочетанія наклонныхъ плоскостей, винтовъ и парашютовъ, аэроскафъ Луврие, механическая птица д'Эстерно, машина Гроофа, летающая посредствомъ крыльевъ, приводимыхъ въ движеніе рычагами, и т. д. Вообще толчокъ былъ данъ. Изобрѣтатели принялись изобрѣтать, изслѣдователи изслѣдовать, математики вычислять. Буркаль, ле-Бри, Кауфманъ, Смитъ, Стрингфелло, Приджентъ, Данжаръ, Помесь и де-ла-Позъ, Муа, Пено, Жоберъ, Гюро-де-Вильневъ, Ахенбахъ, Гарापонтъ, Дюшенъ, Дандюранъ, Паризель, Дье-Эдъ, Мелькисфъ, Форланини, Брсарей, Татенъ, Дандріэ, Эдисонъ,—всѣ принялись за усовершенствованіе кто винтовъ, кто крыльевъ, кто наклонныхъ плоскостей. Вопросъ быстро пошелъ по дорогѣ къ разрѣшенію.

Да проститъ мнѣ читатель этотъ длинный и сухой перечень именъ и фактовъ, но я полагалъ нужнымъ изобразить послѣдовательное развитіе вопроса о воздухоплаваніи, пересчитавъ всѣ ступени лѣстницы, наверху которой предстоитъ передъ нашими взорами Робюръ-Побѣдитель. Не имѣя подъ руками опытовъ своихъ предшественниковъ, могъ ли бы нашъ инженеръ дойти до того, до чего онъ дошелъ? Разумѣется, нѣтъ. И если онъ глубоко презиралъ тѣхъ людей, которые все еще ищутъ способа управлять аэростатами, то во всякомъ случаѣ онъ высоко цѣнилъ всѣхъ сторонниковъ системы «тяжелѣе воздуха», безъ различія ихъ національностей. Впрочемъ, французовъ онъ уважалъ больше всѣхъ, потому что они своими усовершенствованіями наиболѣе помогли ему въ устройствѣ летающей машины, которую онъ называлъ *Альбатросомъ*.

— Голубъ летаетъ!—вскричалъ какъ-то одинъ изъ самыхъ упорныхъ сторонниковъ летающихъ машинъ.

— Мы будемъ ходить по воздуху, какъ по землѣ!—вскричалъ другой.

— Есть локомотивы, теперь будутъ аэромотивы!—вскричалъ самый громогласный изъ нихъ, и его голосъ раздался какъ труба по всему старому и новому свѣту.

Дѣйствительно, теперь вполнѣ установлена истина, что воздухъ представляетъ весьма твердую точку опоры. Эту истину подтверждаетъ и опытъ и теорія. Окружность діаметромъ въ 1 метръ, образующая парашютъ, можетъ не только замедлять паденіе въ воздухѣ, но и сообщать ему равномерность. Это было уже довольно давно извѣстно.

Также извѣстно было, что при быстромъ перемѣщеніи вѣсь движущагося тѣла измѣняется обратно-пропорціонально квадрату его скорости и можетъ, такимъ образомъ, безпредѣльно уменьшаться.

Знали также, что чѣмъ больше вѣсь летающаго животнаго, тѣмъ меньше должна быть относительная поверхность его распростертыхъ крыльевъ, хотя движеніе крыльевъ въ этомъ случаѣ должно быть медленнѣе. Изъ этого ясно, что воздухоплавательный аппаратъ долженъ быть построенъ на основаніи этихъ законовъ и сходно съ организаціею летательнаго снаряда у птицъ, «этого замѣчательнаго воздухоплавательнаго типа», какъ выразился докторъ Марэ, членъ французскаго института.

Въ сущности аппараты, удовлетворяющіе вопросу, могутъ быть сведены къ слѣдующимъ тремъ типамъ:

1. Геликоптеры или машины съ спиральнымъ полетомъ, винты которыхъ имѣютъ вертикальную ось.
2. Ортоптеры или машины съ прямымъ движеніемъ, подражающія обыкновенному полету птицъ.
3. Аэропланы или въ сущности просто наклонныя плоскости, которыя тянутся или толкаются горизонтальными винтами.

Каждая изъ этихъ трехъ системъ имѣла и до сихъ поръ еще имѣетъ своихъ собственныхъ защитниковъ, которые ни въ чемъ не хотятъ уступить другъ другу.

Но Робюръ, по зрѣломъ размышленіи, совершенно отвергъ двѣ первыя системы.

Что ортоптеръ или механическая птица имѣетъ свои преимущества, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Это доказали труды и опыты Рено въ 1884 году. Но нельзя же слишкомъ рабски подражать природѣ. Вѣдь, локомотивы не скопированы же съ зайцевъ, а пароходы съ рыбъ. Между тѣмъ, и тѣ и другіе двигаются и даже очень хорошо. Да и потомъ трудно съ точностью опредѣлить мельчайшія детали птичьяго полета, который въ сущности очень сложенъ, какъ уже и замѣтилъ все тотъ же Марэ.

Съ другой стороны аэропланы дали весьма серьезные результаты. Винты, противопологающіе воздушному слою наклонную плоскость, давали средство производить подъемъ, а лопаты съ маленькими аппаратами показали, что сила тяжести уменьшается пропорціонально квадрату скорости. Это, разумѣется, являлось большимъ преимуществомъ.

Однако, Робюръ полагалъ, что хотя все это хорошо, но будетъ еще лучше, если можно устроить еще проще. Поэтому онъ придумалъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ своей машины только одними винтами. Они были двухъ родовъ. Одни поддерживали машину въ воздухѣ, другіе сообщали ей необыкновенно быстрое поступательное движеніе.

Наконецъ, по расчету Виктора Татена, выходило такъ, что при помощи короткаго, но широкаго винта, «можно поднять безконечно большой грузъ, употребляя весьма малую силу».

Если ортоптеръ (какъ, на примѣръ, взмахъ крыльевъ птицы) поднимается, опираясь на воздухъ, то геликоптеръ взлетаетъ на воздухъ, косвенно ударяя по немъ лопастями винта, какъ если бы онъ поднимался по наклонной плоскости. Винтъ двигается непремѣнно

по направленію своей оси. Если ось вертикальная, то онъ перемѣщается вертикально, а если горизонтальная, то и онъ горизонтально перемѣщается.

На этомъ двойномъ дѣйствіи и былъ основанъ весь аппаратъ инженера Робюра.

А вотъ и подробное описаніе этой необыкновенной машины, которую можно раздѣлить на три главные части: платформу, подъемно-движущій механизмъ и машинное отдѣленіе.

Платформа.—Она представляетъ полъ въ тридцать метровъ длины и четыре метра ширины и совершенно похожа на палубу корабля съ кормою въ видѣ шпоры. Подъ платформою закругляется плотно сколоченный кузовъ, заключающій въ себѣ механизмъ, кладовую для запасовъ и инструментовъ и бочки съ водою для питья. Вокругъ платформы идетъ галлерей на столбикахъ, соединенныхъ между собою желѣзною рѣшеткой. На самой платформѣ устроены три отдѣльных каюты вродѣ такихъ, что бывають на кораблѣ на шканцахъ. Каждая каюта раздѣлена на отдѣленія, приспособленныя частью для помѣщенія людей, частью для машинъ. Въ средней каютѣ дѣйствуетъ машина, приводящая въ движеніе подъемный механизмъ; въ задней машина для задняго хода, въ передней для передняго. Въ первой каютѣ, со стороны носа, находится буфетъ, кухня и жилое помѣщеніе для экипажа. Въ послѣдней каютѣ, со стороны кормы, расположено нѣсколько комнатъ, между прочимъ кабинетъ самого инженера, столовая и стеклянная будка для рулевого, который правитъ машиной посредствомъ весьма сильнаго руля. Всѣ каюты освѣщены окнами изъ особаго рода стеколъ, сила сопротивленія которыхъ въ десять разъ превышаетъ крѣпость стеколъ обыкновенныхъ. Подъ кузовомъ устроена цѣлая система гибкихъ рессоръ, служащихъ для смягченія толчковъ, хотя вообще спускъ на землю происходитъ съ чрезвычайною медленностью, до того всѣ движенія аппарата подчинены волѣ инженера.

Подъемно-движущий механизм. — Надъ платформою торчатъ вверхъ тридцать семь вертикальныхъ осей, изъ нихъ по пятнадцати съ каждаго края и семь выше, на срединѣ. Съ виду—точно корабль о тридцати семи мачтахъ. Только на этихъ мачтахъ вмѣсто парусовъ находятся горизонтальные винты, по два на каждой. Высота хода и діаметръ винтовъ незначительны, но зато вращательное движеніе ихъ можетъ достигать изумительной быстроты. Каждая ось имѣетъ свое собственное движеніе, независимое отъ остальныхъ осей, и, кромѣ того, каждая пара осей вертится въ обратномъ направленіи одна къ другой. Это сдѣлано изъ предосторожности, чтобы аппаратъ не принялъ коловратнаго движенія. Такимъ образомъ, винты, поднимаясь по вертикальному столбу воздуха, сохраняютъ равновѣсіе противъ горизонтальнаго сопротивленія. Слѣдовательно, аппаратъ снабженъ семьюдесятью четырьмя подъемными винтами, состоящими каждый изъ трехъ лопастей, поддерживаемыхъ съ внѣшней стороны металлическимъ кружкомъ, что представляетъ большую экономію двигательной силы. Спереди и сзади аппарата на горизонтальныхъ осяхъ насажены четырехлопастные двигательные винты съ очень длиннымъ винтовымъ ходомъ. Діаметръ у этихъ винтовъ также больше, чѣмъ у винтовъ подъемныхъ, и могутъ они вращаться съ необычайною быстротой.

Въ общемъ аппаратъ инженера Робюра представляетъ усовершенствованное сочетаніе трехъ системъ: системы Коссю, системы Ла-Ланделя и системы Понтонна д'Анекура. Но истиннымъ изобрѣтателемъ аппарата долженъ по всей справедливости все-таки считаться Робюръ, потому что выборъ и примѣненіе двигательной силы принадлежатъ въ этомъ случаѣ всецѣло ему одному.

Машинное отдѣленіе. — Двигательную силу для своего аппарата Робюръ не взялъ ни у воды, ни у воздуха, ни у какого бы то ни было сжатого газа. Для движенія онъ воспользовался электричествомъ, этою

силою будущаго, душою дальнѣйшаго и промышленнаго и техническаго прогресса. При этомъ онъ не устроилъ никакой особенной машины. Онъ воспользовался только гальваническими столбами и аккумуляторами. Спрашивается: какіе же элементы, какія кислоты выбралъ онъ для своихъ столбовъ? Это уже секретъ самого Робюра. То же самое и относительно аккумуляторовъ. Инженеръ строго сберегъ свою тайну и не промѣнялъ ее на патентъ. И въ этомъ онъ совершенно правъ.

Въ концѣ-концовъ результатъ полученъ неоспоримый: столбы Робюра отличаются необыкновеннымъ напряженіемъ, элементы обладаютъ почти абсолютной неиспаряемостью, аккумуляторы оставляютъ далеко за собою всѣ до нынѣ извѣстные и, наконецъ, токи получаются неслыханной силы. Изъ всего этого добывается двигатель, заключающій въ себѣ неимоверно-огромную сумму лошадиныхъ силъ и приводящій въ движеніе винты, которые сообщаютъ аппарату подвижность, далеко превышающую его потребности при какихъ бы то ни было условіяхъ.

Повторяемъ: честь изобрѣтенія и устройства такихъ чудесъ принадлежитъ единственно инженеру Робюру. Относительно этого онъ принялъ твердое намѣреніе ни съ кѣмъ не дѣлиться своимъ секретомъ. Если президенту и секретарю Вельдонскаго института не удастся проникнуть въ эту тайну, то очень возможно, что она будетъ навсегда потеряна для человѣчества.

Само собою разумѣется, что аппаратъ Робюра обладаетъ достаточною устойчивостью вслѣдствіе разумнаго помѣщенія центра тяжести въ надлежащемъ мѣстѣ. Нѣтъ основанія опасаться, что онъ можетъ принять какое-нибудь неудобное положеніе относительно горизонтальной плоскости или какъ-нибудь опрокинуться.

Остается знать, какой матеріалъ употребилъ инженеръ Робюръ для своего *аэронета*, каковое названіе

вполнѣ можно примѣнить къ *Альбатросу*. Что это былъ за матеріалъ, не поддавшійся крѣпкому ножу Филя Эванса и поставившій въ совершенный тупикъ дядю Прюдана?

Просто-на-просто—бумага.

Уже нѣсколько лѣтъ, какъ бумажное производство получило замѣчательное развитіе. Бумага безъ клея, пропитанная декстриномъ и крахмаломъ и затѣмъ подвергнутая дѣйствию гидравлическаго прессы, представляетъ матеріалъ такой крѣпкій, какъ и сталь. Изъ нея дѣлаютъ блоки, рельсы и вагонныя колеса, при чемъ послѣднія не уступаютъ прочностью стальнымъ, но гораздо ихъ легче.

Этими двумя цѣнными качествами бумаги, то-есть прочностью и въ то же время легкостью, Робюръ и воспользовался для устройства своего воздушнаго локомотива. Кузовъ, платформа, каюты,—все было сработано изъ прессованной рисовой бумаги, которая кромѣ названныхъ двухъ качествъ имѣетъ еще и третье, очень важное при подъемѣ на значительную высоту, это—огнеупорность. Что касается до разныхъ рычаговъ, винтовъ и прочаго, то ихъ сдѣлали изъ просмоленныхъ волоконъ вещества и гибкаго и въ то же время очень прочнаго. Это вещество можетъ принимать всякую форму и не растворяется почти ни въ какихъ газахъ, жидкостяхъ, кислотахъ и щелочахъ, не говоря уже объ его изолирующемъ свойствѣ. Все это, вмѣстѣ взятое, сдѣлало названный матеріалъ весьма цѣннымъ для устройства электрическаго механизма на *Альбатросъ*.

Экипажъ аэронефа состоялъ изъ инженера Робюра, его помощника Тома Тернера, одного машиниста съ двумя помощниками, двухъ рулевыхъ и повара. Всего, какъ видитъ читатель, было восемь человѣкъ, но этого было вполнѣ достаточно для всѣхъ маневровъ воздушнаго корабля.

Разнаго рода оружіе, рыболовныя снасти, электрическіе фонари, оптическіе инструменты, буссоли и

секстанты для измѣренія высотъ солнца, термометръ, разные барометры, частію для измѣренія высотъ, частію для изслѣдованія переменъ въ атмосферномъ давленіи, стормгласъ для предсказанія бури, маленькая библіотека, небольшая ручная скоропечатня, пушка, укрѣпленная на вертящейся подставкѣ по серединѣ платформы, казнозарядная и бросающая двухдюймовое ядро; запасъ пороха, пуль и динамитныхъ патроновъ, электрическая кухня, нагрѣваемая токомъ аккумуляторовъ; запасъ консервовъ, мяса и овощей, помѣщенныхъ въ камбузѣ съ нѣсколькими боченками брэнди, виски и джина, и, вообще, все необходимое для многомѣсячнаго путешествія безъ спуска на землю, — таковъ былъ багажъ *Альбатроса*, не считая знаменитой трубы.

Кромѣ того, на борту воздушнаго корабля находилась легкая каучуковая лодка, не тонущая и могущая поднять восемь человѣкъ при тихой погодѣ.

Придѣлалъ ли Робюръ, по крайней мѣрѣ, парашюты на случай паденія?

Нѣтъ. Въ подобную случайность онъ не вѣрилъ, не допускалъ ея.

Оси винтовъ были независимы одна отъ другой. Остановка однихъ не мѣшала движенію другихъ. Дѣйствія половины осей было вполне достаточно для того, чтобы *Альбатросъ* твердо держался въ своей стихіи.

— Съ этимъ кораблемъ, — сказалъ вскорѣ Робюръ-Побѣдитель своимъ подневольнымъ гостямъ, — съ этимъ кораблемъ я покорилъ своей власти седьмую часть свѣта, которая больше Австраліи, Океаніи, Азіи, Америки, Африки и Европы вмѣстѣ, — съ нимъ я владѣю тою таинственною Икаріей, которую современемъ населятъ многіе милліоны икарійцевъ.

ГЛАВА VII.

Дядя Приуданъ и Филь Эвансъ все еще не хотятъ
убѣдиться.

Президентъ Вельдонскаго института изумился. Товарищъ его былъ пораженъ. Но ни тотъ, ни другой ничѣмъ не выдали своихъ чувствъ, вполне естественныхъ и понятныхъ. Они это считали для себя унижительнымъ.

Вотъ лакей Фриколенъ—такъ тотъ былъ откровеннѣе. Онъ даже и не старался замаскировать свой ужасъ, когда узналъ, что его везутъ на воздушной машинѣ.

А тѣмъ временемъ подъемные винты, быстро-быстро вертѣлись у нихъ надъ головами. Но какъ ни была значительна скорость вращенія винтовъ, ее можно было еще утроить, если бы *Альбатросу* понадобилось подняться въ высшіе слои атмосферы.

Что касается до поступательныхъ винтовъ, то они вертѣлись умѣреннымъ ходомъ, такъ какъ аппаратъ двигался со скоростью всего двадцати километровъ въ часъ.

Перегнувшись черезъ перила платформы, пассажиры *Альбатроса* могли видѣть длинную, извилистую ленту, которая, какъ простой ручеекъ, тянулась по холмистой мѣстности, усѣянной озерами, ярко блестящими подъ косыми лучами солнца. Этотъ ручеекъ былъ рѣкою и очень значительною рѣкою. На лѣвомъ бе-

регу вырисовывалась горная цѣпь, уходившая въ даль и тамъ пропадавшая.

— Не можете ли вы намъ сказать, гдѣ мы?—спросилъ дядя Прюданъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ.

— Я не имѣю въ виду сообщать вамъ ничего подобнаго,—отвѣчалъ Робюръ.

— Такъ не можете ли сказать, по крайней мѣрѣ, куда мы ѣдемъ?—спросилъ Филь Эвансъ.

— Мы ѣдемъ.... въ пространство.

— И долго это будетъ продолжаться?

— Сколько окажется нужнымъ.

— Для чего? Для кругосвѣтнаго путешествія, что ли?—съ ироніей спросилъ Филь Эвансъ.

— Нѣтъ, немножко побольше, чѣмъ для кругосвѣтнаго путешествія.

— А если мы вовсе не желаемъ путешествовать? — возразилъ дядя Прюданъ.

— Вамъ придется съ этимъ помириться.

Таковъ былъ первый разговоръ хозяина *Альбатроса* съ своими подневольными гостями, чтобы не сказать плѣнниками. Онъ съ перваго же раза достаточно обрисовалъ тѣ отношенія, которыя должны были между ними установиться.

Но прежде всего инженеръ хотѣлъ дать гостямъ время опомниться, осмотрѣться и вдоволь налюбоваться чудеснымъ аппаратомъ, уносившимъ ихъ въ поднебесье. Поэтому онъ съ небрежнымъ видомъ сталъ прогуливаться по платформѣ, предоставляя имъ на выборъ или разсматривать устройство воздушнаго корабля или любоваться пейзажемъ, рельефъ котораго разстился внизу.

— Дядя Прюданъ,—сказалъ тогда Филь Эвансъ,—если я не ошибаюсь, то мы, должно быть, летимъ надъ среднею частью Канады. Эта рѣка, по всему вѣроятію, рѣка святого Лаврентія, а городъ, который мы только-что пролетѣли, навѣрное, Квебекъ.

То былъ дѣйствительно древній городъ Шамплена. Желѣзныя крыши его сверкали на солнцѣ, точно реф-

лекторы. Это значило, что *Альбатросъ* успѣлъ достигнуть сорокъ шестого градуса сѣверной широты, чѣмъ и объяснялось преждевременное наступленіе дня и ненормальная медленность разсвѣта.

— Да, — продолжалъ Филь Эвансъ, — вотъ онъ городъ въ видѣ амфитеатра, вотъ холмъ съ цитаделью, играющею роль американскаго Гибралтара. Вотъ англійскіе и французскіе соборы. Вотъ таможня съ британскимъ флагомъ на куполѣ.

Не успѣлъ Филь Эвансъ договорить, какъ уже столица Канады начала пропадать вдали. Аэронефъ вступалъ въ поясъ мелкихъ облаковъ, которыя понемногу скрыли землю отъ взоровъ.

Замѣтивъ, что президентъ и секретарь Вельдонскаго института перестали заниматься пейзажемъ и перенесли свое вниманіе на внѣшнее устройство *Альбатроса*, инженеръ подошелъ къ нимъ и сказалъ:

— Ну что, милостивые государи, вѣрите вы въ возможность летать по воздуху при помощи аппаратовъ тяжелѣе его?

Трудно было спорить противъ очевидности. Но дядя Прюданъ и Филь Эвансъ ничего не сказали, какъ будто пропустили этотъ вопросъ мимо ушей.

— Вы молчите? — продолжалъ инженеръ. — Что за причина? Ахъ, я догадываюсь: это у васъ отъ голода языкъ не ворочается... Но повѣрьте, что если я взялъ на себя трудъ покатавъ васъ по воздуху, то изъ этого не слѣдуетъ, что я ограничу ваше питаніе этимъ малопитательнымъ газомъ. Милостивые государи, первый вашъ завтракъ на *Альбатросѣ* поданъ.

Голодъ — не тетка, а у дяди Прюдана и Филь Эванса червячокъ давно уже копошился въ желудкѣ. Тутъ ужъ было не до церемоній. Они рѣшили такъ, что завтракъ ни къ чему не обязываетъ, и что по возвращеніи на землю они будутъ считать себя совершенно свободными въ дѣйствіяхъ относительно Робюра.

Ихъ обоихъ проводили въ заднюю каюту, въ небольшой *deening room* (столовую). Тамъ стоялъ

опрятно сервированный столъ, за которымъ имъ предстояло обѣдать отдѣльно въ теченіе всего воздушнаго путешествія.

Блюда состояли изъ разныхъ консервовъ и, между прочимъ, изъ хлѣба, выпеченнаго изъ муки пополамъ съ мяснымъ порошкомъ. Сваренный въ водѣ, этотъ хлѣбъ даетъ очень вкусный бульонъ. Затѣмъ, стояла тарелка съ ломтиками жареной ветчины, а для питья былъ поданъ чай.

О Фриколенѣ тоже не забыли. Для него въ другой каютѣ былъ приготовленъ очень крѣпкій бульонъ изъ упомянутаго нами хлѣба. Должно быть, ему очень хотѣлось ѣсть, потому что всякій другой отказался бы, находясь въ его положеніи. Зубы у него стучали, челюсти такъ и ходили, такъ что я удивляюсь, какъ онъ справился съ ѣдой.

— А вдругъ это сломается!.. Вдругъ разобьется! — безпрестанно твердилъ несчастный негръ.

И вслѣдствіе этого онъ находился въ постоянной тревогѣ. Подумать только: въ случаѣ чего — паденіе съ высоты тысячи-пятисотъ метровъ! Вѣдь тутъ есть отчего превратиться въ лепешку.

Черезъ часъ дядя Прюданъ и Филь Эвансъ вернулись на платформу. Робюра тамъ не было. Рулевой стоялъ въ своей стеклянной будкѣ и, пристально слѣдя за компасомъ, неукоснительно направлялъ воздушный корабль по начертанному инженеромъ пути.

Остальной экипажъ въ это время завтракалъ. Только помощникъ машиниста, приставленный смотрѣть за машинами, одиноко расхаживалъ между каютами.

Скорость *Альбатроса* была очень велика, но наши баллонисты все-таки не могли составить себѣ о ней полнаго понятія, хотя онъ уже вышелъ изъ пояса облаковъ и земля виднѣлась внизу на разстояніи полуторы тысячи метровъ.

— Невѣроятно! — сказалъ Филь Эвансъ. — Правильно нельзя этому вѣрить.

— Ну, и не будемъ вѣрить, — отвѣчалъ дядя Прюданъ.

Они пошли и встали на носу корабля, обратившись лицомъ на западный горизонтъ.

— Ахъ! Еще городъ!—сказалъ Филь Эвансъ.

— Какой, не можете узнать?

— Могу. Кажется, Монреаль.

— Монреаль?.. Но, вѣдь, не больше двухъ часовъ, какъ мы пролетѣли надъ Квебекомъ?

— Это доказываетъ, что машина дѣлаетъ по меньшей мѣрѣ 25 миль въ часъ.

Такова, дѣйствительно, была скорость аэронефа, и если пассажиры не чувствовали еще отъ нея никакого неудобства, то только потому, что вѣтеръ дулъ по пути. При безвѣтріи такая быстрота была бы уже довольно стѣснительна, потому что она соотвѣтствовала скорости курьерскаго поѣзда. При встрѣчномъ вѣтрѣ она была бы просто невыносима.

Филь Эвансъ не ошибся. Внизу подъ *Альбатросомъ* разстился городъ Монреаль, который сейчасъ можно было узнать по трубчатому мосту Victoria-Bridge, перекинутому черезъ рѣку св. Лаврентія подобно желѣзнодорожному виадуку на лагунахъ Венеціи. Далѣе виднѣлись широкія улицы, громадныя магазины, зданія банковъ и банкирскихъ конторъ, базилика, недавно выстроенная по образцу собора св. Петра въ Римѣ и, наконецъ, Королевская Гора, господствующая надъ всѣмъ городомъ и недавно превращенная въ роскошный паркъ.

Хорошо, что Филь Эвансъ успѣлъ уже побывать во всѣхъ главнѣйшихъ городахъ Канады. Онъ могъ теперь узнавать многіе изъ нихъ самъ, не спрашивая Робюра. Послѣ Монреаля, часу въ восьмомъ вечера, воздушный корабль пролетѣлъ надъ Оттавой, водопады которой съ высоты птичьяго полета казались огромнымъ кипящимъ котломъ, что имѣло чрезвычайно величественный видъ.

— Вотъ, это дворецъ парламента,—сказалъ Филь Эвансъ.

И онъ указалъ рукой на нѣчто вродѣ нюрнберг-

ской игрушки, поставленной на холмѣ. Эта игрушка своею пестрою архитектурой сильно напоминала парламентскій дворецъ въ Лондонѣ, подобно тому, какъ монреальскій соборъ былъ похожъ на базилику св. Петра въ Римѣ. Во всякомъ случаѣ не подлежало спору, что воздушный корабль летѣлъ надъ Оттавой.

Вскорѣ и этотъ городъ исчезъ на горизонтѣ, превратившись въ небольшое свѣтлое пятнышко на темномъ фонѣ земли.

Когда Робюръ снова вышелъ на палубу, было около двухъ часовъ. Съ нимъ шелъ его помощникъ Томъ Гернеръ. Инженеръ сказалъ ему три слова. Помощникъ передалъ ихъ машинистамъ, стоявшимъ каждый на своемъ посту: одинъ на носу аэронефа, другой у кормы. Подали знакъ. Рулевой перемѣнилъ направленье *Альбатроса*, взявъ на два градуса юго-западнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ дядя Прюданъ и Филь Эвансъ должны были убѣдиться, что поступательнымъ винтамъ воздушнаго корабля можно придать еще болъшую скорость, чѣмъ они видѣли до сихъ поръ.

Дѣйствительно, эта скорость далеко превосходила быстроту всѣхъ извѣстныхъ донинѣ двигающихся машинъ.

Пусть читатель судить самъ. Миноноски могутъ дѣлать въ часъ двадцать узловъ или сорокъ километровъ; поѣзда на англійскихъ и французскихъ желѣзныхъ дорогахъ сто километровъ; буера сѣвероамериканскихъ рѣкъ сто-пятнадцать километровъ; машина Патерсона съ зубчатымъ колесомъ сдѣлала на линіи озера Эри сто-тридцать километровъ въ часъ, а другой локомотивъ на дорогѣ между Трантономъ и Джерсеемъ сто-тридцать-семь километровъ.

Альбатросъ же, при наибольшемъ напряженіи своихъ винтовъ, могъ мчаться съ быстротою двухсотъ километровъ въ часъ, то-есть пятидесяти метровъ въ минуту.

А вѣдь это скорость урагана, вырывающаго съ

„Ихъ обоихъ проводили въ заднюю каюту, въ небольшую столовую“.
(Стр. 85).

корнемъ вѣковыя деревья; скорость вѣтра вродѣ того, который во время бури въ Кагорѣ 21 сентября 1881 года пробѣгалъ сто-девяносто-четыре километра въ часъ. Это средняя скорость почтоваго голубя, бы-стрѣе котораго летаетъ только обыкновенная ласточка (шестьдесятъ-семь метровъ въ секунду) и каменный стрижь (восемьдесятъ-девять метровъ въ секунду).

Однимъ словомъ, *Альбатросъ* инженера Робюра, говоря безъ всякаго преувеличенія, могъ сдѣлать кругосвѣтное путешествіе въ двѣсти часовъ, то-есть въ одну недѣлю.

Зачѣмъ были этому аэронефу всѣ желѣзные пути, вся сѣть желѣзныхъ дорогъ міра? Онъ леталъ по воздуху, для него была готова точка опоры въ любомъ мѣстѣ безграничнаго надземнаго пространства.

Нужно ли теперь объяснять читателю, что феноменъ, появленіемъ своимъ смутившій сердца и умы въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ, былъ не что иное, какъ воздушный корабль инженера Робюра? Труба, такъ громогласно раздававшаяся въ воздухѣ, принадлежала помощнику Робюра, Тому Тернеру, а флагъ, развѣ-щенный на главнѣйшихъ монументахъ Европы, Азіи и Америки, былъ просто вымпелъ Робюра и его бы-страго *Альбатроса*.

Прежде Робюръ принималъ нѣкоторыя предосторожности, чтобы его не узнали, путешествовалъ преимущественно ночью, освѣщая себѣ путь электрическими фонарями, а днемъ скрывался въ облачномъ слоѣ, теперь онъ, повидимому, не хотѣлъ больше держать въ тайнѣ свою блистательную побѣду. Не для того ли онъ и явился въ Филадельфію и проникъ въ залу засѣданій Вельдонскаго института, чтобы *ipso facto* убѣдить самыхъ недовѣрчивыхъ людей?

Извѣстно, какъ онъ былъ тамъ принятъ, и дальше читатель увидитъ, какія мѣры воздѣйствія задумалъ инженеръ употребить противъ президента и секретаря упомянутаго клуба.

Робюръ подошелъ къ своимъ двумъ плѣнникамъ.

Тѣ сдѣлали видъ, будто нисколько не удивляются видѣнному и испытанному. Въ этихъ двухъ англосаксонскихъ головахъ засѣло такое упрямство, которое не скоро и не легко поддавалось искорененію.

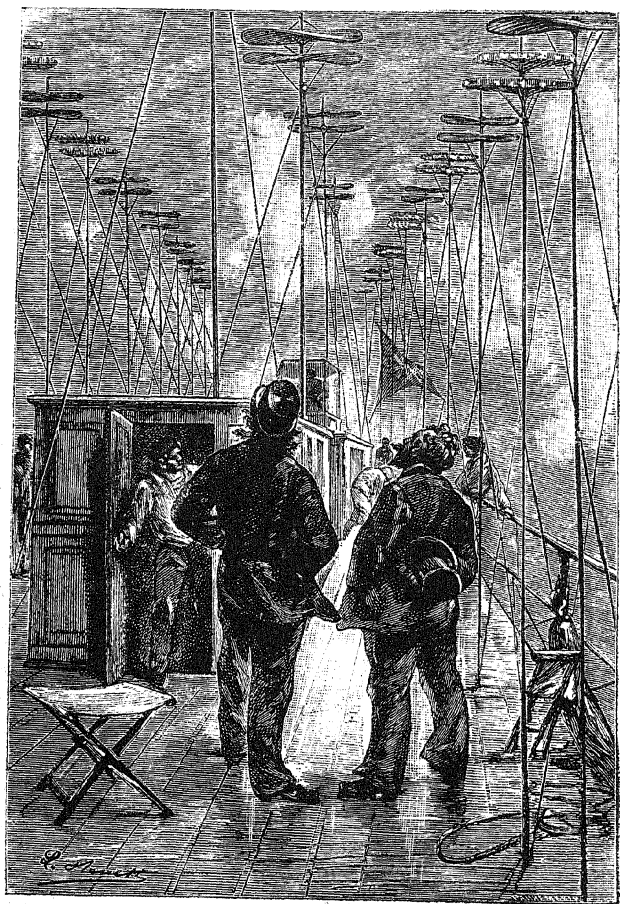
Съ своей стороны и Робюръ сдѣлалъ тоже видъ, какъ будто ничего не замѣчаетъ. Онъ сказалъ имъ, словно продолжая только-что прерванный разговоръ:

— Господа, вамъ, вѣроятно, интересно знать, можно ли сообщить этому удивительному аппарату еще болѣшую скорость? Онъ не былъ бы достоинъ завоевать пространство, если бы не былъ способенъ его пожирать. Я хотѣлъ сдѣлать себѣ изъ воздуха твердую точку опоры — и сдѣлалъ. Я понялъ, что для борьбы съ вѣтромъ нужно быть сильнѣе его — и сдѣлался сильнѣе. Для того, чтобъ летать, мнѣ не нужно ни парусовъ, ни веселъ, ни колесъ, ни рельсовъ. Мнѣ нуженъ только одинъ воздухъ и ничего больше. Воздухъ окружаетъ меня, какъ вода подводную лодку, въ немъ мои пропульсаторы дѣйствуютъ, какъ въ морѣ винты парохода. Вотъ, какъ я разрѣшилъ великую задачу о воздухоплавании. Моихъ результатовъ никогда не достигнетъ ни воздушный шаръ, ни какой-либо иной аппаратъ легче воздуха.

Баллонисты упорно промолчали въ отвѣтъ на эту рѣчь. Инженера это, впрочемъ, не смутило ни на минуту. Онъ только чуть-чуть усмѣхнулся и продолжалъ въ вопросительной формѣ:

— Быть можетъ, вы спросите еще, можетъ ли *Альбатросъ* такъ же быстро двигаться по вертикальной плоскости, какъ онъ движется по горизонтальной, можетъ ли онъ, словомъ, соперничать съ аэростатомъ въ дѣлѣ поднятія въ верхніе слои атмосферы? На это я отвѣчу вамъ: пустите свой пузырь потягаться съ моимъ аэронефомъ. Сами тогда увидите, чья возьметъ.

Плѣнники только плечами пожали. Быть можетъ, они полагали, что по этому вопросу инженеръ непремѣнно провалится?

„Аппаратъ быстро взлетѣлъ вертикально вверхъ“. (Стр. 95).

Вѣроятно, такъ.

Робюръ сдѣлалъ знакъ. Поступательные винты разомъ остановились. Пролетѣвъ по инерціи еще съ милію, *Альбатросъ* прекратилъ движеніе.

Робюръ сдѣлалъ другой знакъ. Тогда подъемные винты заработали съ такою быстротою, съ которою можетъ сравниться развѣ только быстрота механизма сиренъ при акустическихъ опытахъ. Ихъ «фрр» поднялось по лѣстницѣ звуковъ почти до октавы, хотя сила звука, по мѣрѣ поднятія, постепенно ослабѣвала вслѣдствіе разрѣженія воздуха. Аппаратъ быстро взлетѣлъ вертикально вверхъ, точно звонкій жаворонокъ, запѣвшій въ лазури свою раннюю пѣсню.

— Баринъ!.. Баринъ!.. — лепеталъ чуть живой отъ страха Фриколенъ, — а вдругъ это упадетъ!.. Вдругъ разобьется!

Робюръ только презрительно улынулся въ отвѣтъ. Въ нѣсколько минутъ *Альбатросъ* поднялся на двѣ тысячи-семьсотъ метровъ, что соотвѣтствуетъ кругозору въ семьдесятъ миль, а потомъ вскорѣ на четыре тысячи метровъ, что было указано барометромъ, упавшимъ вдругъ на 480 миллиметровъ.

Опытъ былъ сдѣланъ, и *Альбатросъ* снова опустился внизъ. Уменьшеніе давленія въ верхнихъ слояхъ производитъ уменьшеніе кислорода въ воздухѣ, а слѣдовательно задерживаетъ и окисленіе крови. Вслѣдствіе этого обстоятельства со многими аэронавтами случались несчастія, которымъ Робюръ не желалъ подвергать себя безъ надобности.

Альбатросъ спустился до той высоты, которой онъ преимущественно придерживался во время полета, и пропульсаторы, снова придя въ движеніе, еще быстрѣе помчали его на юго-западъ.

— Итакъ, господа, — сказалъ Робюръ, — я вамъ отвѣтилъ на предложенный вопросъ. — Извольте же возражать, если можете. Теперь ваша очередь.

Онъ небрежно перекинулся черезъ перила и погрузился въ созерцаніе.

Поднявъ черезъ нѣсколько минутъ голову, онъ увидалъ передъ собою президента и секретаря Вельдонскаго института.

— Инженеръ Робюръ, — сказалъ дядя Прюданъ, тщетно стараясь сдержаться, — мы ничего у васъ не спрашивали, мы не интересовались вашими мнѣніями. Но вотъ, что дѣйствительно намъ интересно знать и на что вы, надѣюсь, намъ отвѣтите.

— Говорите.

— По какому праву осмѣлились вы на насъ напасть въ городѣ Филадельфіи, въ Фермонтскомъ паркѣ? По какому праву заперли насъ въ какой-то чуланъ? По какому праву везете насъ противъ нашей воли на этой летающей машинѣ?

— А по какому праву, господа баллонисты, — возразилъ Робюръ, — по какому праву оскорбляли вы меня у себя въ клубѣ, и не только оскорбляли, а даже грозили Богъ знаетъ чѣмъ, такъ что я едва отъ васъ унесъ ноги?

— Это не отвѣтъ, — возразилъ Филь Эвансъ. — Извольте же говорить прямо: по какому праву?..

— Вамъ очень хочется знать?

— Очень желательно.

— Ну-съ, извольте: по праву сильнаго.

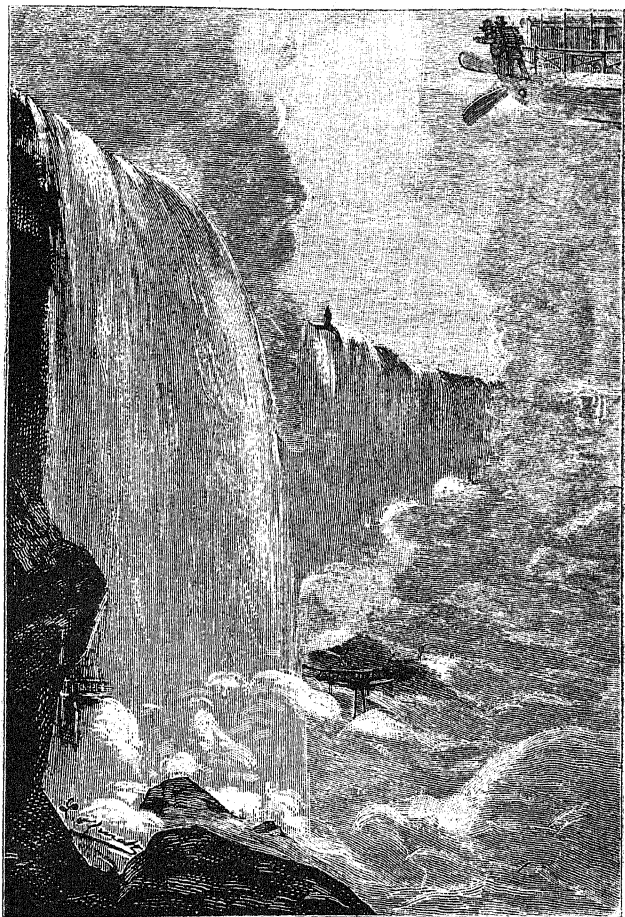
— Это очень цинично сказано.

— Но это такъ.

— И долго ли же это, господинъ инженеръ, — спросилъ, выходя наконецъ изъ себя, дядя Прюданъ, — долго ли это вы намѣрены пользоваться своимъ правомъ и таскать насъ по воздуху?

— Охота вамъ спрашивать, господа, — отвѣчалъ Робюръ, — когда вамъ стоитъ только посмотрѣть внизъ, и вы увидите такую чудную панораму, какой не найти другой во всемъ свѣтѣ.

Въ это время *Альбатросъ* глядѣлся въ неизмѣримую зеркальную гладь озера Онтарио. Онъ проносился надъ страной, столь поэтично воспѣтою Куперомъ. Прослѣдовавъ затѣмъ вдоль южной стороны этого

„— Ниагара! — вскричал Филь Эванс“. (Стр. 99).

огромнаго бассейна, онъ направился къ рѣкѣ, которая вливаетъ въ него воды озера Эри, предварительно разбивая ихъ о скалы.

Съ минуту до воздушнаго корабля доносился величественный гулъ, напоминающій отдаленный ревъ бури. Въ воздухѣ замѣтно посвѣжѣло, какъ будто онъ пропитался влажнымъ туманомъ.

Подъ *Альбатросомъ* гудѣлъ водопадъ. Съ ревомъ и шумомъ низвергалась съ утесовъ въ кипящую бездну масса воды, казавшаяся огромнымъ хрустальнымъ столбомъ, отъ котораго исходилъ невыносимый блескъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, вслѣдствіе преломленія солнечныхъ лучей.

Это было чудное, несравненное зрѣлище.

Возлѣ водопада тонкою нитью тянулся пѣшеходный мостъ, соединявшій оба берега. Немного пониже, миляхъ въ трехъ, былъ переброшенъ другой мостъ, висячій, по которому какъ разъ въ эту минуту ползъ желѣзнодорожный поѣздъ, направляясь съ канадскаго берега на сѣверо-американскій.

— Ниагара! — вскричалъ Филь Эвансъ.

Онъ никакъ не могъ удержаться отъ этого восклицанія. Зато дядя Прюданъ выдержалъ свой характеръ, и хотя съ большимъ усиленіемъ, но принудилъ себя равнодушно отвернуться отъ всѣхъ этихъ чудесъ.

Черезъ минуту *Альбатросъ* пролетѣлъ поперекъ надъ рѣкою, которая образуетъ границу между Канадой и Соединенными Штатами, и понесся необозримыми пространствами Сѣверной Америки.

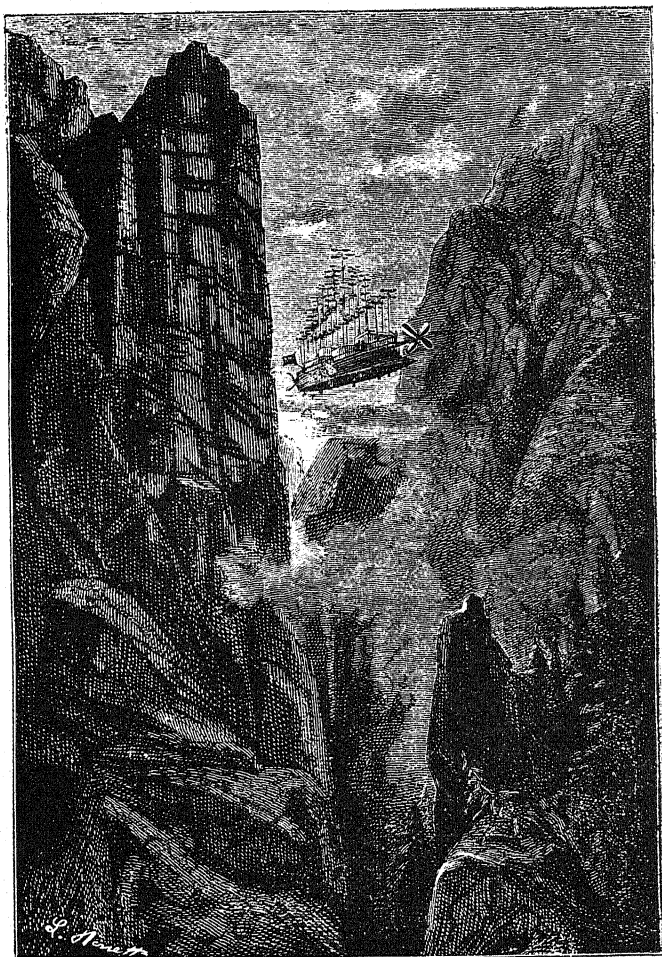
ГЛАВА VIII.

Робюръ отвѣчаетъ на предложенный вопросъ.

Въ одной изъ кормовыхъ каютъ для дяди Прюдана и Филя Эванса были приготовлены двѣ мягкія койки съ чистымъ бѣльемъ и теплыми одѣялами. Вообще имъ доставляли полный комфортъ. Если они не заснули тотчасъ же, то только потому, что сами не хотѣли, или, вѣрнѣе, по причинѣ обуревавшихъ ихъ тревоженій. Куда они ѣдутъ? Куда ихъ везутъ? Какіе-такіе опыты хотятъ имъ показать совершенно вопреки ихъ желанію? Чѣмъ все это кончится и чего въ концѣ-концовъ желаетъ добиться инженеръ Робюръ?—Вотъ вопросы, которые нсвольно лѣзли въ голову нашимъ баллонистамъ и причиняли имъ немалое безпокойство.

Лакея Фриколена помѣстили въ передней каютѣ черезъ стѣну отъ помѣщенія повара *Альбатроса*. Это сосѣдство было для негра очень пріятно. Онъ любилъ тереться около сильныхъ міра сего. Онъ скоро заснулъ, но сонъ его былъ тревоженъ. Ему все грезились паденія и катастрофы, душившія его тяжелымъ кошмаромъ.

Между тѣмъ на этотъ разъ воздушное плаваніе было совершенно безмятежно. Къ вечеру улегся даже малѣйшій вѣтерокъ. Кромѣ шуршанія винтовъ, не слышно было ни малѣйшаго звука. Временами лишь доносился съ земли свистъ бѣгущаго по рельсамъ

„Горы для него были то же, что для корабля подводныя скалы, и онъ долженъ былъ лавировать между ними“. (Стр. 103).

паровоза или иногда мычаніе коровъ. Странный инстинктъ: животныя чуяли надъ собою полетъ летающей машины и мычали отъ страха, когда она надъ ними пролетала.

На другой день, 14-го іюня, дядя Прюданъ и Филь Эвансъ вышли въ шестомъ часу утра на платформу или, если можно сказать, на палубу аэронефа. Тамъ было все то же, что и наканунѣ: часовой стоялъ по-прежнему на носу воздушнаго корабля, рулевой — у кормы.

Зачѣмъ былъ нуженъ этотъ часовой? Неужели можно было опасаться столкновенія съ какимъ-нибудь подобнымъ же аппаратомъ? Трудно это допустить. У Робюра еще не было подражателей. Что же касается до встрѣчи съ какимъ-нибудь пущеннымъ аэростатомъ, то подобная случайность была слишкомъ мало вѣроятна, такъ что и не стоило принимать ее въ расчетъ. Во всякомъ случаѣ не аэронефу грозила бѣда отъ столкновенія: потому что желѣзный горшокъ столкнулся бы съ глинянымъ. *Альбатросъ* въ этомъ случаѣ ничего не терялъ.

Такъ не могло ли случиться какого-нибудь другого столкновенія? Въ томъ-то и дѣло, что да. Воздушный корабль очень легко могъ натолкнуться на вершину какой-нибудь встрѣчной горы, которой бы онъ почему-нибудь не могъ объѣхать. Горы для него были то же, что для корабля подводныя скалы, и онъ долженъ былъ лавировать между ними, какъ корабль лавируетъ въ морѣ между рифами.

Инженеръ управлялъ своимъ аэронефомъ совершенно такъ, какъ капитанъ командуетъ на морѣ кораблемъ, принимая во вниманіе высоту горныхъ вершинъ на землѣ. Когда аэронефу приходилось летѣти надъ гористою мѣстностью, тогда необходимо было принимать извѣстныя предосторожности.

Взглянувъ на разстилавшуюся подъ ними мѣстность, дядя Прюданъ и Филь Эвансъ замѣтили большое озеро, надъ южнымъ концомъ котораго проле-

талъ въ эту минуту *Альбатросъ*. Они заключили изъ этого, что за ночь они пролетѣли озеро Эри по всей длинѣ. Такъ какъ направленіе полета было восточное, то это значило, что въ скоромъ времени воздушный корабль полетитъ надъ озеромъ Мичиганомъ.

— Конечно, такъ! — сказалъ Филь Эвансъ. — Эта масса крышъ вонъ тамъ на горизонтѣ — это, разумѣется, Чикаго.

Это было вѣрно. То былъ дѣйствительно городъ Чикаго, къ которому, какъ радіусы къ центру, сбѣгаются семнадцать рельсовыхъ линій, — городъ, властитель Запада, обширный пріемникъ, въ которомъ собираются произведенія Индіаны, Огіо, Висконсина, Миссури и всѣхъ провинцій, составляющихъ западную часть Союза.

Вооружившись превосходнымъ морскимъ биноклемъ, найденнымъ у себя въ каютѣ, дядя Прюданъ безъ труда различилъ главнѣйшія городскія зданія. Его товарищъ указалъ ему церкви, общественныя зданія, многочисленные «элеваторы», или механическіе хлѣбные амбары, и огромный отель Шермана, похожій на крупную игральную кость, потому что его многочисленныя окна по каждому фасаду сильно напоминаютъ очки на игральныхъ костяхъ.

— Если это Чикаго, — сказалъ дядя Прюданъ, — то значитъ мы летимъ нѣсколько западнѣе, чѣмъ бы слѣдовало для возвращенія въ Пенсильванію.

Если бъ у дяди Прюдана было намѣреніе побудить Робюра къ принятію болѣе восточнаго направленія, то онъ не могъ бы этого сдѣлать по той простой причинѣ, что инженеръ все утро не показывался изъ своей каюты. Неизвѣстно, занимался онъ или спалъ. Плѣнные баллонисты сѣли завтракать, не повидавшись съ нимъ.

Скорость *Альбатроса* со вчерашняго дня не перемѣнилась. Вѣтеръ былъ незначительный и дулъ съ востока, температура тоже была очень сносная. Раз-

говаривая между собою и поджидая инженера, дядя Прюданъ и Филь Эвансъ прохаживались по палубѣ подъ вертѣвшимся у нихъ надъ головою винтами.

Такимъ образомъ они проѣхали штатъ Иллинойсъ по южной границѣ въ два съ половиной часа.

Аэронефъ пролетѣлъ надъ Миссисипи, *матерью водъ*, при чемъ бѣжавшіе по рѣкѣ громадныя двухъ-этажныя пароходы казались не болѣе лодокъ. Потомъ *Альбатросъ* направился къ Іовѣ и пролетѣлъ въ виду Іова-Сити въ одиннадцатомъ часу утра.

По этой территоріи тянулось нѣсколько холмистыхъ кражей въ косомъ направленіи съ юга на сѣверо-западъ. Холмы были не высоки, такъ что поднимать аэронефъ выше не понадобилось.

Впрочемъ, даже и эти холмы скоро понизились, уступивъ мѣсто гладкимъ равнинамъ Іовы, раскинутымъ по всей западной части и по Небраскѣ. Эти необозримыя преріи тянутся, какъ извѣстно, вплоть до самыхъ Утесистыхъ горъ. Тамъ и сямъ бѣжали многочисленныя рію, притоки Миссури и ся притоковъ. На ихъ берегахъ виднѣлись города и деревни, рѣдѣвшіе по мѣрѣ того, какъ *Альбатросъ* все больше и больше уносился на Дальній Западъ (Far West).

За весь день не случилось ничего особеннаго. Дядю Прюдана и Филья Эванса совершенно предоставили самимъ себѣ. Даже Фриколена они видѣли лишь мелькомъ. Негръ лежалъ на палубѣ около носа аэронефа съ закрытыми глазами, точно въ обморокѣ отъ головокруженія. На самомъ дѣлѣ у него не было никакого головокруженія, онъ просто закрылъ глаза отъ страха, не желая ничего видѣть.

Въ два часа *Альбатросъ* пролетѣлъ надъ Омагой на границѣ Небраски. Городъ Омага—настоящій узелъ громаднаго Тихоокеанскаго рельсоваго пути, проложеннаго на полторы тысячи миль между Нью-Йоркомъ и Санъ-Франциско. На одну минуту мелькнули желтыя воды Миссури, потомъ самый городъ съ деревянными и кирпичными домами, расположенный какъ

разъ въ центрѣ этого громаднаго бассейна, словно пряжка на желѣзномъ поясѣ, перехватывающемъ талию Сѣверной Америки. Не было никакого сомнѣнія, что въ то время, какъ пассажиры *Альбатроса* любовались воздушнымъ кораблемъ, жители Омаги могли въ свою очередь видѣть пролетавшій надъ ними воздушный корабль. Но удивленіе мирныхъ обывателей при видѣ летящаго аппарата во всякомъ случаѣ было меньше изумленія президента и секретаря Вельдонскаго института, которые на этомъ аппаратѣ ѣхали.

Во всякомъ случаѣ слѣдовало ожидать, что все это дастъ обильную пищу для газетныхъ толковъ и объяснить, наконецъ, необъяснимый феноменъ, уже давно приковавшій къ себѣ вниманіе цѣлаго свѣта.

Черезъ часъ *Альбатросъ* миновалъ Омагу. Онъ поднимался къ западу, удаляясь отъ Платривера, долиною котораго идетъ черезъ прерію Тихоокеанская желѣзная дорога. Этимъ, разумѣется, дядя Прюданъ и Филь Эвинсъ не могли остаться довольны.

— Значитъ, онъ серьезно задумалъ исполнить свое нелѣпое намѣреніе—завезти насъ Богъ знаетъ куда?—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— И не обращая вниманія на нашу неохоту,—добавилъ другой.—Ну, ужъ этотъ Робюръ!.. Берегись онъ!.. Я не такой человѣкъ, чтобы это позволить или простить.

— Я тоже!—возразилъ Филь Эвансъ.

— Но, дядя Прюданъ, совѣтую вамъ не горячиться. Право, лучше будетъ, если вы себя сдержите до поры, до времени.

— Мнѣ... сдерживаться!..

— Да. Подавите, удержите свой гнѣвъ до болѣе удобнаго времени.

Въ пять часовъ, миновавъ Черныя Горы, поросшія кедромъ и сосною, *Альбатросъ* уже летѣлъ надъ территоріей, которая по справедливости носить названіе *безплодныхъ пустырей* Небраски. Эта мѣстность представляетъ изъ себя настоящій хаосъ обнаженныхъ бу-

рых холмовъ и сѣрыхъ утесовъ. Издали утесы эти принимали самыя причудливыя формы. Тамъ и сямъ виднѣлись развалины средневѣковыхъ построекъ съ крѣпкими башнями.

Въ дѣйствительности эти *безплодные пустыри* являются какимъ-то громаднымъ кладбищемъ, на которомъ въ безчисленномъ множествѣ бѣлѣются остатки мамонтовъ, хелоній и даже ископаемаго человѣка, занесенные сюда какимъ-нибудь геологическимъ переворотомъ первыхъ вѣковъ исторіи земной коры.

Къ вечеру бассейнъ Платривера остался позади. На всемъ протяженіи огромнаго кругозора, открывавшагося съ *Альбатроса*, виднѣлась только одна безконечная равнина.

Ночью глубокую тишину тверди нарушали уже не свистки локомотивовъ и пароходовъ, а громкое протяжное мычаніе, явственно доносившееся повременамъ до *Альбатроса*. То были стада бизоновъ, проходившія по преріи. Когда мычаніе умолкало, тогда слышалось шуршаніе травы подъ ногами животныхъ, похожее на отдаленный плескъ наводненія.

Затѣмъ отъ времени до времени раздавался то вой волка, то лай лисицы, то мяуканье дикой кошки, то завываніе *койотъ*, этой туземной собаки, вполне заслужившей свое названіе звучнымъ лаемъ.

Въ чистомъ воздухѣ разливался сильный смѣшанный запахъ мяты, шалфея, тмина и смолистыхъ деревьевъ.

Наконецъ, ко всѣмъ прочимъ ночнымъ звукамъ присоединялся еще зловѣщій лай, похожій на лай койоте, но на самомъ дѣлѣ производимый краснокожими индѣйцами. Впрочемъ, оба звука такъ похожи одинъ на другой, что только опытное ухо піонера можетъ безошибочно отличить настоящій крикъ звѣря отъ человѣческаго подражанія ему.

На другой день, 15 іюня, Филь Эвансъ вышелъ изъ своей каюты въ пять часовъ утра. Онъ надѣялся хоть въ этотъ день повидаться съ Робюромъ. Желая

знать, почему инженеръ не показывался весь вчерашній день, онъ обратился съ вопросомъ къ Томасу Тернеру.

Томъ Тернеръ, англичанинъ родомъ, былъ широкоплечій, крѣпкій мужчина лѣтъ сорока-пяти, съ типичною головой въ Гогартовскомъ вкусѣ.

— Увидимъ ли мы сегодня инженера Робюра? — спросилъ Филь Эвансъ.

— Не знаю, — отвѣчалъ Томъ Тернеръ.

— Но вѣдь не можетъ же быть, чтобы его не было дома?

— Этого нельзя утверждать.

— Въ такомъ случаѣ, когда же онъ вернется?

— Когда найдетъ это нужнымъ.

Томъ Тернеръ повернулся и ушелъ къ себѣ въ каюту.

Пришлось удовольствоваться этимъ отвѣтомъ. Положеніе баллонистовъ было неутѣшительное, тѣмъ болѣе, что, судя по показанію компаса, *Альбатросъ* продолжалъ летѣть на сѣверо-западъ...

Прежній унылый пейзажъ бесплодныхъ пустырей Небраски смѣнился теперь восхитительнымъ живописнымъ ландшафтомъ.

Аэронефъ, успѣвши пролетѣть отъ Омаги уже тысячу километровъ, неся въ это время надъ страной, которой Филь Эвансъ не могъ узнать по той простой причинѣ, что никогда въ ней не былъ. Горные кряжи красиво увѣнчивались фортами, построенными для сдерживанія индѣйцевъ. Деревни встрѣчались рѣдко, города совсѣмъ не встрѣчались, жителей было мало. Трудно вѣрилось, что всего въ нѣсколькихъ градусахъ къ югу отсюда лежатъ кишашія народомъ золотonosныя поля Колорадо.

Вдали, — впрочемъ, еще довольно неясно, — начинали вырѣзываться очертанія горныхъ вершинъ, золотимыхъ утреннимъ солнцемъ.

То были Утесистыя или Скалистыя горы.

Еще раньше, съ самаго утра, дядю Прюдана и Филь

„Томъ Тернеръ, англичанинъ родомъ, былъ широкоплечій, крѣпкій мужчина
лѣтъ сорока-пяти“. (Стр. 108).

Эванса насквозь прохватилъ весьма чувствительный холодъ. Между тѣмъ солнце всходило блестящее и горячее, такъ что это пониженіе температуры нельзя было отнести къ перемѣнѣ погоды.

— Это значитъ, что *Альбатросъ* поднялся выше, — сказалъ Филъ Эвансъ.

Дѣйствительно, барометръ, повѣшенный у входа въ центральную рубку, упалъ до 540 миллиметровъ, что означало подъемъ тысячи на три метровъ. Аэронефъ держался на такой значительной высотѣ вслѣдствіе гористой страны, надъ которою онъ пролеталъ.

Впрочемъ, съ часъ тому назадъ онъ миновалъ высоту еще болѣешую — свыше четырехъ тысячъ метровъ, потому что сзади него возвышались горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ.

Дядя Прюданъ и Филъ Эвансъ усиленно припоминали, что это за страна, и никакъ не могли припомнить. У нихъ не было въ виду ни малѣйшаго признака, за который бы они могли серьезно ухватиться. За ночь *Альбатросъ* могъ сдѣлать какое угодно отклоненіе отъ прежняго пути, и это совершенно сбивало съ толку нашихъ злополучныхъ баллонистовъ.

Однако, послѣ долгаго обсужденія, перебравъ всевозможныя гипотезы, президентъ и секретарь остановились на предположеніи, что эта страна, кругомъ окаймленная горами, есть та новая территорія, которая постановленіемъ конгресса за мартъ 1872 года объявлена національнымъ паркомъ Соединенныхъ Штатовъ.

Они не ошиблись. Мѣстность была именно та самая. Она вполне заслуживала названіе парка, но только парка грандіознаго, съ горами вмѣсто холмовъ, съ озерами вмѣсто прудовъ, съ рѣками вмѣсто ручейковъ и съ могучими гейзерами вмѣсто фонтановъ.

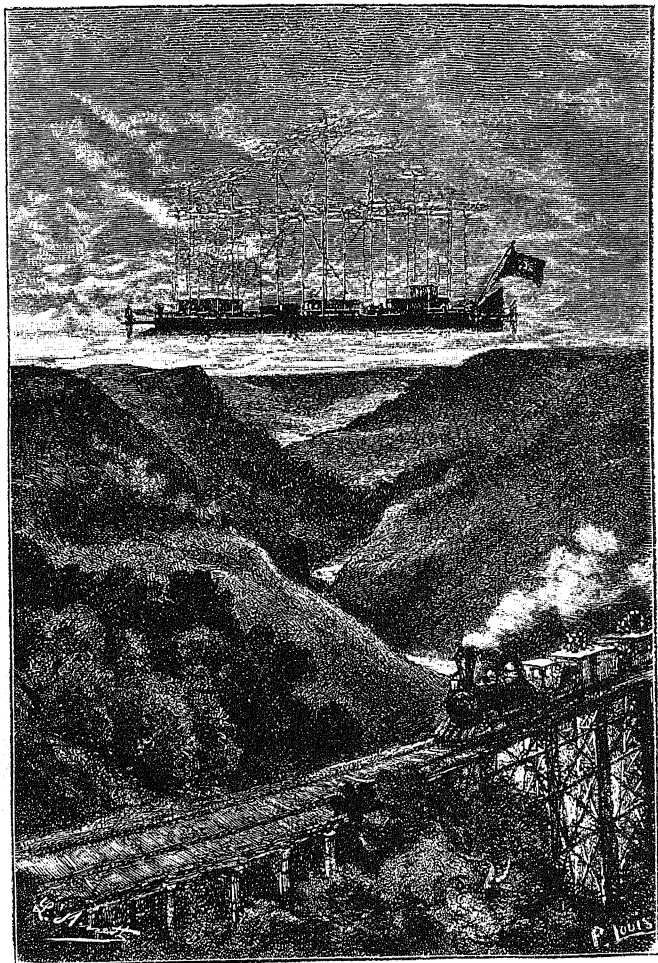
Въ нѣсколько минутъ *Альбатросъ* промчался надъ рѣкою Іеллостономъ, оставивъ по правую сторону отъ себя Стивенсонову гору, и достигъ озера, одноименнаго съ упомянутою рѣкой.

Какъ причудливы зигзаги береговой линіи этого бассейна! Какъ прихотливо разбросаны по немъ острова! Какой лазурный отблескъ посылаетъ отъ себя это гигантское зеркало! И сколько жизни вокругъ этого озера, одного изъ самыхъ высокихъ надъ уровнемъ моря на всемъ земномъ шарѣ! Тутъ и пеликаны, и лебеди, и чайки, и гуси, и казарки, и нырки. Мѣстами берега очень круты и покрыты зелеными елями и лиственницами, а внизу, подъ береговыми выступами, клубятся безчисленные бѣлые дымки,—то пары, вырывающіеся изъ-подъ земли, какъ изъ огромнаго резервуара, внутри котораго вѣчный огонь поддерживаетъ воду въ состояніи постоянного кипѣнія.

Для повара представлялся великолѣпнѣйшій случай пополнить запасы корабельной провизіи форелью, единственною рыбою, живущей въ водѣ Йеллостонскаго озера. Но *Альбатросъ* держался на такой высотѣ, что для ловли не представлялось ни малѣйшей возможности, иначе уловъ навѣрное былъ бы чрезвычайно обилень.

Черезъ озеро аэронефъ пролетѣлъ въ три четверти часа, а вскорѣ потомъ миновалъ и гейзеры, могущіе соперничать съ исландскими. Перегнувшись черезъ платформу, дядя Прюданъ и Филь Эвансъ съ удовольствіемъ любовались бьющими кверху столбами горячей воды. Самые замѣчательные изъ гейзеровъ извѣстны подъ своими особенными для каждаго названіями. Такъ, тутъ былъ *Вьеръ*, струи котораго расположены въ видѣ вѣера; былъ «Укрѣпленный Замокъ», словно отстрѣливающійся отъ врага горизонтально наклонными тромбами; былъ «Вѣрный Старикъ» въ радужной діадемѣ и наконецъ могучій «Гигантъ», бьющій огромнымъ вертикальнымъ столбомъ въ двадцать футовъ толщины и болѣе двухсотъ метровъ высоты.

Вѣроятно, Робюру уже достаточно были извѣстны всѣ прелести этого чуднаго пейзажа, потому что онъ все еще не показывался. Быть можетъ, онъ направилъ

„То был пассажирскій поѣздъ Тихоокеанской желѣзной дороги“.
(Стр. 115).

сюда свой корабль только для того, чтобы доставить удовольствіе гостямъ? Какъ бы то ни было, но онъ не шелъ выслушивать ихъ благодарность. Онъ не показался даже и въ семь часовъ утра, когда *Альбатросъ* началъ опасный переѣздъ надъ Скалистыми горами.

Извѣстно, что эта горная цѣпь проходитъ черезъ всю Сѣверную Америку точно спинной хребетъ и служить какъ бы продолженіемъ мексиканскихъ Андъ. Самая высокая ихъ вершина—пикъ Джемсъ достигаетъ безъ малаго двѣнадцать тысячъ футовъ.

Конечно, *Альбатросу* стоило только участить удары своихъ винтовъ, чтобы, подобно орлу или кондору, разомъ подняться надъ всею горною цѣпью и затѣмъ со всего размаха спуститься въ Орегонъ или Утахъ, но въ этомъ маневрѣ не было ни малѣйшей надобности. Въ этой горной цѣпи есть значительные перерывы, служащіе какъ бы проходами. Черезъ одинъ изъ такихъ перерывовъ, или такъ-называемый Бриджерскій проходъ, проложено между прочимъ полотно Тихоокеанской дороги.

Въ такой прорывъ направился и *Альбатросъ*, умѣривъ свой ходъ, чтобы не натолкнуться на стѣну. Рулевой увѣренно правилъ послушнымъ рулемъ. Какъ ни были вооружены противъ Робюровой системы наши баллонисты, однако и они не могли отрицать, что воздушный корабль маневрируетъ замѣчательно.

Перелетъ черезъ горную цѣпь былъ оконченъ въ два часа съ половиной, и *Альбатросъ* принялъ свою прежнюю скорость въ сто километровъ въ часъ. Онъ направился на сѣверъ, пересекая территорію Утаха и приближаясь къ землѣ. Онъ уже спустился до нѣсколькихъ сотъ метровъ, какъ вдругъ вниманіе дяди Прюдана и Фила Эванса привлекли рѣзкіе свистки.

То былъ пассажирскій поѣздъ Тихоокеанской желѣзной дороги, мчавшійся на всѣхъ парахъ къ городу Большого Соленаго озера.

Тогда, повинуясь тайному приказанію, *Альбатросъ* спустился еще ниже, слѣдуя за летѣвшимъ поѣздомъ.

Его замѣтили. Изъ оконъ вагоновъ стали выглядывать головы, множество пассажировъ повысыпало на тормазы, чтобы лучше разглядѣть летающую машину. Нѣкоторые смѣльчаки такъ даже взобрались на крыши вагоновъ. Воздухъ огласился привѣтственными криками. Но даже и это не заставило Робюра показаться на платформѣ.

Альбатросъ спустился еще ниже, не уменьшая скорости винтовъ, и полетѣлъ тише, чтобы не перегнать поѣздъ и летѣть вровень съ нимъ. Онъ летѣлъ какъ огромный жукъ, тогда какъ могъ бы летѣть хищною птицей. Онъ маневрировалъ вправо и влево, взадъ и впередъ, выказывая передъ всѣми свое искусство, и гордо распустилъ свой черный флагъ съ золотымъ солнцемъ, которому оберъ-кондукторъ поѣзда салютовалъ звѣзднымъ знаменемъ Соединенныхъ Штатовъ.

Тщетно плѣнники хотѣли воспользоваться случаемъ, чтобы дать знать на землю о постигшей ихъ участи. Тщетно надрывался президентъ Вельдонскаго института, крича громкимъ голосомъ:

— Я—дядя Прюданъ, изъ Филадельфіи!

Тщетно вторилъ ему секретарь:

— Я—Филь Эвансъ, секретарь Вельдонскаго института!

Никто не слыхалъ ихъ. Голоса ихъ терялись среди нескончаемаго ура, которымъ пассажиры поѣзда привѣтствовали аэронефъ.

На палубу вышли четверо изъ экипажа, и одинъ изъ нихъ протянулъ поѣзду кончикъ веревки, какъ дѣлаютъ моряки, когда обгоняютъ какой-нибудь корабль. Кончикъ веревки—это ироническое предложеніе буксира.

Затѣмъ *Альбатросъ* снова пошелъ прежнимъ ходомъ и черезъ полчаса далеко оставилъ за собою поѣздъ, который вскорѣ совершенно исчезъ вдали.

Въ исходѣ перваго часа пополудни показался широкій дискъ, отражавшій солнечные лучи, точно огромный рефлекторъ.

— Это навѣрное столица мормоновъ, Сальтъ-Лэкъ-Сити!—вскричалъ дядя Прюданъ.

Это было вѣрно. То былъ дѣйствительно городъ Соленаго озера, а дискъ, отражавшій лучи, это была круглая крыша Табернакля, гдѣ собираются «вѣрные» и гдѣ ихъ свободно можетъ помѣститься десять тысячъ. Крыша Табернакля отсылала отъ себя солнечные лучи во всѣ стороны, точно выпуклое зеркало.

Большой городъ разстилался у подошвы Васагскихъ горъ, до половины склона покрытыхъ кедрами и соснами, на лѣвомъ берегу такъ-называемаго Иордана, вливающаго воды Утаха въ большое Солёное озеро (great-Salt-Lake). Кругомъ виднѣлись хорошо обработанныя поля; на лугахъ паслись безчисленныя стада барановъ.

Но это зрѣлище мелькнуло какъ тѣнь, и *Альбатросъ* понесся на юго-западъ съ усиленною скоростью, которая стала тѣмъ замѣтнѣе, что превосходила скорость вѣтра.

Вскорѣ воздушный корабль уже летѣлъ надъ Невадой и ея золотоносною территоріей, которую только Сьерра отдѣляетъ отъ калифорнскихъ приисковъ.

— Нѣтъ, мы положительно еще до ночи будемъ въ Санъ-Франциско!—сказалъ Филь Эвансъ.

— А потомъ что?—возразилъ дядя Прюданъ.

На это Филь Эвансъ ничего не могъ сказать.

Въ шесть часовъ вечера *Альбатросъ* перелетѣлъ черезъ Сьерру-Неваду въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится проливъ Трукки. Черезъ этотъ проходъ идетъ желѣзная дорога. Теперь оставалось не болѣе трехсотъ километровъ, если не до Санъ-Франциско, то, по крайней мѣрѣ, до Сакраменто, главнаго города штата Калифорніи.

Скорость *Альбатроса* была такова, что куполь Капитоля, едва показавшись на западномъ горизонтѣ, къ восьми часамъ вечера уже пропалъ на противоположной сторонѣ неба.

Въ эту минуту Робюръ появился на палубѣ.

— Инженеръ Робюръ,—сказалъ дядя Прюданъ,—мы доѣхали до границъ Америки. Мы полагаемъ, что пора бы прекратить шутку.

— Я никогда не шучу,—отвѣчалъ Робюръ.

Онъ далъ знакъ. *Альбатросъ* быстро спустился къ землѣ, но въ то же время полетѣлъ до того быстро, что пришлось укрыться въ каюту.

Едва успѣвъ затворить за собою дверь, дядя Прюданъ вскричалъ въ страшномъ гнѣвѣ:

— Еще немного—и я бы его задушилъ!

— Нужно попробовать, нельзя ли убѣжать,—отвѣчалъ Филь Эвансъ.

— Да... Будь, что будетъ.

Тутъ до нихъ донесся протяжный гулъ.

Это ревѣло море, разбиваясь о прибрежные утесы.

Воздушный корабль долетѣлъ до Тихаго океана.

Г Л А В А IX.

Альбатросъ пролетаетъ десять тысячъ верстъ и совершаетъ подъ конецъ чудовищный прыжокъ.

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ твердо рѣшились бѣжать. Имѣй они дѣло только съ однимъ экипажемъ *Альбатроса*, они не задумались бы вступить съ нимъ въ отчаянную борьбу. Два рѣшительныхъ человѣка многое могутъ сдѣлать даже и противъ восьми человѣкъ. Очень можетъ быть, что имъ и удалось бы овладѣть кораблемъ и спуститься гдѣ-нибудь на землю въ Соединенныхъ Штатахъ.

Мы говоримъ два человѣка, потому что Фриколенъ съ своею трусостью ни въ какомъ случаѣ не могъ считаться за положительную величину.

Однако, открытая борьба была бы очень рискованнымъ шагомъ. Не лучше ли было употребить хитрость? Эту мысль постарался внушить своему гнѣвливому коллегѣ Филь Эвансъ, опасаясь какой-нибудь неумѣстной вспышки съ его стороны.

Во всякомъ случаѣ ни для открытой борьбы, ни для хитрости не было пока времени. Воздушный корабль летѣлъ во всю мочь надъ Тихимъ океаномъ. Утромъ 16 іюня скрылись изъ вида послѣднія очертанія береговъ. Такъ какъ западный берегъ Сѣверной Америки отъ острова Ванкувера дѣлаетъ большой заворотъ къ Алеутскимъ островамъ, уступленнымъ въ 1867 году Россією Соединеннымъ Штатамъ, то

являлась надежда, что при дальнѣйшемъ слѣдованіи *Альбатросъ* еще разъ пересѣчетъ берегъ, если только не перемѣнитъ своего направленія.

Какъ длинны казались ночи нашимъ баллонистамъ! Какъ торопились они каждое утро поскорѣе выйти изъ своей каюты!

Въ это утро они тоже чуть свѣтъ выбрались на палубу. День только-что начинался. Дѣло было въ іюнѣ, около времени лѣтняго солнцестоянія, и на шестидесятой параллели ночи почти совсѣмъ не было, потому что тамъ въ это время, какъ говорится, бываетъ «заря во всю ночь».

Инженеръ Робюръ—не то съ умысломъ, не то по обыкновенію—не спѣшилъ выходить на палубу. Въ этотъ день, встрѣтившись какъ-то съ своими плѣнниками у кормы, онъ только раскланялся съ ними, не сказавъ ни слова.

Между тѣмъ выползъ на свѣтъ Божій изъ своей каморки и Фриколенъ. Но—Богъ мой!—въ какомъ онъ былъ видѣ. Красные отъ бессонницы глаза, припухшія вѣки, тупой взглядъ, трясущіяся поджилки... Онъ шелъ робко, боязливо, какъ человѣкъ, не чувствующій подъ собою почвы. Первый взглядъ свой онъ бросилъ на подъемный механизмъ, который дѣйствовалъ съ утѣшительною медленностью. Нѣсколько успокоившись, негръ все тою же нетвердою поступью подошелъ къ периламъ палубы и крѣпко, что есть силы, вцѣпился въ нихъ руками. Очевидно, онъ желалъ посмотрѣть, надъ какою странюю несется *Альбатросъ*.

Дорого стоилъ Фриколену такой подвигъ. Много онъ сдѣлалъ усилій надъ собою, чтобы на него рѣшиться. Съ его стороны это былъ положительный героизмъ.

Сначала Фриколенъ постоялъ у балюстрады, откинувшись всѣмъ корпусомъ назадъ, чтобы не глядѣть внизъ, потомъ попробовалъ, крѣпки ли перила, и только тогда рѣшился, наконецъ, нагнуть черезъ нихъ

голову. Голову онъ нагнуть нагнулъ, но только при этомъ зажмурилъ глаза. Наконецъ, сдѣлавъ надъ собою послѣднее, отчаянное усиліе, бѣдный негръ открылъ глаза.

Боже мой, что съ нимъ сдѣлалось!

Онъ вскрикнулъ. Что это за ужасный былъ крикъ! Голова несчастнаго негра совсѣмъ ушла въ плечи.

Еще бы: онъ увидалъ такія страсти, что не приведи Господи. Внизу подъ собою онъ увидалъ... увидалъ... океанъ. Не будь у него волосы такъ шерстисты и курчавы, они непременно поднялись бы у него на головѣ.

— Море!..—вскричалъ онъ внѣ себя отъ ужаса, — море!..

Онъ зашатался и едва не грохнулся на палубу, но проходившій мимо поваръ во-время поддержалъ его.

Поваръ былъ французъ и даже чуть ли не гасконецъ, хотя и звали его Франсуа Тапажъ. Если онъ не былъ гасконскимъ уроженцемъ, то ужъ навѣрное провелъ свое дѣтство на берегахъ Гаронны. Богъ его знаетъ, какими судьбами онъ очутился на службѣ у инженера Робюра и въ составѣ экипажа *Альбатроса*. Онъ, я думаю, и самъ хорошенько не могъ бы этого объяснить. Во всякомъ случаѣ онъ былъ страшная шельма и превосходно говорилъ по-англійски.

— Ну, вставай же, голубчикъ, выпрямляйся! — вскричалъ онъ, сильно встряхивая ослабѣвшаго негра.

— О!.. Мистеръ Тапажъ! — жалобно простоналъ негръ, съ отчаяніемъ взглядывая на винты.

— Что тебѣ, миленькій Фриколенъ?

— А вдругъ это когда-нибудь сломается?

— Не когда-нибудь, а непременно въ концѣ-концовъ сломается.

— Почему?.. Почему вы такъ думаете?

— Да потому, что «ничто не прочно подъ луною», — пропѣлъ съ комическою интонаціей поваръ.

— А море-то?.. Вотъ оно, внизу.

— Что жъ такое, что море? Если падать, такъ ужъ лучше въ него.

— Да вѣдь... о, мистеръ Тапажъ!.. Вѣдь этакъ можно утонуть.

— Утонуть все же лучше, чѣмъ превратиться въ бифштексъ,—авторитетно замѣтилъ поваръ, нарочно поддразнивая труса.

Фриколенъ не могъ больше выдержать. Онъ весь сѣежился и поспѣшилъ убраться къ себѣ въ каюту.

Весь этотъ день аэронефъ шелъ очень умѣреннымъ ходомъ. Онъ почти касался поверхности моря, которое было необыкновенно спокойно. Оно какъ бы дремало подъ яркими лучами солнца, обильно озарявшими его неизмѣримую синюю гладь.

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ, не желая встрѣчаться съ Робюромъ, тоже ушли къ себѣ въ каюту. Инженеръ прохаживался, покуривая сигару, по палубѣ то одинъ, то съ своимъ помощникомъ Томомъ Тернеромъ. Винты дѣйствовали слабо и то не всѣ, а лишь небольшая часть, нужная для поддержанія аэронефа въ нижнихъ слояхъ атмосферы.

При такихъ обстоятельствахъ экипажъ *Альбатроса* имѣлъ бы возможность заняться рыбною ловлей, если бы въ этомъ мѣстѣ Тихаго океана водилась рыба. Но на поверхности моря показывались, да и то изрѣдка, лишь желтобрюхіе киты, самые страшные изъ всѣхъ китовъ сѣверныхъ морей. Ихъ сила и свирѣпость таковы, что обыкновенные рыболовы рѣдко осмѣливаются нападать на этихъ опасныхъ чудовищъ.

Но при помощи организованной охоты съ флетчеровыми ракетами, разрывными бомбами-дротиками или даже съ простыми, но хорошими, крѣпкими гарпунами можно наловить этихъ китовъ многого множества безъ всякой опасности для себя.

Мы уже говорили, что на *Альбатросѣ* были принадлежности для всякихъ охотъ. Для Робюра киты ни на что не были нужны, но онъ пожелалъ показать членамъ Вельдонскаго института, чего можно достигнуть съ аэронефомъ, и потому отдалъ экипажу приказъ изловить одно изъ чудовищъ.

На палубѣ закричали: «Китъ! китъ!» Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ вышли изъ каюты. Они подумали, что замѣчено какое-нибудь китоловное судно, и захотѣли въ этомъ убѣдиться. Чтобы только спастись изъ своей летающей тюрьмы, они оба готовы были броситься въ море, надѣясь, что судно приметъ ихъ на свой бортъ.

Весь экипажъ *Альбатроса* былъ въ сборѣ на платформѣ и ждалъ.

— Значить, мы его сначала пощупаемъ, мистеръ Робюръ? — спросилъ помощникъ инженера Томъ Тернеръ.

— Да, Томъ, — отвѣчалъ инженеръ.

Машинистъ и оба его помощника заняли свои мѣста возлѣ машины, готовясь исполнять всѣ маневры по подаваемымъ сигналамъ. *Альбатросъ* еще ниже опустился надъ моремъ и всталъ на высотѣ пятидесяти футовъ.

Баллонисты скоро убѣдились, что на морѣ далеко кругомъ нѣтъ никакого судна и не виднѣется по близости никакого побережья, до котораго бѣглецы могли бы доплыть, предположивъ, что Робюръ не приметъ никакихъ мѣръ для ихъ поимки.

Вотъ надъ поверхностью моря забило нѣсколько фонтановъ. Это значило, что киты выплыли навстрѣчу подышать воздухомъ.

Томъ Тернеръ съ однимъ изъ своихъ товарищей всталъ на носу аэронефа. Подъ рукой около него была припасена китоловная бомба калифорнской фабрикаціи, бросаемая изъ особаго аркебуза. Это родъ металлическаго цилиндра, оканчивающагося цилиндрической бомбой и снабженнаго лопатообразно расширеннымъ стволомъ.

Робюръ всталъ на мостикъ и правою рукой началъ командовать машинистамъ, а лѣвою — рулевому. Такимъ образомъ онъ дерижировалъ всѣми движеніями воздушнаго корабля, и вертикальнымъ и горизонтальнымъ. Невозможно описать, съ какою быстро-

тою аэронефъ слушался команды. Сложный аппаратъ казался не бездушнымъ созданиемъ рукъ человѣческихъ, а органическимъ существомъ, душою котораго былъ Робюръ.

— Китъ! Китъ! — закричалъ опять Томасъ Тернеръ.

Дѣйствительно, въ нѣсколькихъ кабельтовахъ отъ *Альбатроса* показалась изъ воды громадная спина чудовища.

Альбатросъ подлетѣлъ къ киту поближе и остановился отъ него въ шестидесяти шагахъ.

Томъ Тернеръ прицѣлился изъ аркебуза, который былъ утвержденъ на козлахъ, приложенныхъ къ периламъ, и бомба-дротикъ, таща за собою длинную веревку, привязанную другимъ концомъ къ платформѣ, ударилась въ тѣло кита. Начиненная горючимъ веществомъ, бомба разорвалась и выпустила изъ себя нѣчто вродѣ маленькаго гарпуна, который впился въ мясо животного.

— Слушай! — крикнулъ Томъ Тернеръ.

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ невольно увлеклись всей этой сценой, хотя имъ было не до того.

Тяжело раненый китъ ударилъ по водѣ хвостомъ такъ сильно, что вода брызнула почти до самага носа воздушнаго корабля. Затѣмъ животное глубоко нырнуло въ воду, при чемъ съ корабля ему торопливо отдавали канатъ, намоченный предварительно въ водѣ, чтобы онъ не загорѣлся отъ тренія. Выплывши снова на поверхность, китъ во всю мочь припустился на сѣверъ.

Альбатросъ понесся за нимъ. Впрочемъ, пропульсаторы были скоро остановлены и киту предоставили самому тянуть аэронефъ, насколько силъ достанетъ. На случай новаго погруженія кита въ воду Томъ Тернеръ приготовилъ топоръ, чтобы обрубить веревку.

Съ полчаса, не меньше, *Альбатросъ* тащился такимъ образомъ на буксирѣ за китомъ, и оба они сдѣлали по крайней мѣрѣ миль шесть. Однако, стало замѣтно, что китъ выбивается изъ силъ.

„Къ счастью, Томъ Тернеръ во-время хватилъ по веревкѣ топоромъ и
разрубилъ ее“. (Стр. 127).

Тогда по знаку Робюра помощники машиниста дали машинѣ задній ходъ, и пропульсаторы начали оказывать киту сопротивленіе. Понемногу китъ приблизился къ кораблю. Аэронефъ въ свою очередь опустился еще ниже и держался надъ чудовищемъ всего на двадцати - пяти футахъ. Китъ продолжалъ ударять хвостомъ по водѣ съ невѣроятною силой. Ворочаясь со спины на брюхо и обратно, онъ производилъ около себя страшное волненіе.

Вдругъ онъ выпрямился и съ такою быстротою нырнулъ опять въ воду, что Томъ Тернеръ насилу успѣлъ отдать ему канатъ.

Это неожиданное движеніе моментально сдернуло аэронефъ внизъ до самой воды. На томъ мѣстѣ, гдѣ нырнуло животное, образовался крутящійся водоворотъ. На палубу аэронефа въ обильномъ количествѣ плеснула морская вода.

Къ счастью, Томъ Тернеръ во-время хватилъ по веревкѣ топоромъ и разрубилъ ее. *Альбатросъ* освободился отъ буксира и силою своихъ подъемныхъ винтовъ быстро поднялся снова на высоту двухсотъ футовъ.

Робюръ все время распоряжался съ удивительнымъ хладнокровіемъ, не покидавшимъ его ни на одинъ мигъ.

Прошло нѣсколько минутъ, и китъ снова всплылъ поверхъ воды, на этотъ разъ уже мертвый и безвредный. Со всѣхъ сторонъ, откуда ни возмись, слетѣлись морскія птицы, въ надеждѣ полакомиться свѣжимъ мясомъ. Онѣ съ оглушительнымъ крикомъ закружились надъ трупомъ.

Альбатросу, какъ мы уже говорили, китъ ни на что не былъ нуженъ, поэтому онъ, совершивъ безполезное убійство, возобновилъ свой прерванный полетъ на западъ.

На другой день, 17 іюня, въ шестомъ часу утра, на горизонтѣ показались туманныя очертанія земли. То былъ полуостровъ Аляска и скалистая группа Алеутскихъ острововъ.

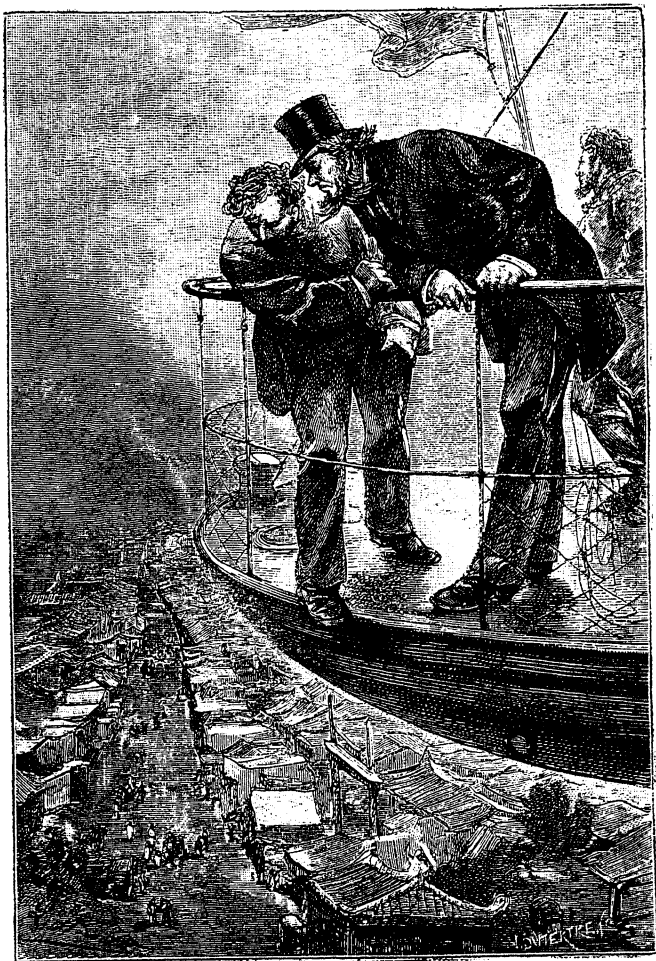
Альбатросъ спокойно пролетѣлъ надъ этимъ барьеромъ, гдѣ въ такомъ изобиліи водятся рыжіе тюлени, предметъ охоты дикихъ алеутовъ во славу и обогащеніе Россійско-Американской Компаніи.

Ихъ тутъ были цѣлыя тысячи. Они не испугались пролетаваго надъ ними аэронефа и продолжали свое уморительное нырянье и кувырканье какъ ни въ чемъ не бывало. Зато чайки и буревѣстники немедленно разлетѣлись съ хриплымъ, тревожнымъ крикомъ, какъ только завидѣли несущійся воздушный аппаратъ, показавшійся имъ вѣроятно за какого-нибудь страшнаго воздушнаго звѣря.

Двѣ тысячи километровъ надъ Беринговымъ моремъ отъ первыхъ Алеутскихъ острововъ до крайняго пункта Камчатки *Альбатросъ* пролетѣлъ во весь этотъ день и въ слѣдующую ночь. Обстоятельства складывались весьма неблагоприятно для бѣгства, и наши баллонисты приуныли. Не бѣжать же имъ было въ пустыни Восточной Азіи или на побережье Охотскаго моря. Очевидно, *Альбатросъ* направлялся не то въ Китай, не то въ Японію. Плѣнники рѣшились покуситься на побѣгъ тогда, когда воздушный корабль прибудетъ въ одну изъ этихъ странъ, хотя имъ далеко не очень нравилась перспектива довѣриться японцамъ или китайцамъ. Но изъ двухъ золъ они рѣшились выбрать лучшее, такъ какъ жизнь на аэронефѣ, въ обществѣ ненавистнаго Робюра, казалась имъ хуже каторги.

Но вотъ въ чемъ дѣло: сдѣлаетъ ли *Альбатросъ* остановку? Едва ли она ему нужна. Вѣдь онъ не птица, которую въ концѣ-концовъ полетъ долженъ утомить, и не воздушный шаръ, которому бываетъ нужно запастись газомъ. Онъ машина, надолго снабженная всѣмъ необходимымъ и не знающая утомленія...

18 іюня пролетѣли надъ полуостровомъ Камчаткой, едва разглядѣвъ въ туманѣ крѣпость Петропавловскъ и Ключевскую сопку, и надъ Курильскими островами

„Перегнувшись через перила, пассажиры видели очень отчетливо огромный город“. (Стр. 133).

въ Охотскомъ морѣ. 19-го утромъ *Альбатросъ* достигъ Лаперузова пролива, стѣсненнаго между сѣверною оконечностью Японіи и островомъ Сахалиномъ. Здѣсь недалеко находится устье Амура, одной изъ величайшихъ и важнѣйшихъ рѣкъ Сибири.

Тутъ вдругъ сдѣлался такой туманъ, что воздушный корабль принужденъ былъ подняться выше, чтобы выйти изъ мгlistой полосы. Не то чтобы туманъ мѣшалъ ему летѣть, такъ какъ на пути не встрѣчалось высокихъ горъ и мѣстность была почти ровная, но вообще эта сырая мгла была чрезвычайно непріятна, такъ какъ сырость забиралась рѣшительно во всѣ уголки корабля.

Чтобы избѣжать этой непріятности, *Альбатросу* стоило только подняться надъ слоемъ тумана, который толщиною не превышалъ четырехсотъ метровъ. Вертикальныя оси быстро задвигались, и *Альбатросъ* очень скоро поднялся въ свѣтлое пространство.

При такихъ обстоятельствахъ дядѣ Прюдану и Филю Эвансу становилось еще труднѣе убѣжать.

Въ этотъ день, проходя мимо своихъ плѣнниковъ, Робюръ остановился на минуту передъ ними и сказалъ какъ будто вскользь:

— Господа, когда парусный корабль или пароходъ попадаетъ въ туманъ, то для него это большое неудобство. Онъ долженъ плыть осторожно, ощупью, еле-еле подвигаясь впередъ. И при всемъ томъ ему каждую минуту грозитъ опасность на что-нибудь натолкнуться. Не то съ *Альбатросомъ*. Что ему туманы, когда онъ всегда можетъ отъ нихъ избавиться? Онъ владѣетъ пространствомъ, всѣмъ пространствомъ безъ ограниченія.

Высказавъ это, Робюръ, какъ ни въ чемъ не бывало, пошелъ дальше по палубѣ, не дожидаясь отвѣта, котораго, впрочемъ, онъ и не спрашивалъ. Голубыя струйки дыма его сигары вились и пропадали въ чистомъ голубомъ воздухѣ.

— Дядя Прюданъ, — сказалъ Филь Эвансъ, — а вѣдь

это удивительно. *Альбатросъ* рѣшительно ничего не боится. Ему все нипочемъ.

— Увидимъ еще!—отвѣчалъ президентъ Вельдонскаго института.

Туманъ съ неноснымъ упорствомъ продолжался три дня: 19, 20 и 21 іюня. Пришлось подняться еще выше, чтобы миновать японскія горы Фузи-Яма. Но вотъ, наконецъ, мгlistая завѣса разорвалась, и взорамъ пассажировъ *Альбатроса* открылся обширный городъ съ дворцами, виллами, садами и парками. Даже, не видавъ его прежде, Робюръ сразу могъ бы его узнать по лаю многихъ тысячъ собакъ, по крику хищныхъ птицъ и по трупному запаху, издаваемому неубранными тѣлами казненныхъ.

— Господа,—сказалъ инженеръ гостямъ,—я могу вамъ сообщить, что городъ этотъ Іеддо, столица Японіи.

Дядя Прюданъ не отвѣчалъ. Въ присутствіи инженера его всегда начинало душить.

— Видъ Іеддо, не правда ли, очень интересенъ?—продолжалъ Робюръ.

— Очень интересенъ, но...—возразилъ было Филь Эвансъ.

— Но все-таки не сравнится съ видомъ Пекина, хотите вы сказать?—перебилъ инженеръ.—Раздѣляю ваше мнѣніе и, пожалуй, доставлю вамъ случай полюбоваться и Пекиномъ.

Что можно было возразить на такую любезность?

Въ это время *Альбатросъ*, шедшій до сихъ поръ на юго-западъ, вдругъ переѣнилъ направленіе на три четверти градуса и понесся на западъ другою дорогой.

За ночь туманъ разсѣялся. Появились признаки отдаленнаго смерча: быстрое паденіе барометра, исчезновеніе воздушныхъ паровъ, большія овальныя тучи на желтоватомъ небѣ, а съ противоположной стороны горизонта длинныя красно-лиловыя полосы. Наконецъ, еще одинъ признакъ: море было совершенно спокой-

но, но вода на солнцѣ давала пурпуровый отблескъ.

По счастью, смерчъ разразился гдѣ-то южнѣе, и весь результатъ его былъ тотъ, что разсѣялась густая мгла, снова скопившаяся было къ утру.

Въ какой-нибудь часъ пролетѣли 200 километровъ надъ Корейскимъ проливомъ и надъ оконечностью полуострова Кореи. Смерчъ разразился надъ юго-восточными берегами Китая, а *Альбатросъ* несся надъ Желтымъ моремъ. Два дня, 22 и 23 іюня, онъ летѣлъ надъ заливомъ Печели, 24 пролетѣлъ надъ долиною Пей-Го и, наконецъ, долетѣлъ до столицы Невесной имперіи.

Перегнувшись черезъ перила, плѣнники видѣли очень отчетливо огромный городъ, раздѣленный стѣною на двѣ стороны, манджурскую и китайскую, видѣли его двѣнадцать предмѣстій, его широкіе бульвары, расположенные радіусами, его пагоды, императорскіе сады и дворцы.

Воздухъ подъ *Альбатросомъ* наполнился странною гармоніей, напоминающею концертъ эоловыхъ арфъ. Въ немъ рѣяло около сотни бумажныхъ змѣевъ, сдѣланныхъ изъ пальмовыхъ листьевъ и снабженныхъ на верхней своей части чѣмъ-то вродѣ лука изъ тонкаго дерева съ тонкою бамбуковою тетивой. Вѣтеръ колебалъ тетивы у луковъ, и всѣ онѣ издавали тихіе, меланхолическіе звуки, похожіе на звуки гармоники.

Робюру пришла фантазія приблизиться къ этому воздушному оркестру, и, по его приказанію, *Альбатросъ* тихо окунулся въ звуковыя волны, пускаемыя по воздуху бумажными змѣями.

Но вдругъ среди многочисленнаго городского населенія произошелъ невообразимый переполохъ. Раздались звуки тамтама и другихъ чудовищныхъ инструментовъ китайскаго оркестра, грянули залпы изъ ружей, изъ пушекъ; люди очевидно хотѣли прогнать аэронефъ. Если китайскіе астрономы и признали, быть можетъ, *Альбатросъ* за летательную машину, то про-

чіе китайцы—всѣ, отъ бѣднаго рабочаго до многопуговичнаго мандарина—единодушно приняли его за чудовище.

На *Альбатросъ* никто и ухомъ не повелъ при видѣ такого бѣснованія. Оно для него было совершенно безвредно. Но веревки отъ змѣевъ, привязанныя къ шестамъ въ императорскихъ садахъ, были частію поспѣшно перерѣзаны, частію же собраны внизъ. Одни изъ змѣевъ тихо опустились, другіе же быстро попадали на землю, точно подстрѣленные птицы.

Тогда загремѣла труба Тома Тернера. Оглушительный ревъ ея пронесся надъ всѣмъ городомъ, слившись съ послѣдними нотами воздушнаго оркестра. Это, однако, не прекратило пальбы. Одна бомба разорвалась недалеко отъ платформы *Альбатроса*, и тогда онъ величественно поднялся на виду у всѣхъ въ недоступную людямъ высь...

Что произошло въ слѣдующіе дни?—Ровно ничего такого, чѣмъ бы наши плѣнники могли воспользоваться для бѣгства. Какого направленія держался аэро-нефъ?—Неизмѣнно юго-восточнаго, что свидѣтельствовало о намѣреніи достигъ Индостана. Десять часовъ спустя послѣ отбытія изъ Пекина, дядя Прюданъ и Филь Эвансъ замѣтили на границѣ Хенъ-Зи часть Великой Стѣны. Затѣмъ, миновавъ горы Лунгъ, воздушный корабль пронесся надъ долиною Вангъ-Го и перелетѣлъ черезъ границу Небесной имперіи въ Тибетъ.

Тибетъ — это рядъ высокихъ плоскогорій, лишенных растительности, на которыхъ тамъ и сямъ возвышаются снѣжныя вершины; мѣстность разнообразятъ высохшіе овраги, питаемые глетчерами потоки, глубокія впадины съ блестящими слоями соли на днѣ и изрѣдка красивыя озера, окаймленные хвойными лѣсами. Надъ плоскогоріемъ дуетъ часто сухой и весьма холодный вѣтеръ.

Барометръ, упавшій до 450 миллиметровъ, показывалъ высоту болѣе четырехъ тысячъ надъ уровнемъ

моря. Термометръ, несмотря на самый жаркій мѣсяцъ въ году въ сѣверномъ полушаріи, стоялъ почти на нулѣ. Такой холодъ въ связи съ быстротою, съ которою неся *Альбатросъ*, дѣлалъ положеніе путниковъ довольно труднымъ. Поэтому плѣнные баллонысты предпочли укрыться въ свою каюту, хотя къ ихъ услугамъ имѣлись на аэронефѣ теплые плащи.

Подъемные винты пришлось пустить съ чрезвычайною скоростью, чтобы *Альбатросъ* могъ держаться въ разрѣженномъ воздухѣ. Но они дѣйствовали замѣчательно симметрично, такъ что ихъ шуршаніе какъ будто баюкало корабль.

Въ этотъ день въ городѣ Гарлокѣ, столицѣ западнаго Тибета и окружномъ городѣ провинціи Гвари-Хорсумъ, можно было видѣть летящій аэронефъ, казавшійся величиною съ почтоваго голубя.

27 іюня дядя Прюданъ и Филь Эвансъ увидѣли на горизонтѣ огромную гряду, надъ которою вздымалось нѣсколько острыхъ горныхъ вершинъ.

Вся эта масса, казалось, бѣжала навстрѣчу аэронефу.

— Навѣрное Гималайскій хребетъ,—сказалъ Филь Эвансъ.—Я думаю, что Робюръ обогнетъ его у основанія, чтобы пролетѣть надъ Индіей.

— Тѣмъ хуже,—отвѣчалъ дядя Прюданъ.—Быть можетъ, на этой огромной территоріи мы бы могли...

— А можетъ быть, онъ обогнетъ цѣпь на востокѣ, со стороны Бирманіи, или на западѣ, со стороны Непала.

— Тутъ ли, тамъ ли, но посмотрѣлъ бы я, какъ онъ это сдѣлаетъ.

— Это почему?—сказалъ чей-то голосъ.

На другой день, 28 іюня, *Альбатросъ* очутился надъ провинціею Цангъ лицомъ къ лицу съ гигантскою горною массой. По другую сторону Гималайскаго хребта лежала страна Непаль.

Съ сѣвера путь въ Индію перерѣзываютъ послѣдовательно три горныя цѣпи. Двѣ сѣверныя, между

которыми пустился летѣть *Альбатросъ*, точно корабль между рифами, составляютъ первую ступень этого средне-азіатскаго барьера. Тутъ же и водораздѣль между бассейномъ Инда на западѣ и бассейномъ Брамапутры на востокѣ.

Что за прелестная орографическая система! Тутъ насчитываютъ болѣе двухсотъ вершинъ уже измѣренныхъ, изъ нихъ семнадцать имѣютъ болѣе двадцати-пяти тысячъ футовъ высоты. Впереди *Альбатроса* высился на восемь тысячъ восемьсотъ сорокъ метровъ Эверестъ; по правую сторону — Давалагири на восемь тысячъ двѣсти метровъ. Налѣво возвышалась на восемь тысячъ пятьсотъ девяносто два фута Кинханъ — Юнга, считавшаяся прежде высочайшею вершиною, но послѣ новѣйшихъ измѣреній Эвереста отошедшая на второй планъ.

Очевидно, Робюръ не намѣревался летѣть черезъ эти высокія вершины. Безъ сомнѣнія, ему были извѣстны различные проходы въ Гималайскихъ горахъ, и между прочимъ, Иби-Гаминскій проходъ, пройденный въ 1856 году братьями Шлагинтвейтъ.

И дѣйствительно, воздушный корабль полетѣлъ этимъ проходомъ.

Прошло нѣсколько трудныхъ, тревожныхъ часовъ; хотя разрѣженіе воздуха еще не доходило до той степени, при которой на аэронефѣ пускали обыкновенно въ дѣло запасный кислородъ, но зато было такъ холодно, что руки и ноги коченѣли.

Робюръ, кутаясь въ теплый плащъ, стоялъ на носу и командовалъ. Томъ Тернеръ держалъ руль. Машинистъ наблюдалъ за электрическими аппаратами, кислоты которыхъ, къ счастію, не подвергались замерзанію. Винты, быстрота вращенія которыхъ доведена была до максимума, свистали все рѣзче и рѣзче, несмотря на слабую плотность воздуха. Барометръ упалъ до 290 миллиметровъ, что означало семь тысячъ метровъ высоты.

Что за великолѣпное расположеніе у этого хаоса

„Что за великолѣпное расположеніе у этого хаоса горъ! Всюду бѣлыя снѣжныя вершины“. (Стр. 136).

горь! Всюду бѣлыя снѣжныя вершины; ни одного озера, зато громадныя ледники; никакой травы, только одинъ рѣдкій мохъ на границѣ растительной жизни; нигдѣ ни сосенъ, ни елей, ни кедровъ, которые такъ чудно украшаютъ нижніе склоны этихъ же самыхъ горъ. Нигдѣ никакого звѣря, ни яковъ, ни дикихъ лошадей, ни тибетскихъ быковъ, лишь изрѣдка развѣ мелькнетъ серна, какимъ-то чудомъ забѣжавшая на эту холодную высь. Ни одной птицы, за исключеніемъ нѣсколькихъ паръ воронъ, залетѣвшихъ въ послѣдніе слои воздуха, въ которыхъ еще можно дышать. Миновавъ, наконецъ, проходъ, *Альбатросъ* началъ опускаться. При выходѣ изъ горжи прохода открылась на далекое разстояніе гладкая, необозримая равнина.

Тогда Робюръ подошелъ къ своимъ гостямъ и сказалъ чрезвычайно любезнымъ голосомъ:

— Индія, господа!

Г Л А В А X.

Изъ которой читатель увидитъ, какъ и почему лакея Фриколена взяли на буксиръ.

Инженеръ не имѣлъ ни малѣйшаго намѣренія прокатиться надъ чудными землями Индостана. Черезъ Гималайскій хребетъ онъ перелетѣлъ только для того, чтобы похвастаться передъ гостями своимъ замѣчательнымъ аппаратомъ. Слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что *Альбатросъ* былъ совершенно свободенъ отъ недостатковъ? Это мы увидимъ ниже.

Восхищаясь въ глубинѣ души чудесными способностями машины, дядя Прюданъ и Филь Эвансъ, однако, тщательно скрывали свои чувства. Они постоянно подстерегали случай для бѣгства. Ихъ не прельщали даже прелестные виды, открывавшіеся съ *Альбатроса*, когда онъ пролеталъ надъ Пенджабомъ.

У подошвы Гималайскаго хребта находится болотистая полоса земли, наполненная нездоровыми испареніями. Она называется Тераи и считается родиною желтой лихорадки, которая въ ней свирѣпствуетъ круглый годъ. Но для *Альбатроса* даже и это было ничемъ. Онъ степенно поднялся повыше и полетѣлъ въ тотъ уголъ Индостана, гдѣ сходятся границы между этою страной, Китаемъ и Туркестаномъ. Раннимъ утромъ, 29 іюня, передъ нимъ разостлалась несравненная Кашемирская долина.

Да, именно несравненная! Прорѣзанная въ нѣсколькихъ мѣстахъ послѣдними отрогами Гималаевъ, отбѣ-

гающими отъ главной цѣпи и постепенно исчезающими въ бассейнѣ Гидаспа, она орошена капризными извилинами рѣки, на берегахъ которой сразились нѣкогда войска Пора и Александра, другими словами, гдѣ съ Индією столкнулась Греція, зашедшая въ самую глубь Средней Азіи. Онъ все тотъ же, этотъ Гидаспъ, и на прежнемъ мѣстѣ, хотя два города, построенные македонскимъ завоевателемъ въ честь своей побѣды, уже давно не существуютъ, такъ что и слѣдовъ ихъ нигдѣ не найдено.

Въ это утро *Альбатросъ* пролетѣлъ надъ Ширинагоромъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Кашемира. Дядя Прюданъ и его товарищъ видѣли пышный городъ, вытянувшійся по обоимъ берегамъ рѣки, видѣли его деревянные мосты, съ высоты казавшіеся ленточками, дерновыя кровли, напоминавшія кротовыя ямки, многочисленные каналы, кишѣвшіе лодками, дворцы, храмы, кіоски, мечети, — и все это чуднымъ образомъ двоилось, отражаясь въ водѣ. На высокомъ холмѣ, гордо увѣнчивая собою вершину его, высилась неприступная цитадель Гери-Парвата.

— Будь это въ Европѣ, — сказалъ Филь Эвансъ, — этотъ городъ былъ бы Венеціей.

— Будь мы въ Европѣ, — возразилъ дядя Прюданъ, — мы сумѣли бы найти дорогу въ Америку.

Пролетѣвъ надъ озеромъ, черезъ которое протекаетъ рѣка, *Альбатросъ* понесся дальше надъ долиною Гидаспа.

Съ полчаса, однако, онъ простоялъ неподвижно, спустившись на девять метровъ къ рѣкѣ. Съ корабля спустили каучуковый рукавъ, и Томъ Тернеръ съ своими подручными накачалъ воды при помощи насосовъ, дѣйствующихъ электричествомъ.

Во время этой операціи дядя Прюданъ и Филь Эвансъ переглянулись. Обоимъ имъ пришла одновременно въ голову одна и та же мысль. Отъ корабля до уровня воды въ Гидаспѣ было всего нѣсколько метровъ. Оба они были превосходные плов-

цы. Отчего имъ не броситься въ воду и не поплыть къ берегу? Какъ поймаетъ ихъ въ этомъ случаѣ Робюръ? Чтобы винты могли дѣйствовать, онъ долженъ во всякомъ случаѣ держать свой корабль хоть на два фута выше поверхности рѣки.

Эти соображенія въ одну минуту промелькнули въ головѣ у баллонистовъ. Въ одну минуту плѣнники взвѣсили всѣ шансы и разомъ придвинулись къ краю платформы, собираясь броситься въ волны.

Въ ту же минуту имъ на плечи легло нѣсколько паръ рукъ.

За ними, какъ оказалось, наблюдали. У нихъ отнята была всякая возможность къ бѣгству.

Плѣнники, однако, не хотѣли сдаться безъ сопротивленія. Они попробовали оттолкнуть отъ себя державшихъ, но служащіе на *Альбатросъ* были всѣ люди здоровые, сильные, съ ними сладить было не такъ-то легко.

— Господа, — ограничился на это замѣчаніемъ инженеръ, — кто имѣетъ удовольствіе путешествовать въ обществѣ Робюра — Побѣдителя, какъ вы сами изволили его прозвать, и на борту его удивительнаго *Альбатроса*, тотъ не можетъ покинуть его такимъ образомъ... по-англійски, такъ сказать, не прощаясь съ хозяиномъ. Прибавлю даже, что его больше уже никогда не покидаютъ.

Филь Эвансъ оттащилъ своего товарища въ сторону, такъ какъ послѣдній готовъ былъ вспылить и надѣлать нелѣпостей. Оба ушли къ себѣ въ каюту, рѣшившись убѣждать во что бы то ни стало и куда бы то ни было.

Альбатросъ понесся дальше на западъ. Въ этотъ день, подвигаясь съ среднею скоростью, онъ пролетѣлъ надъ Кабулистаномъ, столица котораго ненадолго мелькнула вдали, и пересѣкъ границу Гератскаго ханства, находящагося въ 1100 километрахъ отъ Кашемира.

Въ этихъ странахъ, служащихъ нынѣ предметомъ

такого пламеннаго раздора и открывающихъ русскимъ путь въ индійскія владѣнія англичанъ, замѣчалось большое скопленіе народа, виднѣлись отряды войскъ, обозы,—однимъ словомъ, были налицо всѣ признаки арміи, идущей походомъ. Слышались даже пушечные выстрѣлы и трескъ ружейнаго огня. Но инженеръ никогда не мѣшался въ чужія дѣла, за исключеніемъ вопросовъ чести и человѣколюбія. Онъ пролетѣлъ спокойно дальше. Если Герать и въ самомъ дѣлѣ есть ключъ отъ Средней Азіи, то инженеру было рѣшительно все равно, въ чей бы карманъ ни попалъ этотъ ключъ, въ англійскій или въ русскій. Интересы земли стали чужды этому смѣльчаку съ тѣхъ поръ, какъ онъ переселился на жительство въ воздушныя сферы.

Впрочемъ, вся страна вскорѣ исчезла подъ настоящимъ ураганомъ песку, что случается очень часто въ этихъ песчаныхъ степяхъ. Вѣтеръ, дующій здѣсь, называется *таббатъ* и вмѣстѣ съ тучами ѣдкой песчаной пыли приносить горячечныя міазмы. Сколько каравановъ погибаетъ здѣсь отъ этого пыльнаго вихря!

Чтобы избавиться отъ пыли, которая могла повредить машинному отдѣленію, *Альбатросъ* поднялся вверхъ на двѣ тысячи метровъ.

Такимъ образомъ, скрылась изъ глазъ персидская граница и ея длинныя равнины. Ходъ корабля былъ умѣренный, хотя никакого столкновенія на этотъ разъ не имѣлось въ виду: горы, обозначенныя на картѣ, были не высоки. Но, приближаясь къ столицѣ, *Альбатросу* нужно было остеречься, во-первыхъ, Демавенда, снѣжная вершина котораго достигаетъ шести тысячъ шестисотъ метровъ высоты, а во-вторыхъ, Эльборусской цѣпи, у подошвы которой построенъ Тегеранъ.

Раннимъ утромъ, 2 іюля, Демавендъ показался, наконецъ, изъ-за песчаныхъ облаковъ.

Альбатросъ пролетѣлъ надъ городомъ, окутаннымъ дымкою тонкой пыли.

Быстро промелькнули широкіе рвы, окружающіе городской валъ, дворецъ шаха съ выложенными фаянсомъ стѣнами и голубые, точно бирюзовые, фонтаны.

Все это пронеслось какъ бы мимолетнымъ видѣніемъ. Съ этого мѣста *Альбатросъ* перемѣнилъ курсъ и направился прямо на сѣверъ. Вскорѣ подъ нимъ показался небольшой городокъ, построенный на холмѣ въ сѣверномъ углу персидской границы, на берегу какого-то воднаго бассейна, которому не видѣлось конца ни на сѣверѣ, ни на югѣ.

Городокъ этотъ былъ Аштурада, самый важный русскій портъ на персидской границѣ, а обширный водный бассейнъ — Каспійское море.

Облака пыли исчезли. Городокъ былъ свропейскій, дома построены были вдоль небольшого мыса, среди нихъ высилась колокольня.

Альбатросъ опустился надъ этимъ озеромъ-моремъ, уровень котораго на триста футовъ ниже уровня океана. Къ вечеру онъ уже летѣлъ вдоль берега, который теперь русскій, а прежде былъ туркестанскимъ; 3 июля онъ неся надъ самою серединою Каспія.

Кругомъ не было видно ни клочка земли, только кое-гдѣ бѣлѣли паруса, надутые вѣтромъ. То были туземныя суда, разныя кезебеи, каики и рыбацкія лодки. Изрѣдка вились также дымки пароходовъ русской морской полиціи.

Въ это утро Томъ Тернеръ разговаривалъ съ поваромъ Франсуа Тапажемъ и такъ, между прочимъ, отвѣтилъ на одинъ вопросъ послѣдняго:

— Да, мы пробудемъ надъ Каспіемъ около двухъ сутокъ.

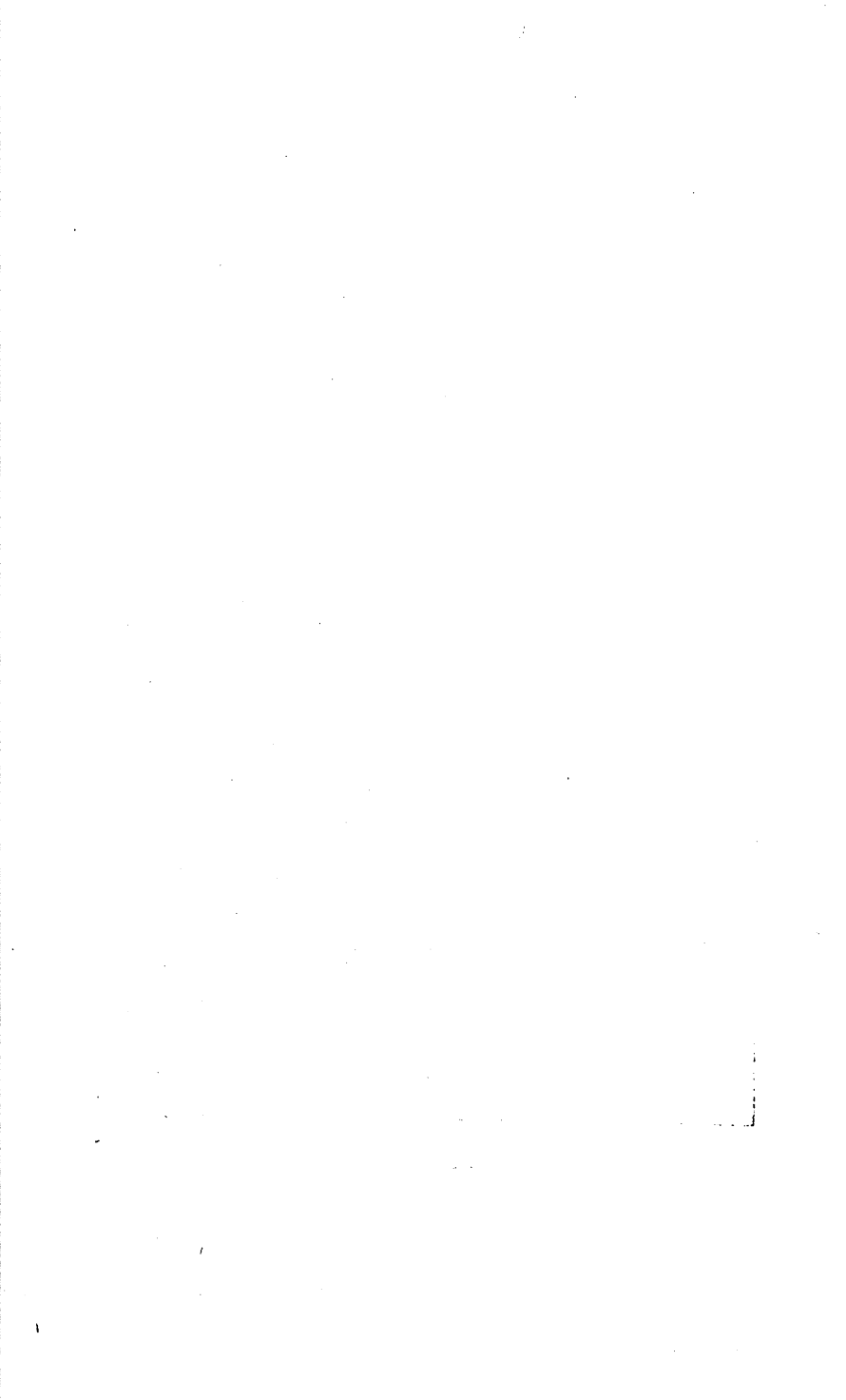
— Отлично, — обрадовался поваръ, — можно стало-быть будетъ заняться рыбною ловлей.

— Совершенно вѣрно.

Двое сутокъ — этого было слишкомъ много для переѣзда черезъ Каспій. Это значило, что скорость *Альбатроса* будетъ ничтожна, а во время ловли такъ даже прямо равна нулю.

„У нихъ отнята была всякая возможность къ бѣгству“. (Стр. 142).

Отвѣтъ Тома Тернера подслушалъ Филь Эвансъ, стоя на носу корабля.

Къ нему въ это время все приставалъ Фриколенъ съ своими жалобами и неумѣстными просьбами похлопотать у «барина», чтобы тотъ приказалъ ссадить его съ аэронефа.

Ничего не отвѣчая негру, Филь Эвансъ отошелъ отъ него къ дядѣ Прюдану и тайно передаль ему подслушанный разговоръ.

— Филь Эвансъ, — отвѣчалъ дядя Прюданъ, — я полагаю, что ни вы, ни я не обманываемся насчетъ истинныхъ намѣреній проклятаго инженера относительно насъ обоихъ?

— Нисколько не обманываемся. Повидимому, онъ насъ не скоро отпуститъ, если только отпуститъ когда-нибудь.

— Въ такомъ случаѣ нужно намъ попытаться самимъ бѣжать съ *Альбатроса*.

— А машина славная, грѣхъ отрицать.

— Можетъ быть, — вскричалъ дядя Прюданъ, — но хозяинъ ея мошенникъ и негодяй. Эта машина гибельна для насъ при такомъ хозяинѣ. Постараемся ее уничтожить...

— Постараемся прежде съ нея сойти, — перебилъ Филь Эвансъ, — а это ужъ лучше обдумаемъ потомъ.

— Хорошо, — согласился дядя Прюданъ. — Воспользуемся же первымъ удобнымъ случаемъ, гдѣ бы ни полетѣлъ въ послѣдствіи *Альбатросъ*, надъ Россіей ли, надъ Западной ли Европой. Будемъ готовы каждую минуту.

— Но какъ же, какъ это сдѣлать? — спросилъ Филь Эвансъ. — Я, право, не вижу...

— Слушайте. По ночамъ нерѣдко случается, что *Альбатросъ* летаетъ надъ землею не выше какой-нибудь сотни футовъ. На кораблѣ много канатовъ такой точно длины и, если только достанетъ смѣлости...

— О, у меня достанетъ, — замѣтилъ Филь Эвансъ.

— У меня тоже, — отвѣчалъ дядя Прюданъ. — Кро-

мѣ того, ночью дежурить только одинъ рулевой. Одинъ изъ канатовъ находится на носу, слѣдовательно рулевой очень легко можетъ не увидеть и не услышать, какъ мы его развернемъ...

— Отлично, дядя Прюданъ; я съ радостью вижу, что вы теперь успокоились. Такъ-то гораздо лучше. Но вотъ что: теперь мы летимъ надъ моремъ. Сейчасъ будетъ рыбная ловля. Не попытаться ли намъ?.. Можно будетъ доплыть до какого-нибудь судна, ихъ тутъ довольно много въ виду.

— О, нѣтъ! Развѣ вы не замѣчаете, что въ такихъ случаяхъ за нами постоянно наблюдаютъ? Помните, какъ намъ помѣшали броситься въ Гидаспъ?

— А кто поручится, что намъ и ночью не помѣшаютъ?

— Ну, что жъ такое!—вскричалъ съ нетерпѣніемъ дядя Прюданъ.—Все-таки надо попробовать. Какъ-нибудь да надо же покончить съ *Амбатросомъ* и его поганымъ хозяиномъ!

Мы уже видѣли, что плѣнные баллонисты и особенно дядя Прюданъ въ припадкѣ гнѣва способны были совершить всякое безразсудство, не заботясь о томъ, что оно можетъ имѣть для нихъ гибельныя послѣдствія.

Чувство собственной безпомощности, иронически-презрительное отношеніе къ нимъ Робюра, нелюбезныя отвѣты, получаемые отъ него,—все это какъ нельзя болѣе ухудшало положеніе, уже и безъ того сильно натянутое.

Въ этотъ день, на примѣръ, произошла новая сцена, едва не поведшая къ самому печальному столкновенію между плѣнниками и Робюромъ. Фриколенъ и не подозревалъ, что сырѣ-боръ готовъ былъ загорѣться изъ-за него.

Видя себя надъ безбрежнымъ моремъ, трусливый негръ снова поддался невыразимому страху. Онъ точно маленькій ребенокъ началъ стонать, кричать, причитать и гримасничать.

— Я хочу уйти!.. Пустите меня уйти!—кричалъ онъ.—Я не птица, я не могу летать... Спустите меня на землю... сейчасъ спустите, сію минуту!

Само собою разумѣется, что дядя Прюданъ и не думалъ его успокоивать, а напротивъ—ехидно подзадоривалъ еще больше. Наконецъ, это нытье вывело Робюра изъ терпѣнія.

Когда Томъ Тернеръ и прочіе люди собрались приступить къ рыбной ловлѣ, инженеръ, чтобы избавиться отъ Фриколена, велѣлъ запереть его въ каюту. Но негръ продолжалъ бушевать, стучалъ въ стѣны, въ дверь и оралъ какъ сумасшедшій.

Былъ полдень. *Альбатросъ* держался всего метровъ на пять или на шесть надъ уровнемъ моря. Нѣскольکو лодокъ, увидавъ аэронефъ, пустились въ поспѣшное бѣгство. Вскорѣ эта часть Каспія совершенно опустѣла.

Разумѣется, за плѣнниками усилили надзоръ, потому что имъ стоило только немножко нырнуть, чтобы спастись съ воздушнаго корабля. Впрочемъ, если бы даже они сдѣлали это, то ихъ не трудно было бы поймать на каучуковой лодкѣ, имѣвшейся на *Альбатросѣ*. Поэтому во время ловли ничего нельзя было предпринять, и Филь Эвансъ даже соблаговолилъ принять въ ней участіе, между тѣмъ какъ дядя Прюданъ, пылая злобой, удалился къ себѣ въ каюту.

Извѣстно, что впадина Каспійскаго моря имѣетъ вулканическое происхожденіе. Въ этотъ бассейнъ впадаютъ огромныя рѣки: Волга, Уралъ, Кура, Кума и другія. Не будь на морѣ сильнаго испаренія воды, оно переполнилось бы до излишества и затопило бы всю окрестную низменность, которая и безъ того страшно болотиста. Хотя Каспійское море не находится ни въ какой связи ни съ Чернымъ, ни съ Аральскимъ, тѣмъ не менѣе въ немъ водится довольно много рыбы. Виды рыбъ встрѣчаются, конечно, только такіе, которые не брезгаютъ горьковатою, вслѣдствіе нефтяныхъ подмѣсей, водою. Какъ извѣ-

стно, на самомъ краю Каспія очень много нефтяныхъ источниковъ, которые замѣтно портятъ каспійскую воду.

Экипажъ *Альбатроса* приступилъ къ ловлѣ съ нескрываемымъ удовольствіемъ, въ виду того, что въ случаѣ улова ежедневный столъ на аэронефѣ долженъ былъ сдѣлаться разнообразнѣе.

— Слуша-ай! — кричалъ Томъ Тернеръ, поймавъ огромную рыбу, ростомъ почти съ акулу.

Это была великолѣпная бѣлуга, доставляющая отличное мясо и замѣчательную зернистую икру. Быть можетъ, бѣлуга рѣчная, напримѣръ та, что водится на низовьяхъ Волги, и вкуснѣе морской, но для *Альбатроса* уже и это было хорошо.

Затѣмъ въ раскинутые невода попало еще множество рыбы помельче, какъ-то: лососей, морскихъ щукъ, карповъ и особенно осетровъ, столь любимыхъ русскими гастрономами, выписывающими ихъ живыми изъ Астрахани въ Петербургъ или Москву.

Люди Робюра, кончивъ ловлю, весело собрали съѣсти, а гасконецъ-поваръ даже завизжалъ отъ радости, точно сумасшедшій.

Кладовыя *Альбатроса* значительно пополнились, и онъ полетѣлъ далѣе на сѣверъ.

Во все время ловли Фриколенъ не унимался орать, стучать и ломиться въ дверь каюты. Отъ него подъ конецъ просто житья не стало на кораблѣ.

— Замолчитъ ли, наконецъ, когда-нибудь этотъ проклятый негръ! — сказалъ Робюръ, окончательно выходя изъ себя.

— Я, сэръ, нахожу его жалобы основательными, — замѣтилъ Филь Эвансъ. — Онъ въ своемъ правѣ.

— Хорошо-съ. Тогда я въ своемъ правѣ оградить свои уши отъ терзанія, если такъ, — возразилъ Робюръ.

— Инженеръ Робюръ! — возгласилъ дядя Прюданъ, появляясь на платформѣ.

— Президентъ Вельдонскаго института!

Оба пошли другъ другу навстрѣчу и поглядѣли другъ другу прямо въ глаза, но больше не обмѣнялись ни словомъ.

Затѣмъ Робюръ пожалъ плечами и сказалъ:

— На веревку!

Томъ Тернеръ понялъ.

Фриколена вытащили изъ каюты.

Онъ кричалъ, оралъ, барахтался. Его привязали къ канату. Негръ сначала подумалъ, что его хотятъ *повисить*. Но нѣтъ, ему только хотѣли дать немножко *повисѣть*...

Веревку распустили во всю длину (на сто футовъ), и Фриколенъ повисъ въ пустомъ пространствѣ.

Теперь онъ могъ кричать, сколько душѣ угодно: крики его лишь слабо долетали бы до воздушнаго корабля. Но онъ, какъ нарочно, притихъ. Страхъ заткнулъ ему глотку.

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ хотѣли помѣшать экзекуціи, но ихъ оттолкнули.

— Это подлость!.. Это низость!..—вскричалъ дядя Прюданъ, теряя послѣднее самообладаніе.

— Неужели?—отвѣчалъ Робюръ.

— Это такое гадкое злоупотребленіе силой... я не ограничусь словами, я буду протестовать болѣе дѣйствительными средствами.

— Протестуйте.

— Я отомщу вамъ, инженеръ Робюръ.

— Мстите, президентъ Вельдонскаго института.

— И вамъ и вашимъ гнуснымъ приспѣшникамъ.

Люди Робюра подошли къ плѣнникамъ съ очевидно враждебными намѣреніями, но Робюръ приказалъ имъ отойти.

— Да, и вамъ и вашимъ приспѣшникамъ, — продолжалъ дядя Прюданъ, не слушая товарища, который безуспѣшно старался успокоить расхोлившагося.

— Сколько угодно!—отвѣчалъ инженеръ.

— Всѣми силами постараюсь, всѣми возможными средствами воспользуюсь...

— Довольно!—съ угрозой оборвалъ его Робюръ, — довольно! Извольте замолчать! На корабль есть и еще веревки. Молчите, или я спущу васъ отсюда, какъ вашего негра.

Дядя Прюданъ замолчалъ, но только, надо отдать ему справедливость, далеко не отъ страха, а отъ припадка удушья, такъ что Филь Эвансъ поспѣшилъ увести его въ каюту.

Между тѣмъ было уже съ часъ, какъ погода замѣтно перемѣнилась. Наступала гроза. Атмосфера до такой степени насытилась электричествомъ, что Робюру пришлось сдѣлаться очевидцемъ явленія, какого онъ еще ни разу до сихъ поръ не замѣчалъ.

На сѣверѣ, откуда заходила туча, появились какъ бы свѣтящіяся клубы пара, что вѣроятно происходило отъ измѣненій въ электрическомъ зарядѣ облаковъ. Свѣтящіяся пары, отражаясь въ морѣ, давали яркій отблескъ, становившійся все ярче и ярче по мѣрѣ того, какъ чернѣло небо.

Альбатросу предстояла скорая встрѣча съ метеоромъ, потому что они оба шли другъ на друга.

А Фриколенъ?

Фриколенъ попрежнему оставался на буксирѣ. Можно себѣ представить его ужасъ, когда первая молнія забороздила небо и зарокоталъ первый громъ.

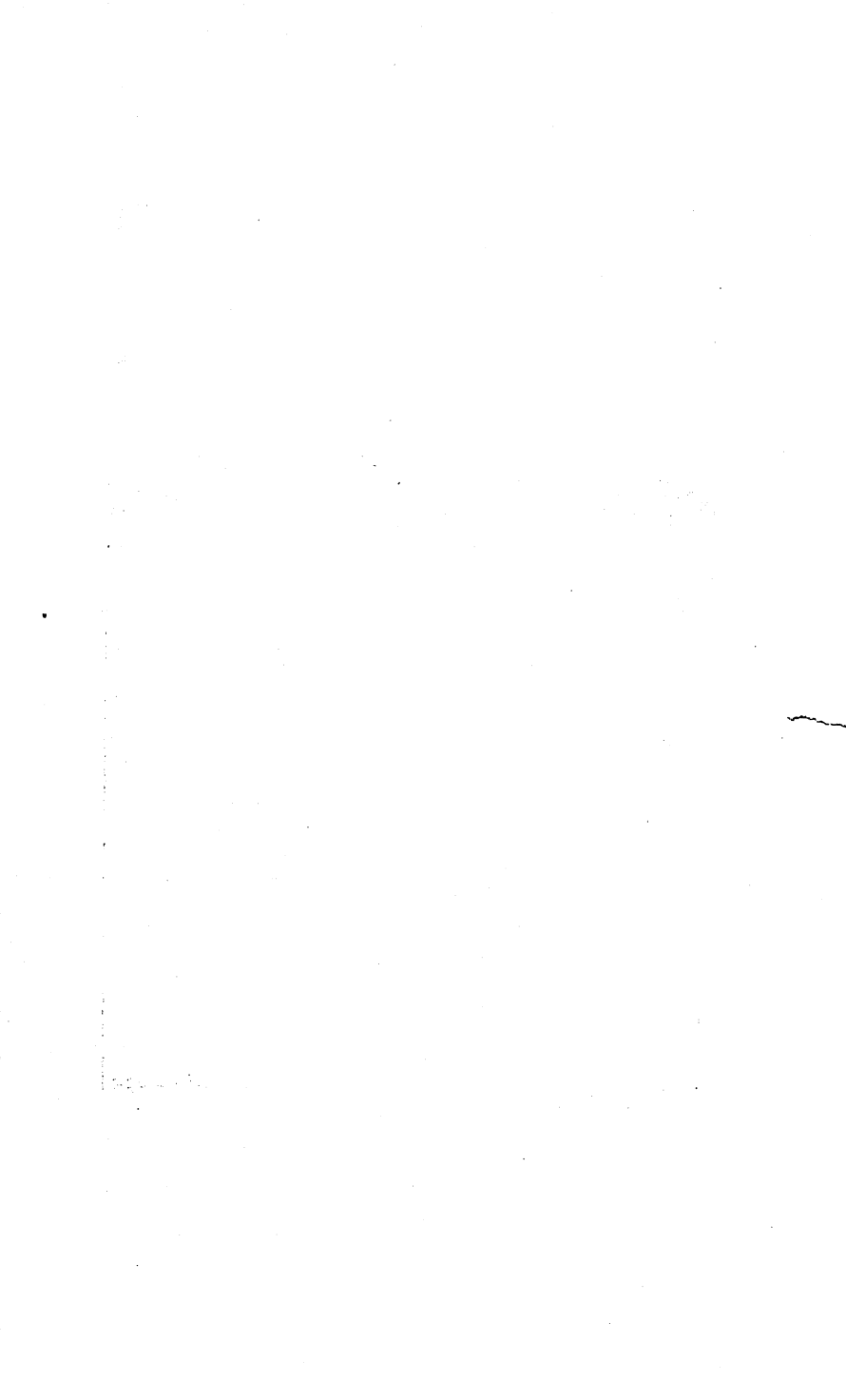
Вся прислуга на аэронефѣ приготовилась къ маневрамъ по случаю грозы. Приходилось или подняться выше грозовыхъ облаковъ, или какъ можно скорѣе уходить отъ тучи, оставивъ между нею и собою большое разстояніе.

Альбатросъ находился въ это время на незначительной высотѣ, метровъ около тысячи не болѣе. Вдругъ налетѣлъ вихрь, молніи засверкали одна вслѣдъ за другою, и въ нѣсколько минутъ огненные тучи обрушились на воздушный корабль.

Филь Эвансъ счелъ долгомъ вступить за Фриколена и попросилъ, чтобы его подняли опять на палубу.

„Экипаж *Альбатроса* приступил къ ловлѣ съ нескрываемымъ удовольствіемъ“.
(Стр. 150).

Но Робюръ не дожидался ходатайства. Онъ и самъ уже отдалъ приказъ, чтобы веревку съ Фриколеномъ втянули на аэронефъ. Люди уже приступили къ исполненію приказа, какъ вдругъ послѣдовало необъяснимое замедленіе въ круговомъ вращеніи подъемныхъ винтовъ.

Робюръ бросился къ центральной рубкѣ и крикнулъ механику:

— Наддай! наддай!.. Нужно какъ можно скорѣе подняться вверхъ, чтобы уйти изъ-подъ тучи.

-- Невозможно, хозяинъ!

— Отчего? Что такое случилось?

— Токи перепутаны... происходятъ перерывы.

Какъ всегда бываетъ съ электрическими аппаратами во время грозы, аккумуляторы на аэронефъ стали дѣйствовать неправильно. Въ телеграфномъ дѣлѣ это обстоятельство представляетъ лишь болѣе или менѣе непріятное неудобство, тогда какъ въ данномъ случаѣ являлась ужасная опасность, что аэронефъ упадетъ въ море.

— Спускай!.. — крикнулъ Робюръ. — Если такъ, то нужно выйти изъ полосы электричества. Ну, ребята, скорѣе, и не падайте духомъ.

Инженеръ всталъ на свое мѣсто на палубѣ. Экипажъ тоже занялъ свои мѣста, готовясь исполнить команду хозяина.

Альбатросъ хотя уже и опустился на нѣсколько сотъ футовъ, но все еще находился въ полосѣ тучъ, окруженный частыми, почти непрерывными молніями. Каждую минуту молнія могла попасть въ него. Опускался онъ внизъ съ ужасною быстротою, точно падалъ.

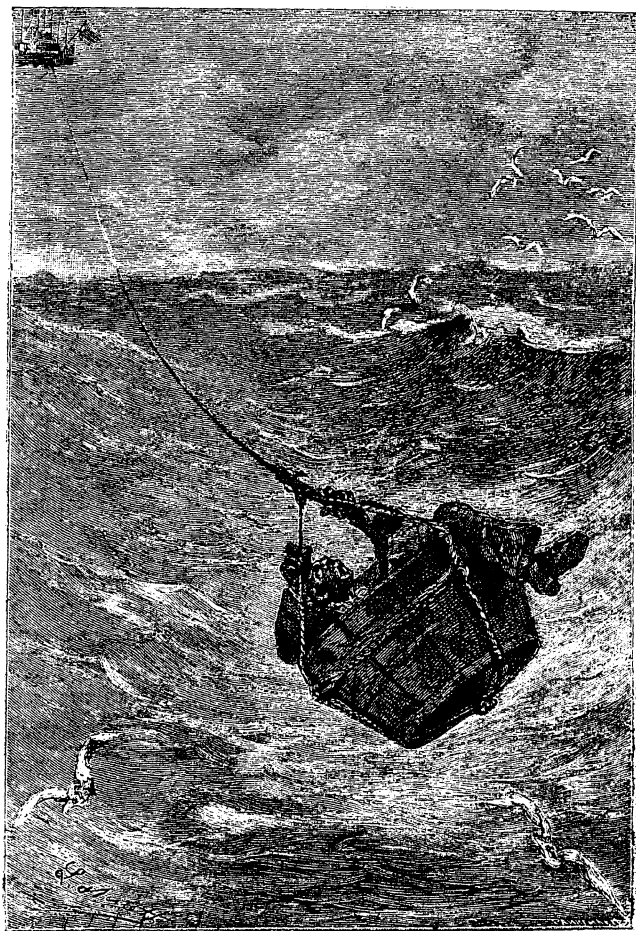
Еще миѣута — и онъ готовъ былъ погрузиться въ морѣ, а разъ погрузившись, онъ уже никакою силой не могъ быть вытащенъ наверхъ.

Вдругъ прямо надъ нимъ появилось грозовое облако. Отъ уровня моря *Альбатросъ* находился не выше шестидесяти футовъ. Секунды черезъ двѣ или три волны начнутъ заливать платформу и тогда...

Но Робюръ воспользовался благоприятною минутой и кинулся въ центральную рубку. Схвативъ рычаги, онъ замкнулъ токъ, который перестало задерживать атмосферное электричество, и остановилъ паденіе. А тѣмъ временемъ поступательные винты вынесли корабль изъ области бури, и опасность такимъ образомъ миновала.

Фриколенъ принялъ холодную душъ, хотя она продолжалась всего нѣсколько минутъ. Когда его втащили на палубу, онъ былъ весь промоченъ до костей. Само собою разумѣется, что больше онъ уже не кричалъ.

На другой день, 4 іюля, *Альбатросъ* долетѣлъ до сѣвернаго конца Каспія.

„Вереvку распустили во всю длину, и Фриколенъ повисъ въ пустомъ пространствѣ“. (Стр. 151).

Г Л А В А XI.

Гнѣвъ дяди Прюдана возрастаетъ пропорціонально квадрату скорости аэронефа.

Если у плѣнныхъ баллонистовъ пропадала когда-нибудь всякая надежда на избавленіе отъ плѣна, то это именно въ слѣдующія затѣмъ двое сутокъ. Вѣроятно Робюръ боялся, что во время полета надъ Европой плѣнниковъ будетъ труднѣе устеречь. Впрочемъ, онъ и такъ зналъ, что они готовы на все, лишь бы убѣжать.

Въ теперешнихъ обстоятельствахъ бѣгство было бы равносильно самоубійству. Можно еще пожалуй прыгнуть съ поѣзда, идущаго со скоростью ста километровъ въ часъ, но прыгнуть съ воздушнаго корабля, пролетающаго въ часъ двѣсти километровъ, это, какъ хотите, значитъ идти на вѣрную смерть.

Съ такою именно скоростью неся теперь *Альбатросъ*. Онъ летѣлъ такимъ образомъ быстрѣе ласточки.

До сихъ поръ во все время полета черезъ Каспійское море дулъ вѣтеръ встрѣчный и дышать поэтому было легко, но вдругъ вѣтеръ перемѣнился, подулъ по пути, и дыханіе вслѣдствіе быстроты движенія сдѣлалось затруднительнымъ. На платформѣ невозможно было дышать, и плѣнные баллонисты ушли къ себѣ въ каюту. Въ каютахъ, благодаря различнымъ приспособленіямъ, атмосфера постоянно поддерживалась въ состояніи, удобномъ для дыханія.

Удивительно, какъ только выдерживалъ самъ аппаратъ подобную быстроту. Винты вертѣлись такъ шибко, что ихъ не было видно: лопасти сливались въ одинъ сплошной кругъ.

Послѣднимъ городомъ, замѣченнымъ съ аэронефа, была Астрахань, расположенная почти въ самомъ сѣверномъ углу Каспія.

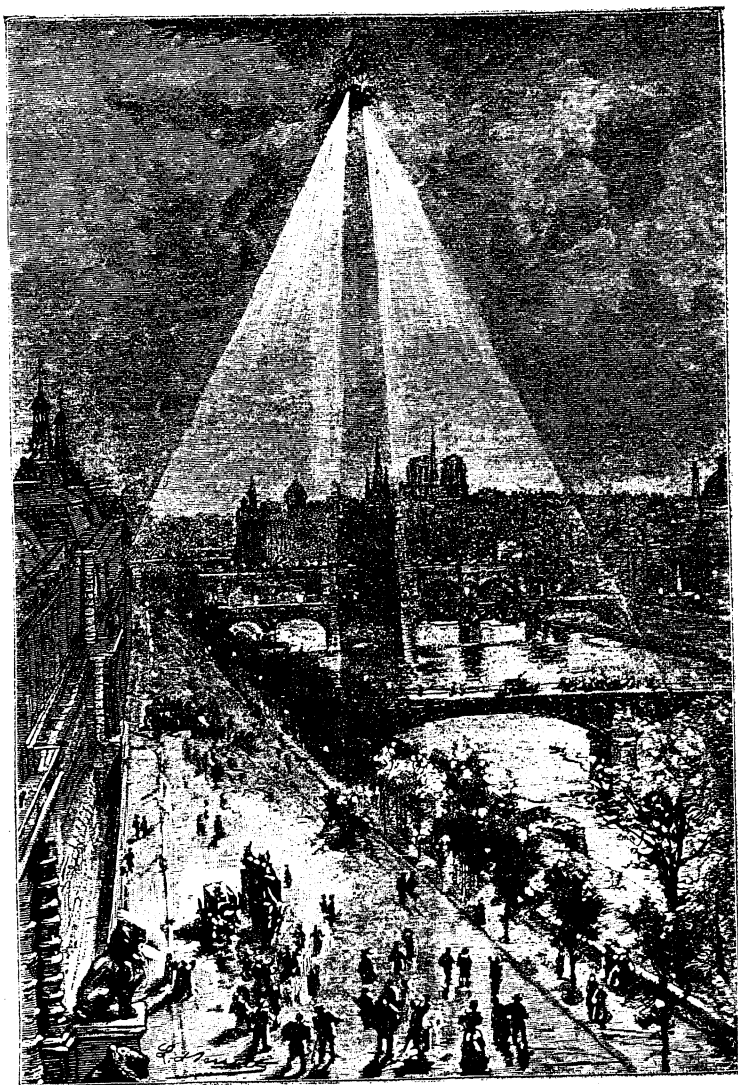
«Звѣзда Пустыни»—должно быть ее прозвалъ такъ какой-нибудь восточный поэтъ—съ первостепеннаго мѣста давнымъ-давно спустилась даже не на третье-степенное, а вѣрнѣе на шестистепенное мѣсто. Теперь Астрахань довольно обыкновенный губернской городъ съ развалившимися крѣпостными стѣнами, съ древними башнями въ центрѣ, съ мечетями мусульманъ и христіанскими храмами вперемежку и съ большимъ пятиглавымъ соборомъ. Расположенъ онъ на устьяхъ Волги, которая достигаетъ здѣсь трехъ верстъ въ ширину.

Отъ этого пункта полетъ *Альбатроса* представлялъ лишь увеселительную прогулку безъ малѣйшихъ опасностей.

3 іюля въ 10 часовъ утра аэронефъ принялъ опредѣленно-сѣверное направленіе и понесся надъ долиною Волги. По сторонамъ его пути лежали обширныя Донскія и Уральскія степи. Лишь кое-гдѣ виднѣлись рѣдкіе города, села и деревни. Вечеромъ того же числа *Альбатросъ* пролетѣлъ надъ Москвою съ ея знаменитымъ Кремлемъ. Въ какихъ-нибудь десять часовъ онъ пролетѣлъ все разстояніе между Астраханью и древней всероссійской столицей.

Отъ Москвы до Петербурга по желѣзной дорогѣ считается шестьсотъ верстъ. Пролетѣть такую дистанцію для *Альбатроса* было шуткой. Въ два часа утра онъ уже несся надъ берегами Невы. При свѣтѣ бѣлой сѣверной ночи съ корабля можно было окинуть взглядомъ всю богатую столицу Сѣвера.

Затѣмъ слѣдовали: Финляндскій заливъ, Балтійское море, Аландскіе острова, Швеція со Стокгольмомъ,

„Разомъ зажглись электрическіе фонари *А.мбигроса*, и два свѣтлыхъ, лучистыхъ снопа ярко озарили площади, бульвары, скверы, сады...“ (Стр. 167).

Норвегія съ Христіаніей. Въ десять часовъ пролетѣтъ такое огромное разстояніе! Нѣтъ, положительно аэро-нефъ Робюра былъ единственнымъ въ своемъ родѣ аппаратомъ.

Надъ знаменитымъ Ньюканрисскимъ водопадомъ въ Норвегіи *Альбатросъ* остановился. Вершина Густы, господствующая надъ всею прелестною мѣстностью Телемарка, явилась какъ бы гигантскою гранью, черезъ которую воздушный корабль не хотѣлъ переступить въ своемъ стремленіи на западъ.

Съ этого мѣста *Альбатросъ* круто повернулъ на югъ, не уменьшая своей скорости.

А что во время этого невѣроятнаго полета подѣлялъ Фриколенъ?

Фриколенъ все время сидѣлъ у себя въ каютѣ тише воды, ниже травы и по большей части спалъ, исключая времени завтрака, обѣда и ужина. Когда же не спалъ, то бесѣдовалъ съ Франсуа Тапажемъ, которому доставляло наслажденіе потѣшаться надъ страхомъ негра.

— Что, миленькій, — говорилъ Тапажъ, — пересталъ кричать-то, пересталъ?.. Напрасно. Отчего не поупражняться маленько? За это только повисѣть заставятъ на канатѣ часочка два, но вѣдь это пустяки... При быстротѣ нашего полета это висѣніе на чистомъ воздухѣ представляетъ прекрасный случай схватить отличнѣйшій ревматизмъ. Что скажешь?

— Право, мнѣ кажется, что все это рухнетъ, — отвѣчалъ Фриколенъ.

— Можетъ статься и это, миленькій мой Фриколенчикъ. Чего на свѣтѣ не бываетъ. Впрочемъ, мы несемся такъ быстро, что даже и упасть-то пожалуй некогда. Вотъ что утѣшительно.

— Вы думаете?

— Очень даже думаю.

Впрочемъ, въ это время скорость *Альбатроса* нѣсколько уменьшилась. Онъ скользилъ по воздуху нѣсколько на манеръ конгревовой ракеты.

— И долго это такъ будетъ?—освѣдомлялся Фриколень.

— Долго ли?.. О, нѣтъ!—отвѣчалъ поваръ.—Только всю жизнь, а велика ли жизнь-то?..

— Ахъ, ахъ, ахъ!—ахалъ негръ, принимаясь за свои причитанія.

— Берегись, Фриколенушка, берегись!—вскрикивалъ тогда поваръ.—Опомнись, чтс ты дѣлаешь! Вѣдь этакъ тебя пожалуй опять на веревочкѣ качать начнутъ.

И Фриколень умолкалъ, въ утѣшеніе запихивая себѣ въ ротъ двойные куски пищи.

Тѣмъ временемъ Филь Эвансъ и дядя Прюданъ приняли важное рѣшеніе.

Они пришли къ убѣжденію, что при данныхъ условіяхъ борьба невозможна. Оставалось только дать какимъ-нибудь образомъ знать на землю о безсоставномъ плѣненіи президента и секретаря Вельдонскаго института.

Легко сказать: дать знать; но какъ и кому? Бросить бутылку, что ли, какъ дѣлають моряки?

Но вѣдь тутъ не море, тутъ воздухъ; брошенная бутылка не выплыветъ, она останется лежать тамъ, гдѣ ее бросятъ, на нея не обратятъ на землѣ вниманія, если только она не свалится на голову какому-нибудь прохожему и не расколеть ему черепъ.

Однако, у плѣнниковъ другого средства не было. Они уже собрались было пожертвовать одною изъ бутылокъ, какъ вдругъ дядѣ Прюдану пришла въ голову замѣчательная мысль.

Кажется, мы ужъ говорили, что онъ имѣлъ привычку нюхать табакъ. Это, разумѣется, слабость простительная, потому что американцы дѣлають вещи и похуже. Въ качествѣ нюхальщика дядя Прюданъ имѣлъ конечно и табакерку. Она была у него изъ алюминія. Если ее бросить, то ее подниметъ какой-нибудь прохожій; если прохожій человѣкъ честный, то онъ отнесетъ ее въ полицейское управленіе; въ поли-

цейскомъ управленіи ее откroютъ и увидятъ записку; записку прочитаютъ и узнаютъ, что Робюръ захватилъ въ плѣнъ и не отпускаетъ двухъ почтенныхъ гражданъ Сѣверной Америки.

Такъ и сдѣлали. Записку написали краткую, но обстоятельную. Въ ней было разсказано все дѣло, и разсказъ заключался просьбою о заступничествѣ.

Записку вложили въ табакерку, а табакерку тщательно завернули въ суконку и перевязали веревкой, чтобы при паденіи она не разбилась и не раскрылась. Оставалось только дожидаться удобнаго случая.

Въ самомъ дѣлѣ, исполнить задуманное было не такъ-то легко. Нужно было сдѣлать все въ тайнѣ, чтобы никто не видалъ; нужно было позаботиться, чтобы табакерка не упала ни въ море, ни въ озеро, ни въ рѣку. Въ противномъ случаѣ она только погибла бы понапрасну.

Въ данную минуту былъ день. Удобнѣе было подождать до ночи и воспользоваться первымъ же замедленіемъ хода или первою остановкой. Хорошо, если бъ въ это время подъ аэронефомъ оказался какой-нибудь городъ или вообще населенное мѣсто.

Альбатросъ, какъ мы уже говорили, изъ Норвегіи повернулъ на югъ, держась парижскаго меридіана. Пролетая надъ Нѣмецкимъ или Сѣвернымъ моремъ, онъ привелъ въ изумленіе тысячи кораблей, плавающихъ въ этомъ морѣ. Если бы баллонисты вздумали бросить табакерку на палубу одного изъ этихъ кораблей, то это было бы довольно рискованно. Табакерка могла, конечно, попасть въ корабль, но могла и пролетѣть мимо, угодивъ прямо въ море.

Поэтому дядѣ Прюдану и Филю Эвансу приходилось ждать болѣе благопріятной минуты. Впрочемъ, имъ въскорѣ представился великолѣпнѣйшій случай...

Въ десять часовъ вечера *Альбатросъ* достигъ береговъ Франціи близъ Дюнкирхена. Ночь была довольно темная. На минуту мелькнулъ маякъ Грине, скрешивающий свои электрическіе огни съ маяками Дувра,

стоящими напротивъ него по другую сторону Па-де-Калэ. Затѣмъ аэронефъ понесся надъ французскою землей, держась въ среднемъ на высотѣ тысячи метровъ.

Скорость оставалась все такая же. Онъ, какъ бомба, летѣлъ надъ городами, посадами, селами и деревнями, которыхъ такъ много въ богатыхъ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи. Послѣ Дюнкирхена по тому же меридіану слѣдовали города: Дюлленъ, Амьенъ, Крейсь, Сень-Дени. *Альбатросъ* не сходилъ съ линіи парижскаго меридіана и къ двѣнадцати часамъ ночи очутился надъ «городомъ свѣта», вполнѣ заслуживающимъ это названіе даже тогда, когда его жители спятъ или должны спать.

Съ какой стати вздумалось Робюру сдѣлать маленькую остановку надъ Парижемъ, этого мы не знаемъ, но дѣло въ томъ, что аэронефъ замедлилъ свой ходъ и опустился на нѣсколько сотъ метровъ. Робюръ и весь экипажъ вышли на платформу подышать болѣе густымъ воздухомъ.

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ не преминули воспользоваться превосходнымъ случаемъ. Оба они вышли изъ каюты и прижались къ сторонкѣ, чтобы улучшить подходящую минуту. Главное—нужно было, чтобы ихъ не видали.

Альбатросъ тихо пролеталъ надъ городомъ, точно огромный жукъ. Вотъ рядъ бульваровъ, освѣщенныхъ лампами Эдисона. До воздушнаго корабля донесся стукъ экипажей и гулъ желѣзнодорожныхъ поѣздовъ, по безчисленнымъ рельсовымъ путямъ мчавшихся къ Парижу и изъ Парижа. Вотъ верхушки высокихъ зданій, вотъ куполь Пантеона, вотъ крестъ Инвалиднаго Дома, вотъ два минарета Трокадеро и вотъ, наконецъ, металлическая башня Елисейскихъ Полей, огромный рефлекторъ которой наводняетъ всю столицу электрическимъ свѣтомъ.

Воздушная прогулка надъ Парижемъ продолжалась съ часъ. Это была какъ бы станція на воздухѣ передъ отправленіемъ въ долгій, безконечный путь.

Инженеръ Робюръ хотѣлъ показать парижанамъ тотъ метеоръ, котораго не могли объяснить астрономы. Разомъ зажглись электрическіе фонари *Альбатроса*, и два свѣтлыхъ, лучистыхъ снопа ярко озарили площади, бульвары, скверы, сады, дворцы и шестьдесятъ тысячъ обывательскихъ домовъ. Отъ края до края неба протянулись яркія полосы свѣта.

На этотъ разъ *Альбатросъ* въ Парижѣ несомнѣнно увидѣли, и не только увидѣли, но и слышали, что Томъ Тернеръ сыгралъ на своей трубѣ оглушительный маршъ.

Въ эту минуту дядя Прюданъ, перегнувшись черезъ перила, разжалъ руку и выпустилъ табакерку...

И почти сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ *Альбатросъ* быстро поднялся вверхъ.

Тогда парижское небо огласилось громкимъ ура, поднявшимся съ земли. Бульвары и площади были еще полны народа, и публика съ восторгомъ привѣтствовала необыкновенный метеоръ.

Фонари на *Альбатросѣ* погасли, вокругъ него снова воцарилась темнота, и полетъ возобновился съ быстротою двухсотъ километровъ въ часъ.

Вотъ и все, что удалось видѣть столицѣ Франціи.

Къ четыремъ часамъ утра *Альбатросъ* пролетѣлъ въ косомъ направленіи всю территорию и, не теряя времени на перелетъ черезъ Пиринеи или Альпы, пронесся надъ Антипскимъ мысомъ въ Провансъ. Въ девять часовъ населеніе Рима съ удивленіемъ смотрѣло на несущійся надъ вѣчнымъ городомъ аэронефъ. Спустя два часа, воздушный корабль качался надъ Неаполитанскимъ заливомъ въ дымныхъ облакахъ Везувія, а вскорѣ послѣ полудня его уже замѣтили часовые крѣпости Гулетты на тунисской территоріи.

Послѣ Америки Азія, послѣ Азіи Европа... Въ двадцать-три дня удивительный аппаратъ пролетѣлъ болѣе тридцати тысячъ километровъ.

И вотъ теперь онъ собрался летѣть надъ изслѣдованными и неизвѣстными пространствами Африки...

Быть можетъ, читатель желаетъ знать, что стало съ знаменитой табакеркой, брошенной баллонистами?

Табакерка упала на улицу Риволи, напротивъ дома № 210, и въ то время, когда эта улица бываетъ пуста.

На слѣдующее утро табакерку подняла какая-то честная метельщица и отнесла въ полицейскую префектуру.

Въ префектурѣ таинственную находку приняли сначала за разрывной снарядъ и осторожно развязали, развсрнули и открыли.

Дѣйствительно, хлопнулъ въ своемъ родѣ взрывъ... громко чихнулъ полицейскій чиновникъ, открывшій табакерку.

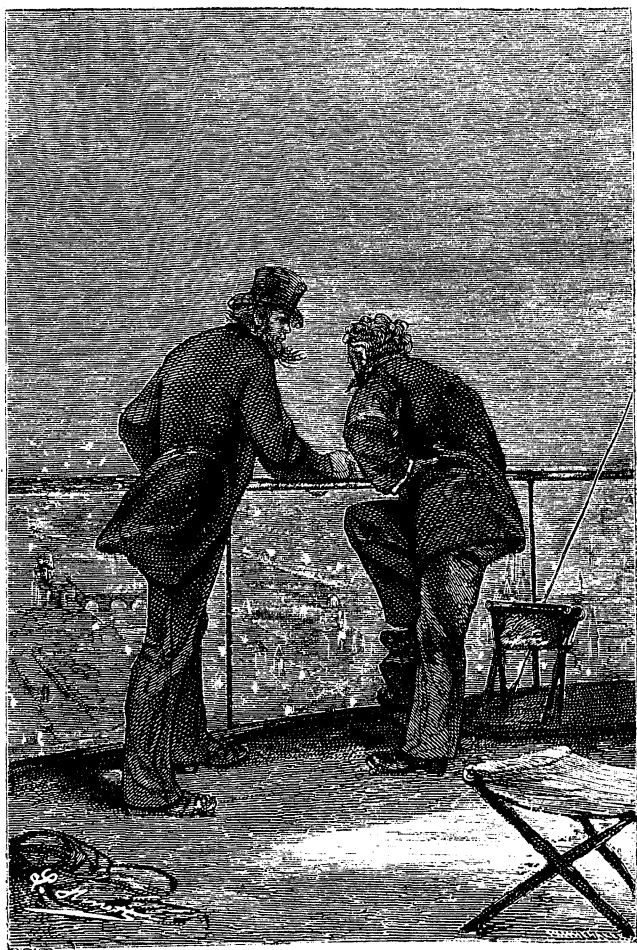
Вынули положенную туда записку и ко всеобщему изумленію прочитали:

«Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ, президентъ и секретарь Вельдонскаго института въ Филадельфiи, похищены инженеромъ Робюромъ и насильно взяты имъ на свой аэронефъ.

«Просимъ сообщить роднымъ и знакомымъ.

«Д. П. и Ф. Э.»

Такъ вотъ чѣмъ былъ въ дѣйствительности необъяснимый феноменъ, волновавшій обѣ части свѣта. Теперь ученые астрономы могли успокоиться: теперь публика должна была отъ нихъ отстать съ своими настойчивыми запросами.

„Въ эту минуту дядя Приданъ, перегнувшись черезъ перила, разжалъ руку.
и выпустилъ табакерку...“ (Стр. 167).

Г Л А В А XII.

Инженеръ Робюръ поступаетъ такъ, какъ будто добивается Монтіоновской преміи.

Перестанемъ на минутку слѣдить за полетомъ *Альбатроса* и попробуемъ поставить на очередь нѣскольکو вопросовъ касательно Робюра и его аппарата.

Кто такой, наконецъ, этотъ Робюръ? Неужели онъ вѣчно живетъ на воздухѣ? Неужели его аэронефъ никогда не отдыхаетъ? Нѣтъ ли у инженера какого-нибудь тайнаго убѣжища на землѣ?

На послѣдній вопросъ мы отвѣтимъ: навѣрное есть, безъ этого невозможно обойтись.

Въ частности - что намѣренъ дѣлать инженеръ съ своими плѣнниками? Оставить ли онъ ихъ навсегда у себя на кораблѣ и вѣчно будетъ таскать съ собою по воздуху, или, объѣздивъ съ ними весь земной шаръ, отпустить ихъ и скажетъ на прощанье: «Ну, что, господа, будете теперь отвергать систему тяжелѣе воздуха?»

Отъ отвѣта на эти вопросы мы покуда воздержимся. На нихъ отвѣтитъ будущее, а до тѣхъ поръ они — тайна.

Если у Робюровой птицы и было гдѣ-нибудь гнѣздо, то ужъ ни въ какомъ случаѣ не на сѣверномъ берегу Африки. Конецъ дня она провела надъ территоріей Туниса, то быстро летая, то тихо рѣя по воздуху, потомъ понеслась надъ долиною рѣки Меджерды, желтоватыя воды которой тихо движутся въ

зеленой рамѣ береговъ, поросшихъ кактусами и олеандрами. Сколько спугнула она попугаевъ, сидѣвшихъ на телеграфныхъ проволокахъ и какъ-будто подстергавшихъ депеши, чтобы перехватить ихъ и унести у себя подъ крыльями!..

Ночью *Альбатросъ* пронесся надъ Крумиріей и утромъ подъ нимъ раскинулась Бона, окруженная прелестною цѣпью холмовъ; дальше промелькнулъ Филиппвиль со своими новыми сводчатыми набережными и чудными виноградниками, составляющими какъ бы отрѣзокъ виноградниковъ Бургундіи и Бордлэ.

Прогулка надъ Большой и Малой Кабиліей окончилась у Алжирской Казбы. Съ аэронефа развернулся чудный видъ на открытый рейдъ между мысомъ Матифу и мысомъ Пескадомъ, на обрамленный дворцами и мечетями берегъ, на синія, подернутыя легкой рябью воды Атлантики. На всемъ этомъ пространствѣ вплоть до Орана жители, запоздавшіе на прогулкѣ въ садахъ, могли видѣть плывшій по звѣздному небу воздушный корабль.

Если Робюру хотѣлось показать своимъ плѣнникамъ во всемъ блескѣ англійскую колонію, то онъ достигъ цѣли. Плѣнники видѣли ее и видѣли съ удовольствіемъ. Два часа спустя послѣ заката солнца рулевой направилъ *Альбатросъ* на юго-востокъ и на другой день утромъ, миновавъ за ночь гористую мѣстность Телля, аэронефъ привѣтствовалъ дневное свѣтило уже надъ песками Сахары.

Замелькали оазисы, чередуясь съ песками какъ въ калейдоскопѣ. Такъ прошелъ день, настала ночь, тихая ночь пустыни. Темнота была полная, такъ что не видно было полотна желѣзной дороги, строящейся между Алжиромъ и Тимбукту и долженствующей пройти черезъ Лагдаты и далѣе, до Гвинейскаго залива.

Альбатросъ вступилъ въ экваторіальную зону, перелетѣвъ черезъ тропикъ рака. На разстояніи тысячи километровъ отъ сѣверной границы Сахары онъ пе-

ресѣкъ тотъ путь, на которомъ въ 1846 году нашель смерть путешественникъ майоръ Лэнгъ, и караванную дорогу изъ Марокко въ Суданъ, на которой до сихъ поръ разбойничаютъ туареги.

За все это время было только одно приключеніе: въ воздухѣ носились цѣлыя тучи саранчи, которая огромною массою наѣла также и на воздушный корабль. Отъ нея, впрочемъ, избавились очень рѣшительными мѣрами и между прочимъ нѣсколько сотъ штукъ саранчи было поймано Франсуа Тапажемъ. Искусникъ-поваръ приготовилъ изъ нея очень вкусное блюдо, которое до нѣкоторой степени утѣшило Фриколена въ горести.

— Точно раки!—въ восторгѣ замѣтилъ обжоранегръ.

Въ это время аэронефъ находился недалеко отъ сѣверной границы Судана.

Около двухъ часовъ пополудни показался городъ, расположенный на излучинѣ большой рѣки. Рѣка была Нигеръ, а городъ—Тимбукту.

Теперь наши американцы по возвращеніи домой имѣли полное право похвастаться, что видѣли городъ, привлекающій столько знаменитыхъ путешественниковъ.

Инженеръ не упустилъ случая отмѣтить фактъ, что его гости любовались *царицею Судана*.

— Тимбукту, господа!—объявилъ онъ имъ точь-въ-точь тѣмъ же тономъ, какимъ за двѣ недѣли передъ тѣмъ возгласилъ: «Индія, господа!» Затѣмъ онъ прибавилъ:—Тимбукту лежитъ подъ 18° сѣверной широты и 5° 56′ западной долготы по парижскому меридіану, на 245 метровъ выше уровня моря. Это очень важный городъ, съ 13.000 жителей. Нѣкогда въ немъ процвѣтали науки и искусства. Быть можетъ, господа, вы не прочь провести въ немъ нѣсколько дней?

Разумѣется, послѣднее предложеніе инженеръ сдѣлалъ насмѣхъ. Помолчавъ и не дождавшись конечно отвѣта, онъ продолжалъ:

— Только предупреждаю: пребываніе здѣсь довольно опасно для иностранцевъ. Негры, знаете, берберы, фулланы... все это народъ и безъ того не слишкомъ надежный, а тутъ еще мы съ своимъ аэронефомъ... Чего добраго, они придутъ въ страшную ярость и...

— Будьте увѣрены, сэръ, — отвѣчалъ Филь Эвансъ, — что мы готовы спуститься съ аэронефа хоть въ адъ, только бы избавиться поскорѣе отъ вашего гостепріимства. Если выбирать изъ двухъ золъ лучшее, то ужъ, конечно, Тимбукту предпочтительнѣе *Альбатроса*.

— Это какъ на чей вкусъ, — возразилъ инженеръ. — Во всякомъ случаѣ, я на высадку здѣсь не рискну, потому что на мнѣ лежитъ отвѣтственность за цѣлость моихъ дорогихъ гостей...

— Итакъ, инженеръ Робюръ, — вмѣшался дядя Прюданъ, не въ силахъ будучи сдержать порывъ негодованія, — итакъ вы не довольствуетесь ролью нашего тюремщика? Вамъ этого мало, вы хотите еще насъ оскорблять?

— Я не оскорбляю васъ. Простите, я только немножко иронизирую.

— Нѣтъ ли у васъ на кораблѣ оружія?

— Какъ не быть, цѣлый арсеналь.

— Довольно двухъ револьверовъ: одинъ вамъ, сэръ, другой мнѣ.

— Дуэль! — вскричалъ Робюръ. — Вы затѣваете на бортѣ дуэль, которая должна кончиться смертью одного изъ насъ!

— Желательно, чтобы такъ вышло.

— Нѣтъ, президентъ Вельдонскаго института, я на это не согласенъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе сохранить вашу жизнь.

— Не вѣрнѣ ли свою собственную? Это очень... благоразумно.

— Какъ бы то ни было, а это мнѣ больше нравится. Вы, конечно, можете думать обо мнѣ, что хотите... можете жаловаться, кому угодно.

— Да ужъ мы пожаловались, инженеръ Робюръ.

— Неужели?

— Да развѣ это было такъ трудно сдѣлать? Напримѣръ, мы, пролетая надъ Европой, могли бросить на землю записку...

— Неужели вы это сдѣлали?—сказалъ Робюръ, начиная чувствовать неодолимый приливъ гнѣва.

— А если сдѣлали, то что тогда?

— Тогда... тогда васъ обоихъ стоитъ выбросить за бортъ вслѣдъ за запиской.

— Такъ бросайте насъ, господинъ инженеръ,—вскричалъ дядя Прюданъ,—потому что мы и въ правду такъ сдѣлали.

Робюръ двинулся на плѣнниковъ. По его знаку прибѣжалъ Томъ Тернеръ и прочіе. Инженера не шутя брало искушеніе исполнить свою угрозу. Чтобы не поддаться ему, онъ поспѣшилъ уйти къ себѣ въ каюту.

— Хорошо же!—сказалъ Филь Эвансъ.

— Чего не посмѣлъ сдѣлать онъ,—отвѣчалъ дядя Прюданъ,—то сдѣлаю я. Ужъ у меня-то смѣлости достанетъ.

Въ это время населеніе Тимбукту толпилось на улицахъ, площадяхъ и на крышахъ домовъ, расположенныхъ въ видѣ амфитеатра. Какъ въ богатыхъ кварталахъ, Санкорскомъ и Сарагамскомъ, такъ и въ бѣдной слободкѣ Рагиди, застроенной жалкими коническими хижинами, жрецы и муллы, стоя на высокихъ минаретахъ, изрекали грозныя проклятія и заклинанія противъ воздушнаго чудовища. Это средство было еще безвреднѣе пекинскихъ пушечныхъ и ружейныхъ выстрѣловъ.

Флотилія судовъ на Нигерѣ пришла въ движеніе... Опустись *Альбатросъ* на землю, ему бы не сдобровать. Его разнесли бы въ куски.

На протяженіи нѣсколькихъ километровъ аэронефъ провожали крикливыя стаи аистовъ и ибисовъ, ставшихся его догнать, или даже перегнать, но бы-

стрый аэронефъ скоро оставилъ ихъ всѣхъ далеко за собой.

Весь вечеръ въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ рева многочисленныхъ стадъ слоновъ и буйволовъ, пасшихся на сочныхъ лугахъ оазиса.

Въ теченіе сутокъ подъ *Альбатросомъ* развернулась вся страна, заключенная между лукою Нигера на протяжении отъ 0° до 2°.

Если бы дать такой воздушный корабль какому-нибудь хорошему географу, какъ бы быстро сдѣлалъ онъ топографическую съемку всѣхъ этихъ малоизвѣстныхъ донинѣ странъ! Тогда на географическихъ картахъ Африки исчезли бы гладкія, нераскрашенные мѣста и пунктирные линіи, означающія невѣдѣніе.

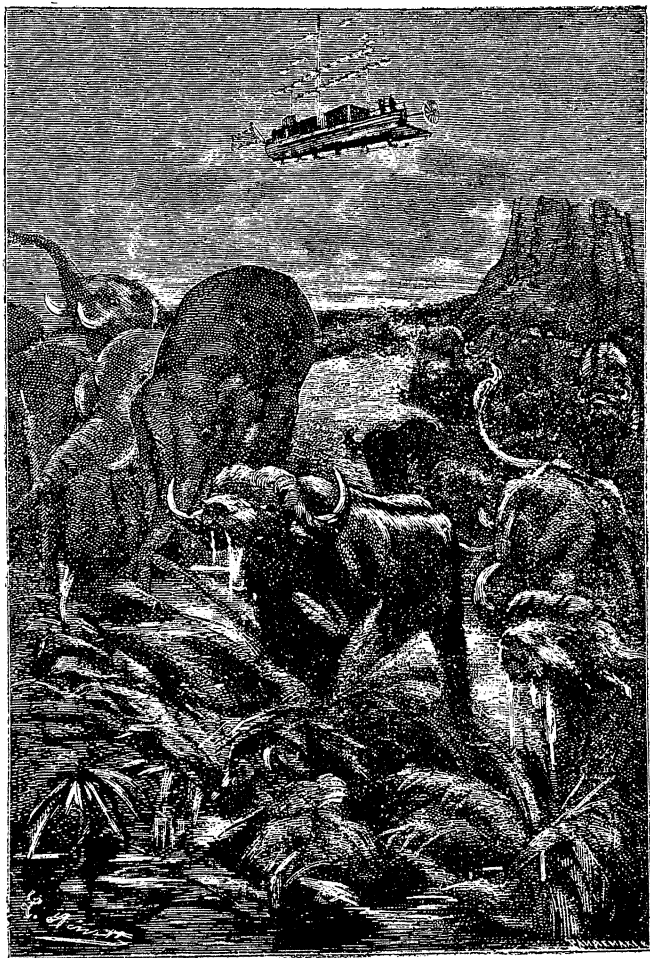
11 іюля, утромъ, *Альбатросъ* пролетѣлъ надъ Верхне-Гвинейскими горами, которые тянутся между Суданомъ и Гвинейскимъ заливомъ. На горизонтѣ появились смутныя очертанія горъ Конго и Дагомэ...

Со времени отъѣзда изъ Тимбукту направленіе аэронефа неизмѣнно оставалось прежнее, въ чемъ и убѣдились окончательно дядя Приуданъ и Филь Эвансъ. Отсюда они вывели заключеніе, что если направленіе и дальше останется то же самое, то они скоро достигнутъ равноденственной линіи. Слѣдовало ли изъ этого заключить далѣе, что аэронефъ намѣренъ покинуть сушу и понестись надъ самымъ Атлантическомъ океаномъ?

Подобная перспектива ничуть не была пріятна для баллонистовъ, потому что черезъ это всѣ шансы бѣгства сводились для нихъ на нуль.

Между тѣмъ движенія *Альбатроса* сдѣлались какъ-будто нерѣшительны, словно онъ колебался покинуть Африку. Не то, чтобы инженеръ хотѣлъ вернуться назадъ,—нѣтъ, это въ его намѣренія не входило, но та страна, надъ которою онъ теперь несся на своемъ аппаратѣ, особенно обратила на себя его вниманіе.

Извѣстно, что такое королевство Дагомэ. Это одно изъ самыхъ могущественныхъ негрскихъ государствъ

„Весь вечеръ въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ рева многочисленныхъ стадъ слоновъ и буйволовъ, пасшихся на сочныхъ лугахъ оазиса“. (Стр. 176).

на западномъ берегу Африки. Пространство, занимаемое имъ, не велико, но зато очень густо населено, такъ что дагомейцы успѣшно выдерживаютъ борьбу со своими сильными сосѣдями, ашантіями.

Все населеніе Дагомэ не превышаетъ восьмисотъ тысячъ жителей, и однако, несмотря на свои незначительные размѣры, это государство часто заставляетъ о себѣ говорить. Оно прославилось невѣроятнымъ варварствомъ своихъ празднествъ, во время которыхъ приносятся человѣческія жертвы. Такими же жертвами сопровождается смерть государя и его вступленіе на престолъ. Считается верхомъ вѣжливости почтить иностраннаго посланника сюрпризомъ изъ двѣнадцати головъ, отрубленныхъ въ честь его прибытія, при чемъ обязанности палача весьма удачно исполняетъ самъ министръ юстиціи, или по-дагомейски «минганъ».

Въ то время, когда надъ Дагомэ проносился воздушный корабль, тамъ только-что умеръ король Багаду, и все населеніе готовилось къ торжеству вступленія на престолъ его преемника. Во всей странѣ замѣчалось сильное движеніе, не ускользнувшее и отъ Робюра.

По всѣмъ дорогамъ въ Абомэ, главный городъ королевства, тянулись длинныя вереницы дагомейцевъ-поселянъ, спѣшившихъ на празднество. Дороги были въ хорошемъ состояніи: видно было, что ихъ поддерживаютъ очень старательно; тянулись онѣ по обширнымъ равнинамъ, поросшимъ густою и высокою травою, вились по маниоковымъ полямъ и пропадали въ лѣсахъ пальмъ, кокосовъ, мимозъ, манговыхъ и апельсиновыхъ деревьевъ. Такова была благоухающая, зеленая страна, надъ которою несли *Альбатросъ*, вспугивая пестрыхъ попугавъ.

Наклонившись черезъ перила, инженеръ задумчиво перекинулся съ Томомъ Тернеромъ нѣсколькими фразами.

Кажется, *Альбатроса* еще не замѣчали съ земли: его скрывалъ отъ глазъ народа непроницаемый куполъ де-

ревьевъ, и, кромѣ того, аппаратъ летѣлъ довольно высоко, подѣ самыми облаками.

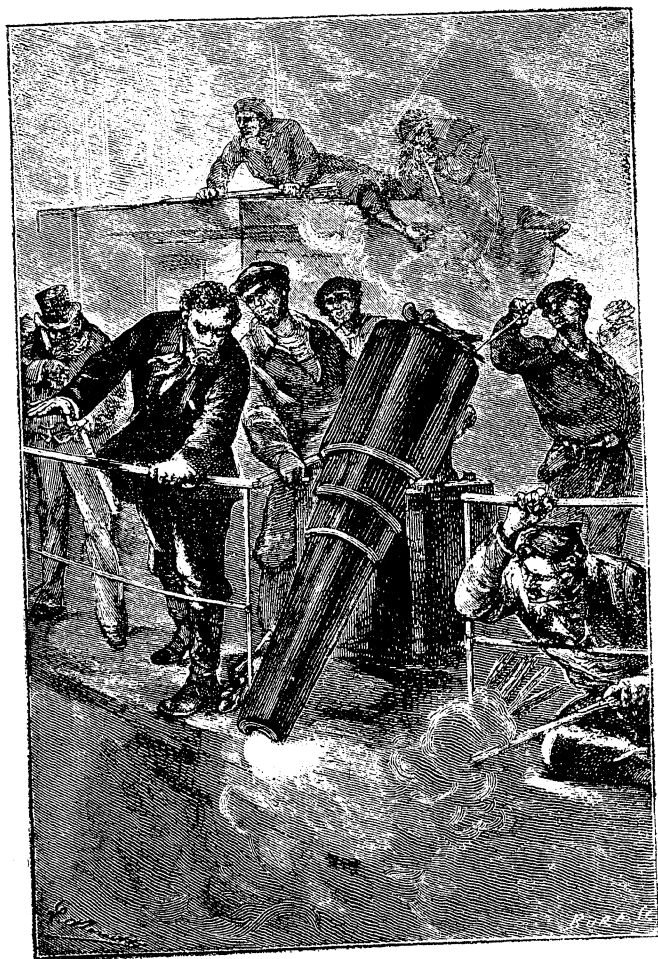
Въ одиннадцатомъ часу утра показалась, наконецъ, и столица, обнесенная крѣпкими стѣнами и опоясанная широкимъ рвомъ. Вотъ и правильная широкая улицы, вотъ и большая площадь, на сѣверномъ концѣ которой раскинулся королевскій дворецъ. Надъ огромной массой дворцовыхъ построекъ возвышается терраса, съ которой во время празднествъ сбрасываютъ народу осужденныхъ преступниковъ, посаженныхъ въ ивовыя корзины. Народъ яростно набрасывается на добычу и растерзываетъ ее въ клочки.

Въ одномъ изъ дворцовыхъ зданій помѣщаются четыре тысячи воительницъ, составляющихъ особый корпусъ королевской арміи, и корпусъ, надо сказать, очень храбрый.

Въ Дагомэ существуютъ амазонки. Это фактъ, несомнѣнный фактъ. Однѣ изъ нихъ носятъ голубую рубашку, голубой или красный шарфъ, бѣлая съ синими полосами панталоны и патронную сумку у пояса. Другія, такъ-называемыя охотницы на слоновъ, вооружены тяжелой винтовкой и короткимъ кинжаломъ и носятъ на головѣ рога антилопы, прикрѣпленные желѣзнымъ обручемъ. Третьи—артиллеристки; отличительная ихъ одежда—бѣлая съ краснымъ туника. Наконецъ, четвертыя составляютъ отдѣльный баталіонъ дѣвицъ и носятъ голубую тунику съ бѣлыми панталонами. Это—настоящія дѣвственницы, непорочныя, какъ Діана, и, какъ она же, вооруженныя луками и стрѣлами.

Прибавьте къ этимъ амазонкамъ пять или шесть тысячъ солдатъ въ бумажныхъ панталонахъ и рубашкахъ—и вотъ вамъ вся дагомейская армія.

Въ этотъ день городъ Абомэ былъ совершенно пустъ. Самъ король, весь дворъ, всѣ чиновники, войска обоего пола и всѣ жители покинули столицу и отправились на широкую загородную равнину, окруженную чудными лѣсами.

„Тогда съ Альбатроса грянулъ выстрѣлъ“. (Стр. 184).

На этой равнинѣ предстояло совершиться торжеству воцаренія новаго короля. Здѣсь же въ честь этого важнаго событія должна была пролиться кровь плѣнниковъ, варварски приносимыхъ въ жертву.

Часу во второмъ *Альбатросъ* прилетѣлъ на долину и началъ медленно опускаться, еще невидимый за дымкою разныхъ паровъ, кутившихся съ земли.

Со всѣхъ сторонъ въ равнину стеклось до шестидесяти тысячъ дагомейцевъ; тутъ сошлись представители отдаленнѣйшихъ весей и селъ.

Новый король, крѣпкій двадцатипятилѣтній мужчина, по имени Бу-Нади, стоялъ на холмѣ, осыпленномъ густолиственными, развѣсистыми деревьями. Кругомъ его толпился его новый дворъ, войска мужского пола, амазонки и народъ.

У подножія холма игралъ оркестръ изъ полусотни музыкантовъ; инструменты были самые варварскіе: словеные клыки, барабаны, тыквы, гитары, колокольчики и, наконецъ, бамбуковыя флейты, рѣзко-пискливые звуки которыхъ доминировали надъ всѣмъ оркестромъ. Поминутно гремѣли ружейные залпы, гудѣли допотопныя пушки, грозя разорваться сами отъ слишкомъ частыхъ выстрѣловъ, и поверхъ всего этого гула стоялъ стонъ отъ восторженныхъ криковъ многотысячной толпы.

Въ углу равнины стояли подъ карауломъ солдатъ сбитые въ кучу плѣнники, которымъ выпало на долю сопровождать умершаго короля въ царство тѣней. На похоронахъ Гозо, отца Багаду, любящій сынъ командировалъ на тотъ свѣтъ три тысячи. Бу-Нади не могъ составить для своего отца почетный караулъ изъ меньшаго числа жертвъ. Это было бы неприлично, и всякій бы его осудилъ.

И вотъ настала минута, когда должно было совершиться жертвоприношеніе. Робюръ, знавшій обычай дагомейцевъ, глазъ не спускалъ съ толпы плѣнныхъ, назначенныхъ въ жертву. Въ толпѣ были не только мужчины, но также женщины и дѣти.

Минганъ (министръ юстиціи), стоя у подножія холма, обнажилъ свою широкую кривую саблю, украшенную металлическою птицей.

На этотъ разъ онъ былъ не одинъ. Одинъ онъ не справился бы съ такой толпой. Около него стояла сотня ловкихъ палачей, умѣющихъ рубить головы однимъ ударомъ.

Между тѣмъ *Альбатросъ* продолжалъ опускаться, постоянно замедляя вращеніе своихъ винтовъ. Вскорѣ онъ окончательно вышелъ изъ мглы и появился въ ста метрахъ надъ землею.

На этотъ разъ люди не испугались *Альбатроса*. Сви-рѣпые дагомейцы, не въ примѣръ прочимъ, приняли его за какое-то небесное существо, спустившееся съ неба, чтобы отдать честь умершему королю.

Восторгъ толпы вышелъ изъ границъ. Мольбы и заклинанія понеслись по адресу крылатаго дракона, прилетѣвшаго за тѣломъ короля, чтобы унести его въ чертоги дагомейскаго рая.

Въ ту же минуту подъ саблю *Мингана* скатилась первая голова и затѣмъ плѣнниковъ стали массами сгонять къ палачамъ.

Тогда съ *Альбатроса* грянулъ выстрѣлъ. Министръ юстиціи палъ ничкомъ на землю, пораженный на смерть.

— Хорошо, Томъ, — сказалъ Робюръ.

— Я и самъ не ожидалъ, что попаду такъ ловко, — отвѣчалъ Тернеръ.

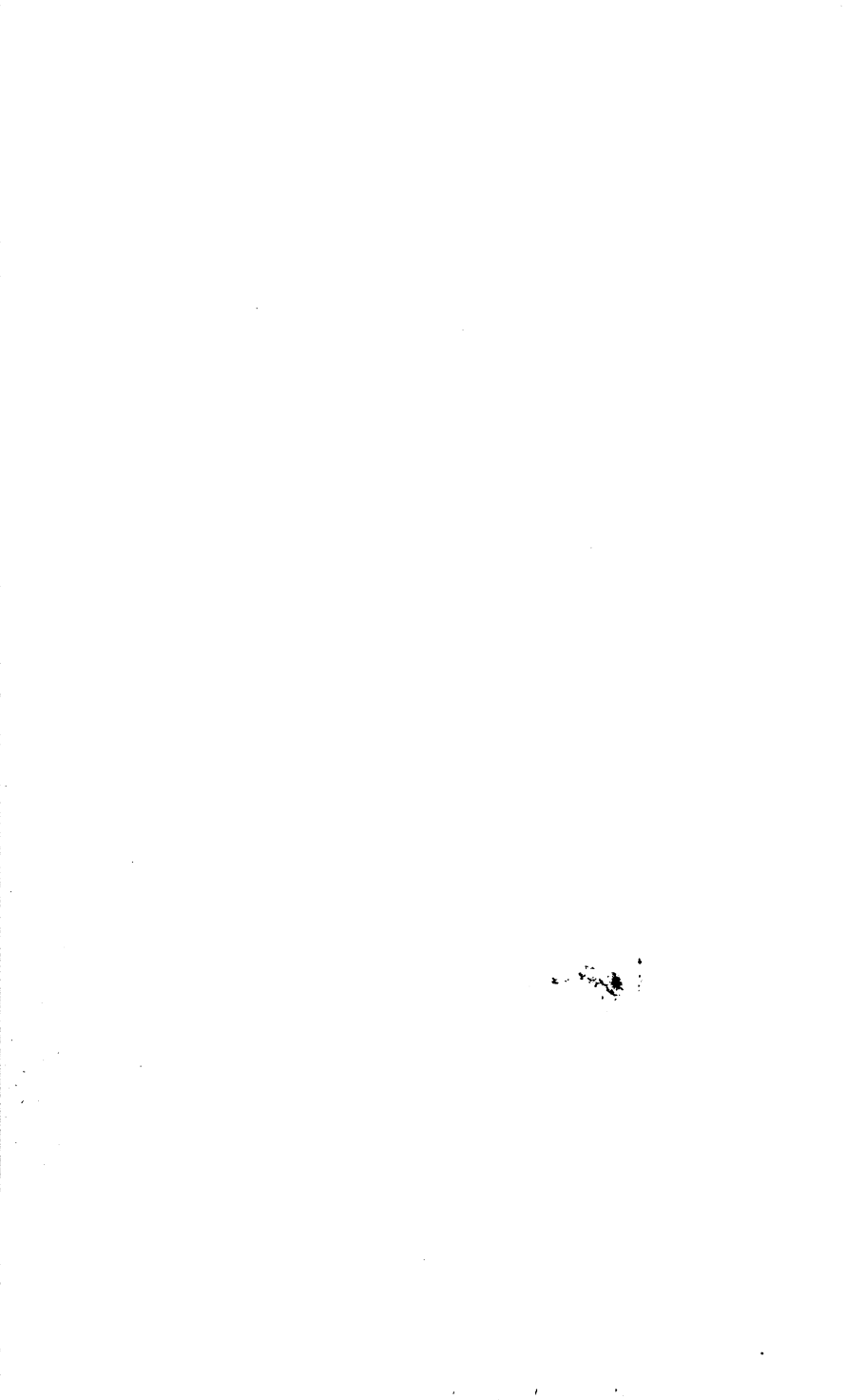
Прочіе люди Робюра тоже взвели курки винтовокъ и приготовились стрѣлять по первому знаку Робюра.

Но въ настроеніи толпы произошелъ переворотъ. Она поняла, что крылатое чудовище не добрый, а злой духъ, враждебный дагомейскому народу. Когда *минганъ* упалъ, поднялись яростные крики, и равнина огласилась ружейною пальбой.

Эти угрозы не помѣшали *Альбатросу* спуститься еще на пятьдесятъ метровъ. Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ, при всемъ своемъ нерасположеніи къ инженеру, не могли не одобрить его поведеніе.

„По знаку Робюра, снаряды полетѣли въ толпу и, ударившись о землю, разлетѣлись тысячами осколковъ“. (Стр. 167).

— Да, да! — вскричали они оба. — Это хорошо! Давайте, освободимъ плѣнниковъ!

— Я это и хочу сдѣлать, — отвѣчалъ инженеръ.

Филю Эвансу и дядѣ Прюдану дали по винтовкѣ, и они вмѣстѣ съ экипажемъ открыли огонь. Ни одна пуля не пропала даромъ, каждая нашла себѣ цѣль. Маленькая пушка тоже дѣйствовала энергично и пустила въ толпу нѣсколько губительныхъ картечныхъ выстрѣловъ.

Дагомейскіе солдаты увлеклись перестрѣлкой съ чудовищемъ и перестали обращать вниманіе на плѣнниковъ, которые поспѣшили разорвать свои оковы, хотя и не понимали, что значить эта неожиданная помощь съ воздуха. У аэронефа перебило пулей передній винтъ и кромѣ того нѣсколько пуль ударились въ кузовъ. Бѣдный Фриколенъ! — Его самого чуть-чуть не задѣло... черезъ стѣну каюты, въ которую онъ забился со страха.

— А!.. Такъ вамъ еще неймется!.. — вскричалъ Томъ Тернеръ. — Хорошо же. Постойте, я васъ угощу.

Онъ сходилъ въ кладовую и принесъ нѣсколько штукъ динамитныхъ бомбъ, которыя и роздалъ товарищамъ. По знаку Робюра, снаряды полетѣли въ толпу и, ударившись о землю, разлетѣлись тысячами осколковъ.

Король, дворъ, народъ, армія кинулись бѣжать кто куда. О плѣнникахъ всѣ позабыли, и они поспѣшили спастись бѣгствомъ.

Такъ былъ испорченъ пышный праздникъ въ честь новаго дагомейскаго короля. Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ поневолѣ признали за аэронефомъ огромное могущество и согласились, что онъ можетъ оказать большія услуги человечеству.

Сдѣлавъ свое дѣло, *Альбатросъ* спокойно поднялся выше и скорѣе оставилъ эту варварскую страну.

Онъ полетѣлъ надъ Атлантическимъ океаномъ.

ГЛАВА XIII.

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ переѣзжаютъ черезъ океанъ, не испытывая морской болѣзни.

Да, онъ полетѣлъ надъ Атлантикой.

Опасенія плѣнниковъ оправдались. Впрочемъ, Робюра этотъ громадный перелетъ очевидно нисколько не заботилъ, да и для экипажа онъ, очевидно, былъ, дѣломъ привычнымъ. По крайней мѣрѣ каждый всталъ на свой постъ какъ ни въ чемъ не бывало.

Куда *Альбатросъ* летѣлъ? Въ кругосвѣтное путешествіе? Хорошо.—А потомъ куда? Вѣдь гдѣ-нибудь да долженъ же былъ кончиться его полетъ. Вѣдь не могъ же Робюръ всю жизнь свою только и дѣлать, что летать, никогда не спускаясь на землю. Бралъ же онъ гдѣ-нибудь запасы для аэронефа, чинилъ же гдѣ-нибудь машины. Безъ этого онъ обходиться не могъ, а слѣдовательно у него на землѣ было гдѣ-нибудь убѣжище.—Гдѣ же?

Да, наконецъ, кто же такой былъ онъ самъ? Каково его прошлое? Разумѣется, эти неразрѣшимыя загадки не переставали занимать баллонистовъ. Положеніе послѣднихъ было, дѣйствительно, очень непріятное. Они летѣли, летѣли, летѣли, сами не зная куда и постоянно недоумѣвая, чѣмъ кончится ихъ полетъ. Это хоть кого могло довести до крайности, а не только вспыльчиваго президента Вельдонскаго клуба.

А воздушный корабль летѣлъ себѣ да летѣлъ надъ Атлантическимъ океаномъ. На другой день послѣ при-

ключенія въ Дагомэ, то-есть 12 іюля, солнце взошло уже надъ необозримой водною равниной. Нигдѣ на всемъ огромномъ пространствѣ не было видно ни клочка земли, Африка давнымъ-давно скрылась на горизонтѣ.

Когда Фриколенъ взялъ на себя смѣлость выйти на палубу и увидалъ подъ собою море, имъ снова овладѣлъ прежній ужасъ. Но онъ и на этотъ разъ воздержался отъ своихъ обычныхъ причитаній, а только зажмурилъ глаза и ошупью прокрался назадъ къ себѣ въ каюту.

Атлантическій океанъ самый большой изъ всѣхъ океановъ. Онъ занимаетъ четвертую часть всей поверхности водъ на земномъ шарѣ. Инженеръ не выказывалъ особенной торопливости перелетѣть черезъ него и не отдавалъ приказанія прибавить ходу. Впрочемъ, *Альбатросъ* и самъ не могъ летѣть надъ океаномъ съ тою же скоростью, какую онъ обнаружилъ, несясь надъ Европой. Надъ океаномъ дули вѣтры, которые сильно замедляли ходъ. Въ той тропической полосѣ, гдѣ теперь несясь аэронефъ, скрещиваются пассаты, какъ то показываютъ новѣйшія научныя изслѣдованія.

Альбатросъ не желалъ бороться съ противными вѣтрами всею силою своихъ поступательныхъ винтовъ. Онъ шелъ умѣреннымъ ходомъ, но этому умѣренному ходу позавидовалъ бы любой почтовый пароходъ.

13 іюля аэронефъ пересѣкъ равноденственную линію, о чемъ и было возвѣщено всѣмъ находящимся на кораблѣ.

Такимъ образомъ дядя Прюданъ и Филь Эвансъ узнали, что они покинули сѣверное полушаріе и вступили въ южное. Этотъ переходъ не сопровождался на аэронефѣ никакими торжественными обрядами, которые въ подобномъ случаѣ совершаются на нѣкоторыхъ военныхъ и купеческихъ корабляхъ.

Только Франсуа Тапажъ пошутилъ надъ Фриколеномъ, выливъ ему за воротникъ пинту воды. Но такъ какъ за этимъ крещеніемъ послѣдовало возлія-

ніе нѣсколькихъ стакановъ грога, то Фриколенъ изъявилъ готовность переѣхать черезъ экваторъ сколько угодно разъ, только не на спинѣ механической птицы, въ прочность которой негръ ни крошечки не вѣрилъ.

Утромъ 15 іюля *Альбатросъ* пролетѣлъ мимо острововъ Вознесенія и Святой Елены, ближе впрочемъ къ послѣдней. Высокія горы острова довольно долго виднѣлись съ корабля.

Если бы инженеръ Робюръ жилъ во времена Наполеона I, то тюремщику плѣннаго цезаря Гудзону Ло врядъ ли бы удалось усмотрѣть за плѣнникомъ: ужъ навѣрно Робюръ умчалъ бы узника на своемъ аппаратѣ.

Вечеромъ 16 и 17 іюля замѣчалось странное явленіе. Въ сѣверныхъ широтахъ это явленіе непременно приняли бы за сѣверное сіяніе. Дѣло въ томъ, что солнце при закатѣ отбрасывало разноцвѣтные лучи, изъ которыхъ многіе окрашивались ярко-зеленымъ цвѣтомъ.

Что это такое было?

Быть можетъ, лучи проходили черезъ облака какой-нибудь космической пыли и освѣщали ея прозрачность? Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняли это свѣтовое явленіе нѣкоторые наблюдатели. Но если бы ихъ посадить на аэронефъ и показать имъ это явленіе оттуда, то они, вѣроятно, отказались бы отъ своего объясненія.

Они тогда увидали бы, что въ воздухѣ носились мелкіе кристаллики пироксена, стекловидные шарики и частички магнитнаго желѣзняка, — вообще частички, очень похожія на вещества, извергаемыя огнедышащими горами. Послѣ этого у нихъ, конечно, явилось бы твердое убѣжденіе, что облако, въ которомъ играли лучи, выброшено какимъ-нибудь вулканомъ и унесено вѣтромъ въ Атлантическій океанъ.

Кромѣ этого явленія замѣчались и другія, не менѣе интересныя. На небо повременамъ наплывали тучки, придававшія ему какой-то оригинальный сѣрый от-

тѣнокъ; затѣмъ на этихъ тучкахъ вдругъ начинали появляться бѣлыя полосы, усѣянные какъ будто затвердѣвшими крапинками. Въ такой широтѣ подобное явленіе можно было объяснить только процессомъ, сходнымъ съ процессомъ образованія града въ нашихъ широтахъ.

Въ ночь съ 17 на 18 іюля на аэронефѣ видѣли желтоватую лунную радугу, образовавшуюся отъ дождя, шедшаго надъ океаномъ.

Что могли означать всѣ эти явленія? Не перемѣнили ли погоды?

Очень можетъ быть.

Какъ бы то ни было, юго-западный вѣтеръ, все время не перестававшій дуть съ самаго отлета отъ береговъ Африки, у экватора вдругъ совершенно прекратился. Было ужасно жарко, и Робюръ, чтобы избавиться отъ зноя, вслѣлъ поднять воздушный корабль повыше. При этомъ пришлось позаботиться и объ охраненіи себя отъ солнечныхъ лучей.

Такія перемѣны въ воздушныхъ теченіяхъ давали право предполагать, что въ скоромъ времени обнаружатся новыя климатическія условія, свойственныя южному полушарію. Надо замѣтить, что іюль мѣсяцъ въ южномъ полушаріи соотвѣтствуетъ январю въ сѣверномъ, то-есть нашей глухой зимѣ. Улетая на югъ, *Альбатросу* предстояло скоро испытать на себѣ это рѣзкое различіе.

Впрочемъ, оно уже и такъ чувствовалось. 18 іюля, послѣ перелета черезъ тропикъ Козерога, показалось другое явленіе, отъ котораго пришелъ бы въ смущеніе и даже въ ужасъ любой корабль.

По поверхности океана распространилась странная зыбъ свѣтящихся волнъ. Волны катились съ необыкновенною быстротою, сохраняя между собою промежутки приблизительно въ двадцать-четыре фута и оставляя послѣ себя слѣды въ видѣ длинныхъ свѣтлыхъ бороздъ. Благодаря ночной темнотѣ, до *Альбатроса* достигалъ яркій, ослѣпительный отблескъ, и

въ этомъ свѣтломъ отраженіи аэронефъ на этотъ разъ, дѣйствительно, можно было принять за болидъ, глядя на него снизу. Робюру въ первый еще разъ приходилось летѣть надъ огненнымъ моремъ. Но этотъ огонь не грѣлъ, а только свѣтилъ, и потому не было надобности спастись отъ него въ поднебесье.

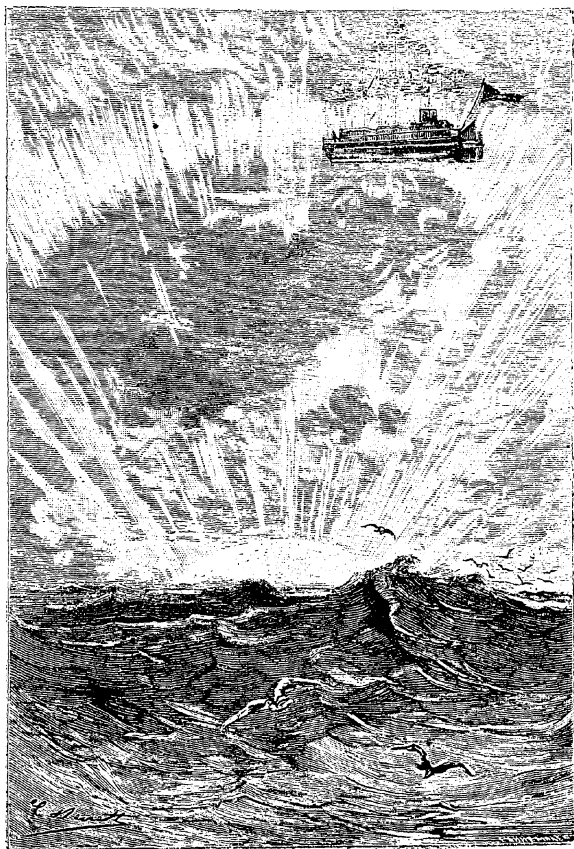
Это явленіе можно было объяснить только электричествомъ, такъ какъ присутствія тѣхъ мелкихъ живыхъ тѣлецъ, которыя производятъ электрическое свѣченіе моря, на его поверхности въ это время не замѣчалось.

Вслѣдствіе всего этого слѣдовало предположить, что напряженіе электричества въ атмосферѣ усилилось до весьма значительной степени.

И дѣйствительно, на другой день, 19 іюля, на морѣ разыгралась буря, отъ которой легко могъ погибнуть всякій корабль. Но *Альбатросу* ни почему были вѣтры и волны; когда онъ почему-нибудь находилъ неудобнымъ летѣть надъ поверхностью моря, какъ чайка, онъ всегда могъ подняться далеко за облака, какъ орелъ.

Въ это время воздушный корабль находился на сорокъ-седьмой параллели. Долгота дня не превышала семи-восьми часовъ. Оно понятно: вѣдь, аэронефъ летѣлъ къ Южному полюсу, гдѣ, какъ мы уже говорили, стояла въ это время зима.

Буря разыгралась нешуточная. Поднялся огромный смерчъ и началъ быстро надвигаться на аэронефъ, находившійся въ это время не выше ста метровъ надъ поверхностью моря. Смерчъ былъ настолько высокъ, что столкновение являлось неизбѣжнымъ: аэронефъ не успѣлъ бы подняться отъ него вверхъ. Тогда инженеръ велѣлъ просто сдѣлать поворотъ въ сторону, но въ это время вокругъ перваго смерча поднялось десятка два новыхъ, и всѣ они, быстро вертясь вокругъ самихъ себя, помчались на аэронефъ. Пришлось лавировать между ними, но и это средство оказывалось ненадежнымъ. Который-нибудь изъ смерчей

„...солнце при закатѣ отбрасывало разноцвѣтные лучи“. (Стр. 1^ю).

неминуемо долженъ былъ обрушиться на аэронефъ и разнести его въ куски.

Тогда даже самые хладнокровные изъ экипажа потеряли голову. Только одинъ Робюръ сохранилъ свое неизмѣнно-величавое спокойствіе.

— Смѣлѣй, ребята!—крикнулъ онъ.—Все уладится.

И затѣмъ обратился къ Тому Тернеру съ приказаніемъ:

— Дать выстрѣлъ изъ пушки!

Помощникъ инженера поспѣшно подошелъ къ орудію, зарядилъ его бомбой и выстрѣлилъ въ ближайшій изъ смерчей.

Сотрясеніе воздуха разбило смерчъ, разлетѣвшійся мельчайшими брызгами воды и пѣны.

Освобожденный аэронефъ отлетѣлъ въ сторону и затѣмъ торопливо поднялся вверхъ на нѣсколько сотъ метровъ.

— Все ли цѣло на борту?—спросилъ инженеръ.

— Все цѣло,—отвѣчалъ Томъ Тернеръ,—но въ другой разъ я бы не совѣтовалъ затѣвать такую опасную игру въ волчокъ.

Дѣйствительно, *Альбатросъ* подвергался большой опасности. Не увернись онъ такъ счастливо отъ смерчей, его бы раздавило какъ картонку.

Затѣмъ, послѣдовало нѣсколько однообразныхъ, скучныхъ дней, во время которыхъ не случилось ничего необыкновеннаго, никакое замѣчательное явленіе не развлекало путешественниковъ. Баллонисты тщетно вглядывались въ даль, не покажется ли хоть клочка земли, но глаза ихъ всюду встрѣчали только одно неизмѣримое море.

Фриколену поручено было поразспросить Франсуа Тапажа насчетъ личности Робюра, и негръ принялся за дѣло съ большимъ усердіемъ. Но хитрый гасконецъ наговорилъ дураку-лакею такой чепухи, въ которой никакъ нельзя было разобраться. По его словамъ, Робюръ оказывался то отставнымъ министромъ Аргентинской республики, то президентомъ чилійскаго

адмиралтействъ-совѣта, то низвергнутымъ призидентомъ Соединенныхъ Штатовъ, то испанскимъ генераломъ, изгнаннымъ изъ отечества за неудавшееся военное *pronciamento*, то, наконецъ, вице-королемъ Индіи, отозваннымъ вслѣдствіе министерской перемѣны въ Англіи. То инженеръ оказывался милліонеромъ, то человѣкомъ, разорившимся въ пухъ отъ постройки аэронефа. Подъ конецъ поваръ по секрету шепнулъ Фриколену, что Робюръ собирался летѣть на луну и тамъ поселиться...

— А что, Фриколенъ, вѣдь, не дурно будетъ на луну-то прокатиться? Какъ ты находишь? Тамъ, говорятъ, отлично...

— Я не поѣду!.. Ни за что не поѣду!.. Я отказываюсь!—вопіялъ глупый негръ, принимая въ серьезъ чепуху, которую несъ поваръ.

— Что такъ, миленькій?.. Нѣтъ, это ты напрасно... Мы тебя женимъ на какой-нибудь лунаркѣ, и ты расплодишь тамъ негровъ... Развѣ плохо?

И когда Фриколенъ передавалъ эти разговоры своему барину, тотъ выходилъ изъ себя отъ досады, такъ какъ очень хорошо понималъ, что этотъ вздоръ говорится нарочно. Все это еще болѣе распаляло въ дядѣ Прюданѣ жажду мщенія.

— Филь,—сказалъ онъ однажды своему коллегѣ,—вы теперь достаточно ли убѣдились, что бѣжать нѣтъ никакого средства?

— Совершенно убѣдился, дядя Прюданъ.

— Хорошо. Но вѣдь всякій человѣкъ надъ собою воленъ. Если нужно, то можно пожертвовать жизнью и...

— Если настало время пожертвовать жизнью, то для меня чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!—вскричалъ Филь Эвансъ, который хоть и былъ менѣе вспыльчивъ, нежели президентъ Вельдонскаго института, но все-таки слишкомъ большимъ терпѣніемъ не обладалъ.—Да, пора съ этимъ кончить. Куда летитъ *Альбатросъ*? Въ Патагонію? Въ Огненную Землю? А еще куда?

„Смерть была настолько высока, что столкновение являлось неизбежным“.
(Стр. 192).

Къ полюсу? Очень можетъ быть. Отъ этого проклятаго Робюра все станется. Но вѣдь мы тогда можемъ погибнуть. Слѣдовательно, какія бы мѣры мы теперь ни употребили, все дозволительно, потому что каждый имѣетъ право всячески защищать свою жизнь.

— Если намъ суждено погибнуть,—отвѣчалъ дядя Прюданъ,—то мы погибнемъ, отмстивъ за себя. Мы уничтожимъ эту проклятую машину и погубимъ всѣхъ, кто на ней летаетъ.

Баллонисты дошли до самой высшей степени безсильнаго гнѣва. Дальше этого въ сосредоточенной злобѣ идти ужъ было некуда. Они рѣшились погибнуть сами, чтобы погубить вмѣстѣ съ собою и ненавистный аппаратъ.

Эта мысль окончательно утвердилась у нихъ въ умѣ. Но какъ приступить къ дѣлу? Проще всего имъ казалось украсть разрывную бомбу и взорвать аэро-нефъ на воздухъ. Для этого нужно было пробраться какъ-нибудь въ кладовую, что конечно было не легко сдѣлать.

Хорошо, что Фриколенъ ничего не подозрѣвалъ, а то онъ изъ трусости былъ бы способенъ донести на своего господина Робюру.

23 іюля на юго-востокѣ показалась земля. Это было недалеко отъ входа въ Магеллановъ проливъ. Въ это время года на пятьдесятъ четвертой южной параллели ночь продолжается восемнадцать часовъ. Путники чувствовали холодъ: температура была шесть градусовъ ниже нуля.

Первое время *Альбатросъ*, прекративъ движеніе къ югу, пустился слѣдовать изгибами пролива, словно собираясь перебраться въ Тихій океанъ. Миновавъ бухту Лома, гору Грегори на сѣверѣ и Брекнокскую цѣпь на западѣ, онъ пронесся надъ маленькой чилийской деревушкой Пунта-Арена, гдѣ въ ту минуту звонили на колоколы, и черезъ нѣсколько часовъ пролетѣлъ въ виду заброшенныхъ построекъ порта Голоднаго.

Пассажиры аэронефа видѣли патагонцевъ, но не могли провѣрить, насколько справедливы рассказы объ ихъ громадномъ ростѣ: съ высоты всѣ люди казались карликами.

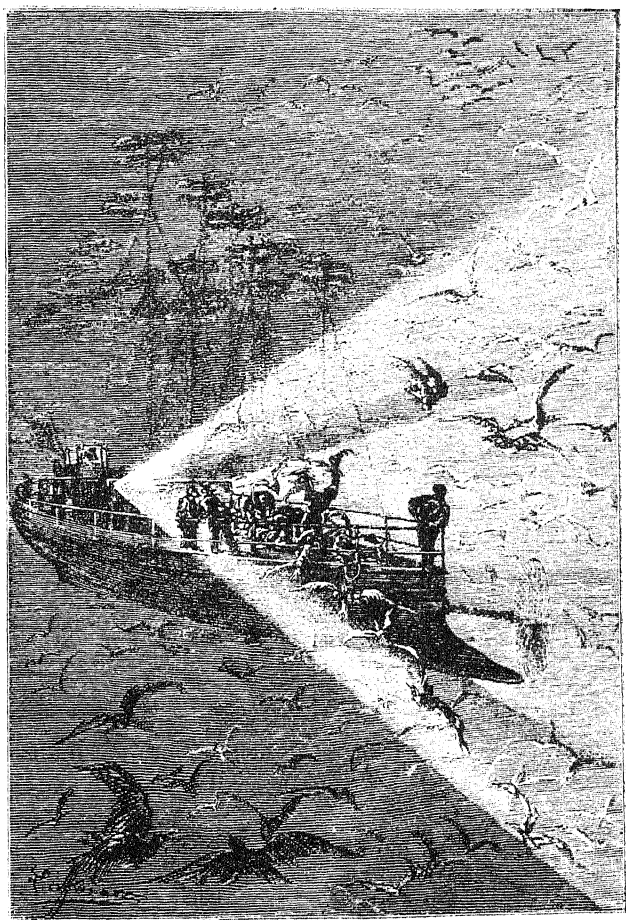
Но зато какой великолѣпный видъ открывался все время! Крутыя горы, вѣчно-снѣжные пики, густые лѣса по уступамъ склоновъ, внутреннія моря, многочисленныя бухты и проливы среди острововъ и полуострововъ, и это на всемъ протяженіи отъ мыса Фриварда, которымъ оканчивается материкъ Америки, до мыса Горна, который заканчиваетъ собою Новый свѣтъ...

Отъ порта Голоднаго *Альбатросъ* снова повернулъ на югъ. Пролетѣвъ между горою Тарномъ и полуостровомъ Брауншвейгомъ, онъ направился къ горѣ Сарміенто, вершина которой, повитая чалмою льдовъ, господствуетъ надъ всѣмъ Магеллановымъ проливомъ.

Это была страна печерасовъ, или фуэджійцевъ, обитателей Огненной Земли.

Будь это не теперь, а полгода раньше или позже, во время лѣта,—какою бы прелестною показалась эта страна, особенно въ южной своей части! Повсюду зеленѣли бы сочныя пастбища и густые лѣса буковъ, березъ, ясней, кипарисовъ, древовидныхъ папоротниковъ,—всюду радовали бы взоръ веселыя долины, оживленныя стадами гуанако и вигоней... Но теперь только пингвины, чайки, пеликаны и разныя другія морскія птицы носились съ крикомъ надъ унылыми, обледенѣлыми берегами. Когда на *Альбатросъ* зажгли электрическіе фонари, множество этихъ птицъ съ крикомъ слетѣлось на свѣтъ и большинство ихъ досталось во власть жестокому Тапажу.

Много пришлось повозиться искусному повару, прежде чѣмъ ему удалось приготовить эту дичь такъ, чтобы не былъ слишкомъ замѣтенъ ея жирномаслянистый вкусъ. Не мало заботы выпало и на долю Фриколена, который взялся ошипывать перья.

„Когда на *Альбатросъ* зажгли электрическіе фонари, множество птицъ съ крикомъ слетѣлось на свѣтъ“. (Стр. 200).

Въ этотъ же день передъ закатомъ солнца показалось широкое озеро, оправленное въ раму великолѣпнѣйшаго лѣса. Озеро стояло замерзшее, и по льду быстро скользили на лыжахъ нѣсколько человѣкъ туземцевъ.

При видѣ летящаго чудовища, фуэджейны пришли въ ужасъ. Нѣкоторые изъ нихъ поскорѣе убѣжали, а другіе попрятались, то-есть прилегли ничкомъ на землю, какъ дѣлаютъ иногда испуганные звѣри.

А между тѣмъ *Альбатросъ* неся все дальше и дальше на югъ. Вотъ Бильгскій каналъ, вотъ мелькнулъ островъ Наваринъ, греческое названіе котораго какъ-то особенно странно звучитъ въ этихъ отдаленныхъ мѣстахъ, вотъ подальше островъ Уоллестонъ, омываемый крайними водами Тихаго океана. Наконецъ, сдѣлавъ со времени отлета изъ Дагомэ семь тысячъ пятисотъ километровъ, аэронепъ миновалъ крайніе островки Магелланова архипелага и достигъ самой южной оконечности суши на земномъ шарѣ,—то-есть страшнаго, роковаго, опоясаннаго гибельными бурунами, мыса Горна.

Г Л А В А XIV.

«Альбатросъ» дѣлаетъ то, чего никто не можетъ дѣлать.

Слѣдующимъ днемъ было 24 іюля. Въ южномъ полушаріи это все равно, что 24 января въ сѣверномъ. Параллель, на которой находился въ это время *Альбатросъ*, соотвѣтствуетъ въ сѣверномъ полушаріи той параллели, которая въ Европѣ проходитъ черезъ Эдинбургъ.

Термометръ стоялъ неизмѣнно ниже нуля. Пришлось обратиться къ имѣвшимся на эронефѣ аппаратамъ для искусственнаго нагрѣванія воздуха въ каютахъ.

Долгота дня все дѣлалась меньше и меньше. Большую часть времени занимала ночь. Всѣ выходили на палубу закутанные какъ эскимосы или фуэджійцы. Такъ какъ теплой одежды на аэронефѣ было много, то и плѣнные баллонисты тоже имѣли возможность выходить изъ своихъ каютъ. Съ Робюромъ они послѣ столкновенія въ странѣ Тимбукту видались, впрочемъ, очень рѣдко.

Фриколенъ почти все время проводилъ въ кухнѣ, гдѣ Франсуа Тапажъ обильно угощалъ его всякими яствами. За это негръ помогалъ ему стряпать. Онъ находилъ болѣе удобнымъ для себя совсѣмъ не выглядывать наружу, чтобы не смотрѣть «опасности» въ глаза. Въ этомъ онъ очень былъ похожъ на страуса, прячущаго голову въ песокъ.

Куда же летѣлъ Робюръ? Неужели въ самомъ дѣлѣ къ полюсу, въ страну, гдѣ въ это время года царствуетъ вѣчная тьма? Но, вѣдь, это безуміе.

Такъ разсуждали баллонисты, уносясь отъ крайняго пункта американскаго материка.

О сколькихъ головахъ этотъ Робюръ?.. Нѣтъ, пора со всѣмъ этимъ покончить. Пора унять зазнававшегося инженера, уничтоживъ его аппаратъ.

Въ этотъ день у Робюра происходили частыя совѣщанія съ Томомъ Тернеромъ. Оба они нѣсколько разъ свѣрялись съ барометромъ, но, очевидно, не для изслѣдованія высоты, а для наблюденія погоды. Вѣроятно, замѣчались какіе-нибудь важные признаки, съ которыми приходилось считаться.

Вмѣстѣ съ тѣмъ дядѣ Прюдану показалось, что Робюръ осматриваетъ и повѣряетъ наличность всѣхъ припасовъ на аэронефѣ и свидѣтельствуетъ прочность его механизма.

Президентъ баллонистовъ счелъ это признакомъ предстоящаго возвращенія.

— Возвращенія!..—воскликнулъ Филь Эвансъ.—Но куда? Въ какое мѣсто?

— Туда, гдѣ Робюръ снабжаетъ себя всѣмъ необходимымъ, — отвѣчалъ дядя Прюданъ.

— Это, вѣроятно, какой-нибудь малонизвѣстный островъ въ Тихомъ океанѣ, населенный колонією такихъ же злодѣевъ, какъ самъ инженеръ.

— Таково и мое мнѣніе, Филь Эвансъ. Кромѣ того, я думаю, что онъ собирается летѣть на западъ. Конечно, онъ очень скоро долетитъ до цѣли—вѣдь, его проклятый корабль обладаетъ чудовищной быстротой.

— Но вѣдь если онъ долетитъ туда, то наше намѣреніе нельзя будетъ исполнить...

— Онъ туда не долетитъ, Филь Эвансъ.

Баллонисты угадали отчасти вѣрно. *Альбатросъ* сталъ подвигаться впередъ все медленнѣе и медленнѣе. Наконецъ, пролетѣвъ всего какихъ-нибудь сто

километровъ, онъ повернулъ на западъ, направляясь, очевидно, въ Тихій океанъ.

Подъ нимъ раскинулась огромная водная равнина, отдѣляющая Америку отъ Азіи. Въ эту минуту воды океана приняли тотъ странный оттѣнокъ, который побудилъ моряковъ дать ему названіе «молочнаго моря». Въ самомъ дѣлѣ, вся поверхность океана въ этомъ мѣстѣ вдругъ сдѣлалась млечно-бѣлою.

Теперь это явленіе объяснено. Оно происходитъ отъ мельчайшихъ фосфорически-свѣтящихся тѣлецъ, міриадами плавающихъ по поверхности воды. Кромѣ Индѣйскаго океана, это явленіе, повидимому, не встрѣчается больше нигдѣ.

Между тѣмъ барометръ, все время стоявшій довольно высоко, вдругъ значительно упалъ. Для аэронефа это было неважно, но слѣдовало предполагать, что надъ Тихимъ океаномъ недавно пронеслась страшная буря.

Быль часъ пополудни. Томъ Тернеръ подошелъ къ инженеру и сказалъ:

— Мистеръ Робюръ, поглядите на эту черную точку вонъ тамъ, на горизонтѣ. Вѣдь это, кажется, не утесъ?

— Нѣтъ, Томъ, здѣсь не можетъ быть никакихъ утесовъ.

— Такъ значитъ это корабль или во всякомъ случаѣ лодка.

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ подошли къ разговаривающимъ и посмотрѣли въ ту сторону, куда показывалъ Томъ Тернеръ.

Робюръ велѣлъ подать себѣ морской бинокль и принялся внимательно разсматривать указанную точку.

— Да, это лодка,—сказалъ онъ.—Я положительно могу утверждать, что на ней есть люди.

— Потерпѣвшіе крушеніе?—вскричалъ Томъ Тернеръ.

— Да. Вѣроятно, имъ пришлось покинуть свой корабль и вотъ теперь они носятся по морю, не зная,

куда пристать, умирая быть можетъ отъ голода и жажды... *Альбатросъ* долженъ придти къ нимъ на помощь.

Машинисту отдали приказъ. Аэронефъ началъ медленно опускаться. Остановившись на высотѣ ста метровъ, онъ быстро полетѣлъ на сѣверъ.

Замѣченная точка оказалась дѣйствительно лодкой. Парусъ ея безсильно висѣлъ на мачтѣ. Она не могла плыть за отсутствіемъ вѣтра. Веслами же должно быть на ней никто не въ силахъ былъ дѣйствовать.

На днѣ лодки лежало пять человѣкъ. Они не то спали, измученные усталостью, не то были мертвы.

Долетѣвъ до нихъ, *Альбатросъ* медленно опустился.

На кормѣ лодки можно было прочитать надпись того корабля, которому она принадлежала. Корабль былъ французскій, изъ Нанта, и назывался *Жаннета*.

— О!.. Эй!..—вскричалъ Томъ Тернеръ.

Съ лодки его должны были слышать, потому что аэронефъ былъ всего только въ двадцати-четыре метрахъ надъ нею.

Но отвѣта не было.

— Дать выстрѣлъ изъ ружья!—приказалъ Робюръ.

Приказъ исполнили. Выстрѣлъ далеко прокатился по морю.

Одинъ изъ лежавшихъ въ лодкѣ приподнялся и выставилъ свое исхудалое лицо съ дикими, блуждающими глазами.

Увидя аэронефъ, онъ остолбенѣлъ отъ изумленія.

— Не бойтесь ничего!—крикнулъ Робюръ. — Мы поможемъ вамъ... Кто вы такіе?

— Мы—матросы съ *Жаннеты*, трехмачтоваго купеческаго корабля. Я былъ подшкиперомъ... Корабль потонулъ... двѣ недѣли тому назадъ... и съ тѣхъ поръ мы носимся по морю... у насъ нѣтъ ни воды, ни пищи...

Между тѣмъ, привстали и остальные четверо, лежавшіе въ лодкѣ. На нихъ тоже было страшно смотрѣть: это были совершенные скелеты.

Съ аэронефа спустили веревку, къ которой было привѣшено ведро съ прѣсной водой.

Несчастные набросились на ведро и съ жадностью утолили жажду.

— Хлѣба!.. хлѣба!..—жалобно попросили они, какъ только напились.

Тогда имъ спустили корзинку съ хлѣбомъ, консервами, бутылкой водки и нѣсколькими пинтами кофе. Подшкиперу стоило большого труда уговорить матросовъ, чтобы они осторожниѣе утоляли голодъ.

Затѣмъ подшкиперъ спросилъ:

— Гдѣ мы?

— Въ пятидесяти миляхъ отъ чилийскаго берега и архипелага Хона,—отвѣчалъ Робюръ.

— Спасибо... У насъ нѣтъ вѣтра и...

— Мы васъ возьмемъ на буксиръ.

— Кто вы сами?

— Люди, съ удовольствіемъ готовые оказать вамъ помощь.

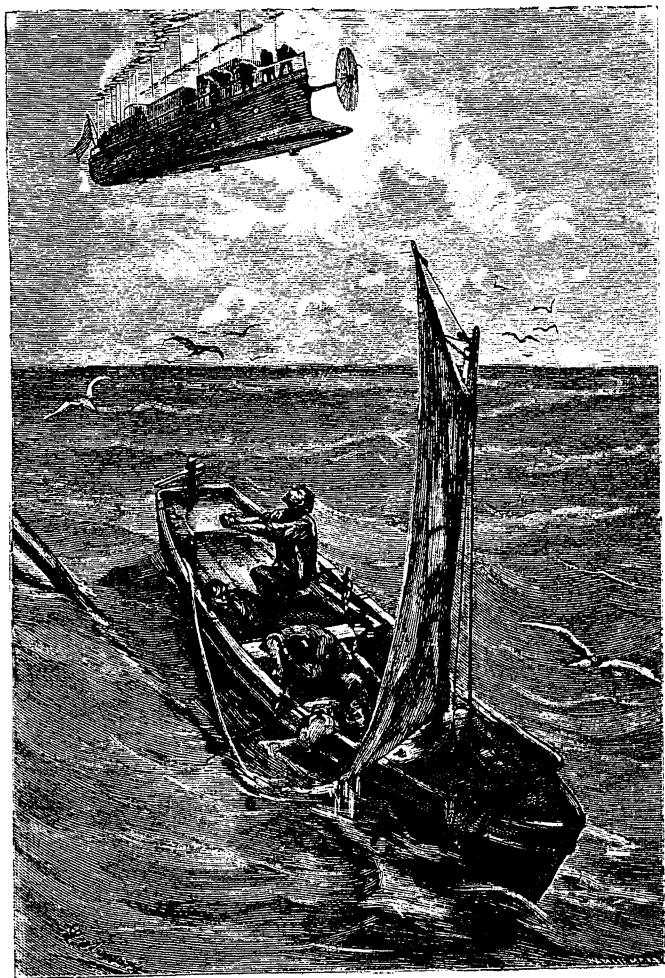
Подшкиперъ понялъ, что ихъ спасители хотятъ сохранить инкогнито, и не сталъ спрашивать. Только онъ сомнѣвался, сможетъ ли эта странная летающая машина справиться съ буксиромъ.

Машина справилась. Она подхватила лодку на канатъ длиною во сто футовъ и повлекла ее на востокъ, точно перышко.

Въ десять часовъ вечера вдали показалась земля, обозначавшаяся огнями, блестящими на берегу сквозь темноту ночи.

У входа въ проливы, протекающіе между Хонскими островами, Робюръ крикнулъ спасеннымъ матросамъ *Жаннетъ*, чтобы они отцѣпили буксиръ, что тѣ и исполнили безъ промедленія, отъ души благословляя своихъ невѣдомыхъ спасителей.

Тутъ даже Филь Эвансъ съ дядей Прюданомъ вынуждены были признаться, что у аэронефа есть большія достоинства. Въ самомъ дѣлѣ, какой воздушный

„Одинъ изъ лежавшихъ въ лодкѣ приподнялся“. (Стр. 207).

шаръ былъ бы въ состояніи сдѣлать что-нибудь подобное?

Между тѣмъ, море было попрежнему неспокойно. Барометръ упалъ еще на нѣсколько миллиметровъ. Налетали такіе сильные шквалы, отъ которыхъ любой парусный корабль успѣлъ бы уже потерпѣть нѣсколько большихъ аварій въ мачтахъ. Направленіе вѣтра было сѣверо-западное.

Къ часу утра вѣтеръ установился и подулъ съ ужа-сающею силой. Аэронефъ, однако, бодро побѣждалъ его сопротивленіе и неуклонно летѣлъ впередъ, хотя уже и далеко не съ прежнею скоростью.

По всѣмъ признакамъ собирался сильный циклонъ, или вертящійся вихрь, гибельный для всякаго судна, которому случится попасть въ этотъ ужасный воздушный мальстремъ. Робюръ это зналъ. Кромѣ того, ему изъ собственнаго опыта было извѣстно, что въ такихъ случаяхъ для аэронефа полезно подняться въ верхніе слои воздуха. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ это средство постоянно удавалось. Но только не нужно было терять ни минуты, ни даже секунды.

Дѣйствительно, сила вѣтра увеличивалась съ каждымъ мигомъ. По морю бѣжали валы, украшенные гребнями сѣдой пѣны. Очевидно, циклонъ приближался съ необыкновенною быстротою.

— Наверхъ!..—крикнулъ Робюръ.

— Есть!.. Поднимается!..—отвѣчалъ Томъ Тернеръ.

Подъемнымъ винтамъ аэронефа сообщили наибольшую скорость, и онъ понесся вверхъ по невидимой наклонной плоскости.

Барометръ упалъ еще ниже, сначала на восемь, потомъ сейчасъ же вслѣдъ затѣмъ еще на двѣнадцать миллиметровъ. И вдругъ *Альбатросъ* пересталъ подниматься.

Что случилось? Что задержало его подъемъ?

Очевидно, быстрое теченіе въ верхнихъ слояхъ воздуха.

Возьмемъ примѣръ, болѣе близкій намъ. Пароходъ, плывя вверхъ по рѣкѣ, силою своего винта борется съ теченіемъ. Допустимъ случай, что сила теченія вдругъ почему-нибудь сдѣлалась равна силѣ винта. Тогда, разумѣется, пароходъ останавливается. То же самое случилось теперь и съ *Альбатросомъ*, только не на водѣ, а въ воздухѣ.

Однако, Робюръ не сложилъ оружія передъ стихійною силой. Онъ рѣшился воспользоваться послѣднимъ запасомъ скорости своихъ семидесяти-четырехъ винтовъ и отдалъ въ этомъ смыслѣ приказаніе... Къ сожалѣнію, оказалось поздно.

Воздушный корабль незамѣтно оказался втянутымъ въ сферу циклона. Борьба съ нимъ онъ уже не могъ. Ему грозила участь превратиться въ жалкую игрушку вѣтровъ.

Среди воя бури Робюръ и Томъ могли переговариваться между собою только знаками. Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ, прислонившись къ периламъ, хладнокровно смотрѣли на борьбу аэронефа съ циклономъ и строили предположенія о томъ, какъ слѣпая стихія сыграетъ имъ въ руку, уничтоживъ и воздушный корабль, и его изобрѣтателя, и секретъ изобрѣтенія.

Но если *Альбатросу* не удалось унести отъ циклона по вертикальному направленію, то нельзя ли было какъ-нибудь спастись отъ него по направленію горизонтальному? Извѣстно, что циклонъ представляетъ изъ себя вертящуюся воздушную воронку, въ центрѣ которой сравнительно тихо. Такъ вотъ нельзя ли было достичь какъ-нибудь центра и тамъ держаться, покуда не уляжется буря?

Едва ли это было возможно. Мало было надежды на то, что аэронефу удастся побѣдить сопротивленіе слоевъ, окружающихъ этотъ центръ.

Вдругъ хлынулъ дождь, и вѣтеръ разомъ изъ крутящагося перешелъ въ прямолинейный; циклонъ превратился въ ураганъ, но за то въ какой ураганъ!.. Съ нимъ можно сравнить развѣ только бурю, разра-

жившуюся 22 марта 1882 года надъ Коннектикутомъ, когда вѣтеръ пробѣгалъ около двухсотъ-пятидесяти верстъ въ часъ.

Теперь оставалось только отдаться на волю вѣтра и летѣть туда, куда онъ помчитъ.

Но это значило летѣть къ полярнымъ странамъ, то-есть именно туда, куда Робюръ не хотѣлъ.

Томъ Тернеръ всталъ къ рулю. Трудно было управлять аэронефомъ въ такую погоду. Для этого требовалась вся ловкость опытнаго воздухоплавателя.

Къ утру, — если только это названіе примѣнимо къ тому сѣренькому, туманному разсвѣту, который чуть заблѣлся на горизонтѣ, — *Альбатросъ* пролетѣлъ пятнадцать градусовъ за мысъ Горнъ и достигъ южнаго полярнаго круга.

Здѣсь въ іюлѣ мѣсяцъ ночь продолжается девятнадцать часовъ съ половиною. Солнечный дискъ, тусклый и негрѣющій, не долго гоститъ на небѣ: не успѣвъ появиться, онъ уже вскорѣ исчезаетъ. На самомъ же полюсѣ въ теченіе семидесяти дней стоитъ совершенно безпросвѣтная ночь.

Если бы можно было произвести въ этотъ день наблюденіе, то оно показало бы 66° 40' южной широты. Слѣдовательно, аэронефъ находился всего въ 1,400 миляхъ отъ Южнаго или антарктическаго полюса.

А ураганъ продолжалъ нести его впередъ съ неослабѣвающей силой. Робюръ, опасаясь какого-нибудь несчастія, приказалъ сдѣлать ходъ поступательныхъ винтовъ, какъ можно медленнѣе, чтобы не увеличивать быстроты урагана собственной скоростью аэронефа. Вообще инженеръ не падалъ духомъ среди всѣхъ этихъ бѣдствій и распоряжался совершенно хладнокровно, какъ будто ему и не думала ежеминутно грозить ужасная катастрофа.

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ все время оставались на палубѣ, не покидая ее ни на одну минуту. Впрочемъ, стоять на ней было довольно сносно, такъ какъ сопротивленіе воздуха было незначительно. Аэро-

нефть находился въ положеніи аэростата, перемѣщающагося не самостоятельно, а вмѣстѣ съ тою средою, которою онъ окруженъ.

Южная полярная страна обнимаетъ собою, какъ говорятъ, пространство въ четыре-милліона-пятьсотъ-тысячъ квадратныхъ миль. Что представляетъ она изъ себя? Материкъ? Архипелагъ? Покрытое вѣчнымъ льдомъ море?—Неизвѣстно. Достоверно одно, что на Южномъ полюсѣ гораздо холоднѣе, чѣмъ на Сѣверномъ. Это происходитъ отъ особенности положенія земли на ея орбитѣ во время антарктической зимы.

Въ этотъ день буря такъ и не выказала ни малѣйшей наклонности утихнуть. *Альбатросъ* вступалъ въ полярную область подъ семьдесятъ-пятымъ западнымъ меридіаномъ. Подъ какимъ меридіаномъ долженъ онъ былъ изъ нея выйти, если только это было ему когда-нибудь суждено?..

Долгота дня все болѣе и болѣе уменьшалась по мѣрѣ движенія на югъ. Вскорѣ *Альбатросу* предстояло вступить въ тотъ вѣчный мракъ, который освѣщается лишь луннымъ свѣтомъ и блѣдными лучами сѣвернаго сіянія. Но въ это время было какъ разъ новолуніе, и воздухоплаватели наши рисковали погрузиться въ совершенную тьму, такъ и не увидавъ полярныхъ тайнъ, до сихъ поръ еще неразоблаченныхъ пытливымъ человечествомъ.

Вѣроятно, *Альбатросъ* уже пронесся надъ тѣми немногими пунктами, которые до сихъ поръ удалось открыть за чертою южнаго полярнаго круга, какъ напримѣръ надъ Грагамовой землею, открытою Бискозъ въ 1832 году, и надъ землею Людовика-Филиппа, открытою въ 1838 году Дюмомъ-Дюрвилемъ. Это—крайніе предѣлы таинственнаго материка, извѣстные намъ нынѣ.

Однако, на бортѣ аэронефа холодъ чувствовался не въ такой степени, какъ бы слѣдовало предполагать. Вѣроятно, ураганъ игралъ въ этомъ случаѣ роль воздушнаго гольфстрема, приносящаго съ собою извѣстное тепло.

А жаль, что темнота мешала рассмотреть хорошенько эту интересную страну. Надо заметить, что даже если бы луна и светила, то все равно поле для наблюдения представилось бы весьма ограниченное. Въ это время всю поверхность полярной области окутывает толстая покрывка снѣга, такъ что не бываетъ видно блика—чрезвычайно оригинальной и красивой игры свѣта на льду. При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, нельзя было разглядѣть подъ аэронефомъ ни горъ, ни безводныхъ рѣкъ, потому что всѣ отдѣльныя формы сливались въ одну абсолютную безформенность.

Незадолго передъ полуночью мракъ озарился сѣвернымъ сіяніемъ, въ видѣ лучистаго вѣера занявшимъ полгоризонта. Крайнія полосы его доходили до созвѣздія Южнаго Креста, четыре звѣзды котораго ярко блестѣли на самомъ зенитѣ; явленіе было необыкновенно-величественное, и свѣтъ его до нѣкоторой степени освѣтилъ таинственную землю.

Въ полярныхъ странахъ стрѣлка компаса постоянно колеблется, такъ что по ней становится совершенно невозможно узнавать направление. Но былъ моментъ, когда наклонъ стрѣлки оказался настолько значителенъ, что Робюръ твердо убѣдился въ близости магнитнаго полюса, какъ извѣстно, не совпадающаго съ земнымъ и лежащаго на шестьдесятъ-восьмой параллели.

Затѣмъ еще черезъ нѣсколько времени—приблизительно около часу утра—инженеръ вычислилъ уголъ, составляемый стрѣлкою съ вертикальною плоскостью, и вскричалъ:

— Подъ нами Южный полюсъ!..

Въ эту самую минуту сѣверное сіяніе погасло, и та воображаемая точка, въ которой сходятся всѣ меридіаны земного шара, осталась попрежнему въ неизвѣстности.

Если дядя Прюданъ и Филь Эвансъ серьезно были не прочь навѣки безслѣдно похоронить аэронефъ и его экипажъ въ самой таинственной пустынѣ, какая только есть на землѣ, то для этого представлялся

теперь въ высшей степени благоприятный случай. Если они имъ не воспользовались, то только потому, что не имѣли подходящаго орудія.

Между тѣмъ, ураганъ продолжалъ свирѣпствовать съ прежнею силой, и если бы на пути *Альбатроса* встрѣтилась какая-нибудь гора, то онъ разбился бы объ нее, какъ корабль, брошенный бурей на скалы.

Дѣйствительно, онъ не только не могъ произвольно руководить собственнымъ движеніемъ въ горизонтальномъ направленіи, но даже и подниматься вверхъ не имѣлъ возможности. Однимъ словомъ, онъ былъ всецѣло игрушкою урагана.

А между тѣмъ, на антарктическомъ континентѣ высились нѣсколько горъ. Каждую минуту грозило столкновение, которое, разумѣется, повлекло бы за собою окончательное разрушеніе аэронефа.

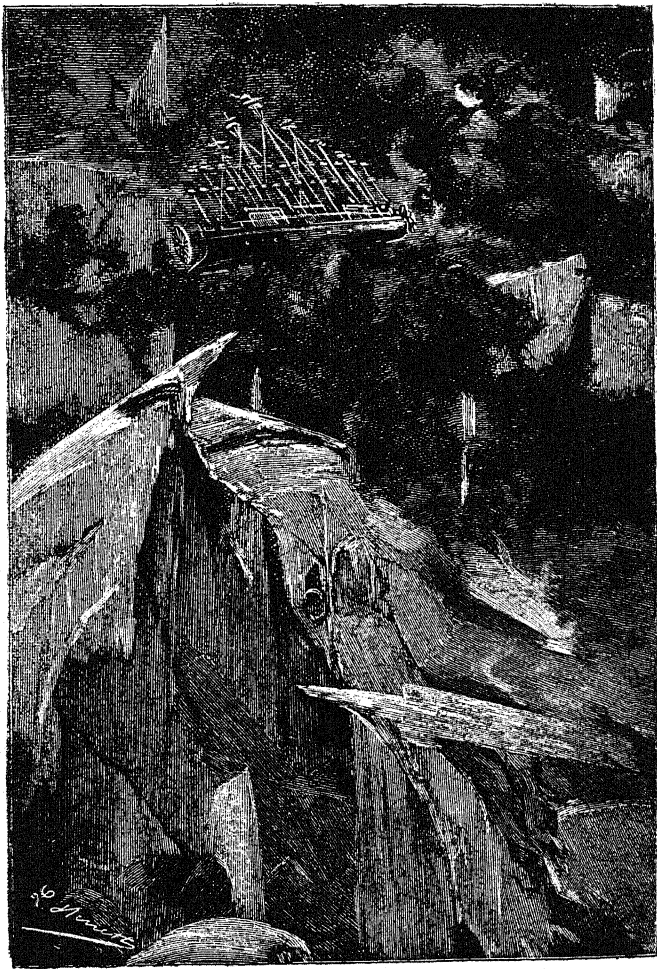
Катастрофа казалась тѣмъ неизбѣжнѣе, что вѣтеръ повернулъ нѣсколько на востокъ, минуя нулевой меридіанъ. Во ста километрахъ впереди *Альбатроса* показались двѣ свѣтлыя точки.

То были Эребъ и Терроръ, два вулкана, составляющіе часть обширной системы Росскихъ горъ.

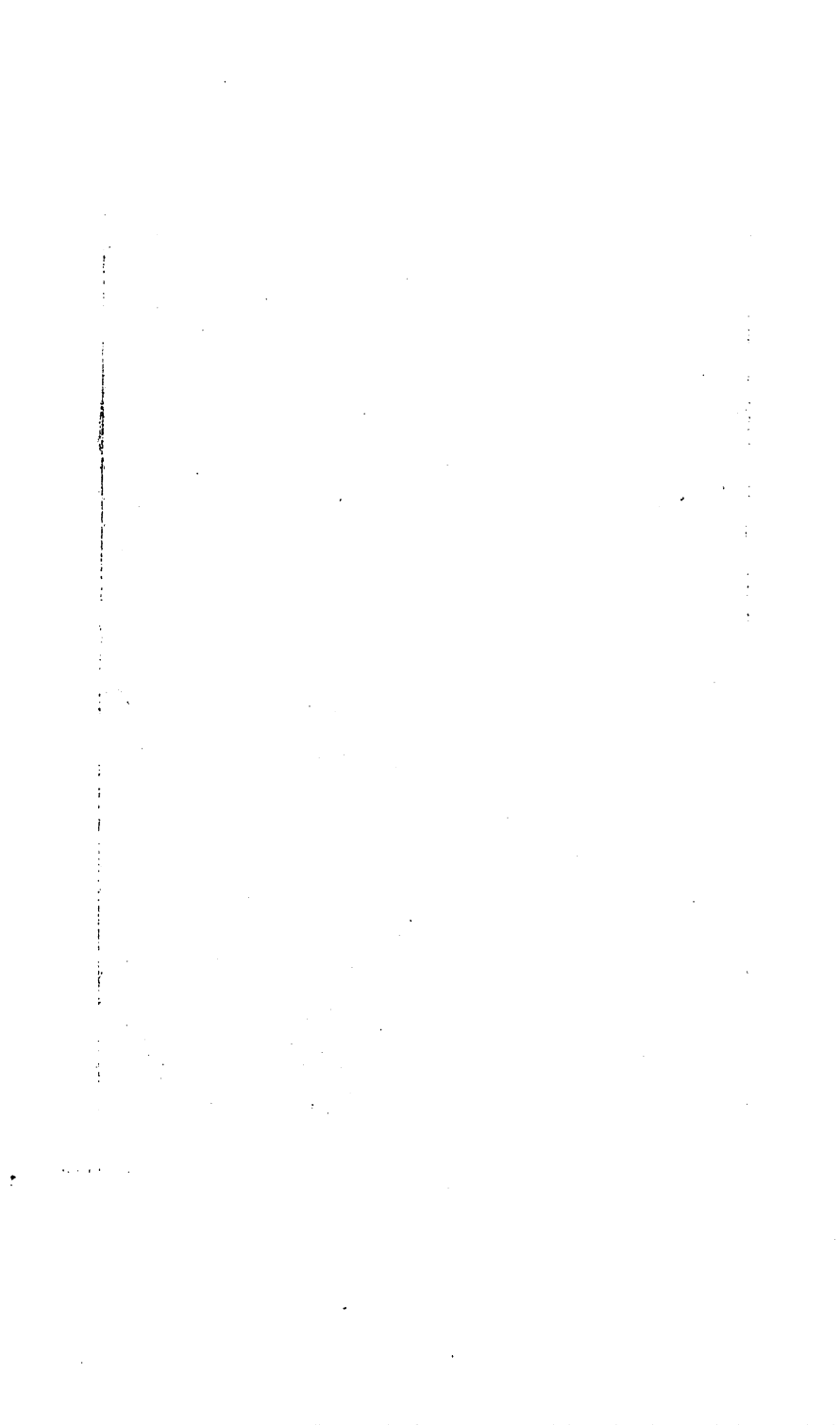
Какъ-то теперь вывернется *Альбатросъ*? Не опалитъ ли онъ себѣ крылышки на ихъ огнѣ, подобно гигантской бабочкѣ?

Прошелъ томительный часъ. Одинъ изъ вулкановъ, именно Эребъ, казалось, несся самъ навстрѣчу аэронефу, увлекаемому ураганомъ. Огненные столбы, вылетавшіе изъ кратера, росли съ каждой минутой. Дорогу преграждала огненная сѣть. На большомъ пространствѣ, ярко освѣщая его, расходилось широкое огненное зарево. Фигуры людей, находившихся на борту аппарата, освѣтились красноватымъ адскимъ огнемъ. Каждый съ сердечнымъ трепетомъ дожидался роковой минуты, когда всѣхъ пассажировъ аэронефа приметъ въ свои страшныя нѣдра раскаленная печь.

Но тотъ же ураганъ, который едва не погубилъ *Альбатроса*, спасъ его отъ ужасной катастрофы. Си-

„Албатросъ, увлекаемый ураганомъ, понесся надъ громадными ледяными горами“... (Стр. 219).

лою вѣтра пламя Эреба нагнулось, прилегло книзу и уступило дорогу воздушному кораблю. Аэронефъ благополучно пронесся надъ огнедышащимъ кратеромъ среди града летѣвшихъ во всѣ стороны частицъ лавы, которыя, къ счастью, отстранялись отъ аппарата центробѣжнымъ дѣйствіемъ его подъемныхъ винтовъ.

Часть спустя, два громадные факела, освѣщающіе край міра въ теченіе долгой полярной ночи, стали постепенно исчезать на горизонтѣ.

Въ два часа утра аэронефъ пролетѣлъ надъ островомъ Баллери, лежащимъ близъ берега новооткрытой шестой части свѣта, но никто этого не замѣтилъ, потому что островъ былъ припаянъ къ антарктическому континенту толстымъ и прочнымъ слоемъ льда.

Вновь пересѣкши полярный кругъ подъ сто-семьдесятъ-пятымъ меридіаномъ, *Альбатросъ*, увлекаемый ураганомъ, понесся надъ громадными ледяными горами, ежеминутно рискуя налетѣть на которую-нибудь изъ нихъ и разбиться. Теперь воздушнымъ кораблемъ правилъ уже не рулевой, а Самъ Богъ... Впрочемъ, Богъ развѣ не самый лучшій кормчій?

Аэронефъ летѣлъ обратно по парижскому меридіану, составляющему уголъ въ сто-пять градусовъ съ тѣмъ, по которому онъ слѣдовалъ, вступая въ антарктическій поясъ.

Наконецъ, за шестидесятою параллелью, ураганъ обнаружилъ наклонность къ паденію. Сила его замѣтно уменьшилась. *Альбатросъ* началъ понемногу овладѣвать своимъ механизмомъ. Затѣмъ, ко всеобщему облегченію, онъ вступилъ въ освѣщенные страны земного шара, и въ девятомъ часу утра появился, наконецъ, свѣтъ.

Вытерпѣвъ циклонъ, Робюръ и его люди перенесли на себѣ благополучно и ураганъ. Они вернулись въ Тихій океанъ, пролетѣвъ надъ всею антарктическою областью и сдѣлавъ семь тысячъ километровъ въ девятнадцать часовъ. На такую скорость не былъ бы способенъ *Альбатросъ* при помощи только однихъ своихъ винтовъ.

Но Робюръ, вслѣдствіе колебанія магнитной стрѣлки, все еще не могъ опредѣлить, гдѣ онъ находится. Приходилось дожидаться солнца, чтобы произвести наблюденія при болѣе благопріятной обстановкѣ. Къ несчастію, во весь этотъ день на небѣ было облачно, и солнце ни разу не выглянуло изъ-за тучъ.

Это было тѣмъ болѣе непріятно, что два поступательныхъ винта потерпѣли довольно значительныя поврежденія.

Робюръ, негодуя на досадный случай, шелъ весь этотъ день сравнительно очень умѣреннымъ ходомъ. Приходилось дѣйствовать какъ можно осторожнѣе, чтобы не увеличить поврежденій. Если бы поврежденные два винта окончательно перестали дѣйствовать, то аэронефу пришлось бы довольно плохо во время полета надъ Тихимъ океаномъ. Поэтому инженеру даже приходило въ голову, не приступить ли къ исправленію аварій сейчасъ же, на мѣстѣ, чтобы обезпечить за собою возможность дальнѣйшаго путешествія.

На другой день, 27 іюля, на сѣверѣ замѣтили землю. Вскорѣ удалось разглядѣть, что это какой-то островъ. Но какой именно?.. Въдѣ Индійскій океанъ весь устѣянъ островами.

Робюръ во всякомъ случаѣ велѣлъ остановить аэронефъ возлѣ острова. Онъ полагалъ, что одного дня будетъ достаточно для исправленія всѣхъ аварій и что вечеромъ уже можно будетъ ѣхать дальше.

Съ борта спустили длинный канатъ въ полтора ста футовъ, съ якоремъ на концѣ. *Альбатросъ* приблизился къ краю острова, якорь соскользнулъ на прибрежные рифы и крѣпко вонзился между двухъ утесовъ. Канатъ натянулся дѣйствіемъ подъемныхъ винтовъ аппарата, и *Альбатросъ* неподвижно повисъ на воздухѣ.

Со времени отлета изъ Филадельфіи это была еще первая остановка съ причаломъ къ землѣ.

ГЛАВА XV,

въ которой рѣчь идетъ о вещахъ, достойныхъ вниманія читателей.

Еще когда *Альбатросъ* находился на значительной высотѣ, съ него уже можно было видѣть, что островъ невеликъ. Но на какой параллели онъ лежалъ? Подъ какимъ меридіаномъ къ нему причалили? Принадлежалъ ли онъ къ Тихому океану или къ Индійскому?... Казалось, что какъ будто скорѣе къ Тихому, но для точнаго опредѣленія приходилось дожидаться солнца.

Съ высоты полутора ста футовъ островъ представлялся трехконечною морскою звѣздою. Близъ юго-восточной оконечности выставлялся изъ моря маленькій островокъ, окруженный частымъ крапомъ утесовъ. На побережьѣ не замѣчалось ни малѣйшаго слѣда прилива, чѣмъ подтверждалось предположеніе Робюра о принадлежности острова къ Тихому океану; такъ какъ въ этомъ океанѣ приливъ и отливъ крайне незначительны.

На сѣверо-западной оконечности возвышалась коническая гора, приблизительно въ тысячу-двѣсти футовъ высоты.

Туземецвъ не было видно, но этимъ ничего не доказывалось, потому что они могли жить на противоположномъ берегу. Наконецъ, они могли съ испугу убѣжать и поспрятаться, увидѣвъ аэронефъ.

Альбатросъ причалилъ къ острову на юго-западномъ концѣ. Неподалеку, журча между утесами, впадалъ въ маленькую бухту ручей. Дальше на заднемъ планѣ виднѣлись извилистыя долины и густыя рощицы, въ которыхъ порхала разнообразная дичь. Если островъ и былъ необитаемъ, то во всякомъ случаѣ вполне годился для того, чтобы на немъ жить.

Инженеръ приступилъ къ работамъ, которыя надѣялся окончить къ вечеру. Подъемные винты были въ отличномъ состояніи, ураганъ нисколько ихъ не испортилъ. Зато два поступательныхъ винта, задній и передній, пострадали сильно, сильнѣе даже, чѣмъ Робюръ предполагалъ. Предстояло выправить у нихъ искривленныя лопасти и сдѣлать переборку всего механизма, приводящаго ихъ въ движеніе.

Покуда шла работа, дядя Прюданъ и его коллега то прохаживались по палубѣ, то присаживались на корму. Что касается Фриколена, то онъ сравнительно успокоился духомъ. Вѣдь большая разница—нестись подъ облаками или неподвижно висѣть всего только на высотѣ полутора-двухъ метровъ надъ землею.

Работу прерывали только два раза для наблюдений, которыя произведены были очень точно и дали слѣдующій результатъ: долгота восточная $176^{\circ} 17'$ по меридіану Ферро, а широта южная $43^{\circ} 37'$.

На картѣ этому пункту соотвѣтствовали островъ Чатамъ и островокъ Виффъ, извѣстные оба подъ именемъ группы Браунтонскихъ острововъ. Они находятся въ пятнадцати градусахъ къ востоку отъ Тавай-Пунаму, южнаго изъ двухъ большихъ новозеландскихъ острововъ на Тихомъ океанѣ.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ Робюръ Тому Тернеру.

— Слѣдовательно, мы находимся...

— Въ сорока-шести градусахъ отъ острова *Иксъ*.

— Непремѣнно нужно хорошенько починить аппаратъ. Перелетъ предстоитъ огромный, насъ могутъ за-

держатъ противные вѣтры, а у насъ такъ мало припасовъ...

— Да, Томъ, я надѣюсь вечеромъ непременно двинуться въ путь, хотя бы пришлось летѣть на одномъ винтѣ... другой можно будетъ починить понемногу дорогой.

— Какъ же, мистеръ Робюръ,—сказалъ Томъ Тернеръ,—а эти джентльмены и ихъ слуга?..

— Развѣ плохо для нихъ будетъ поселиться на островѣ *Иксъ*?

Островъ *Иксъ*? Какой-токой островъ *Иксъ*?—спросить читатель.

Этотъ островъ лежалъ въ Тихомъ океанѣ между экваторомъ и тропикомъ Рака и вполнѣ оправдывалъ алгебраическое названіе, данное имъ Робюромъ, потому что, затерявшись въ глуши Маркизскаго моря, едва ли былъ извѣстенъ кому-нибудь еще, кромѣ нашего инженера. Робюръ основалъ на немъ свою маленькую колонію, и здѣсь *Альбатросъ* отдыхалъ отъ воздушныхъ путешествій. Островъ былъ родиною *Альбатроса*, такъ какъ аэронефъ былъ построенъ на немъ по мысли и подъ руководствомъ Робюра; здѣсь имѣлись мастерскія, въ которыхъ аппаратъ можно было въ случаѣ нужды чинить и поправлять.

Огибая мысъ Горнъ, Робюръ немѣревался летѣть къ острову *Иксъ*, какъ его подхватилъ сначала циклонъ, а потомъ ураганъ, и отнесъ въ противоположную сторону. Теперь до острова было очень далеко и потому Робюръ нашелъ нужнымъ сначала исправить у воздушнаго корабля поврежденія. Съ этою цѣлью онъ и остался на островѣ Чатамъ.

Работа на аэронефѣ кипѣла. Каждый трудился съ усердіемъ, сознавая, что времени терять невозможно. Тѣмъ временемъ дядя Прюданъ и Филь Эвансъ держали между собою важное совѣщаніе.

— Филь Эвансъ, — сказалъ дядя Прюданъ, — вы твердо рѣшились, какъ и я, пожертвовать жизнью?

— Да, какъ и вы.

— Въ послѣдній разъ васъ спрашиваю: ясно ли для васъ, что отъ Робюра намъ больше ожидать нечего?

— Нечего.

— Хорошо, Филь Эвансъ, я рѣшился. *Альбатросъ* отправляется въ путь сегодня на ночь. Сегодня же ночью мы исполнимъ задуманное. Мы подрѣжемъ крылышки Робюровой птицѣ, она нынѣшнею же ночью разлетится въ щепки среди своей покорной стихии.

— Развѣ вы достали, что нужно?

— Да. Прошлою ночью, покуда Робюръ и его приспѣшники хлопотали надъ спасеніемъ аэронефа, я потихоньку слазилъ въ кладовую и досталъ динамитный патронъ.

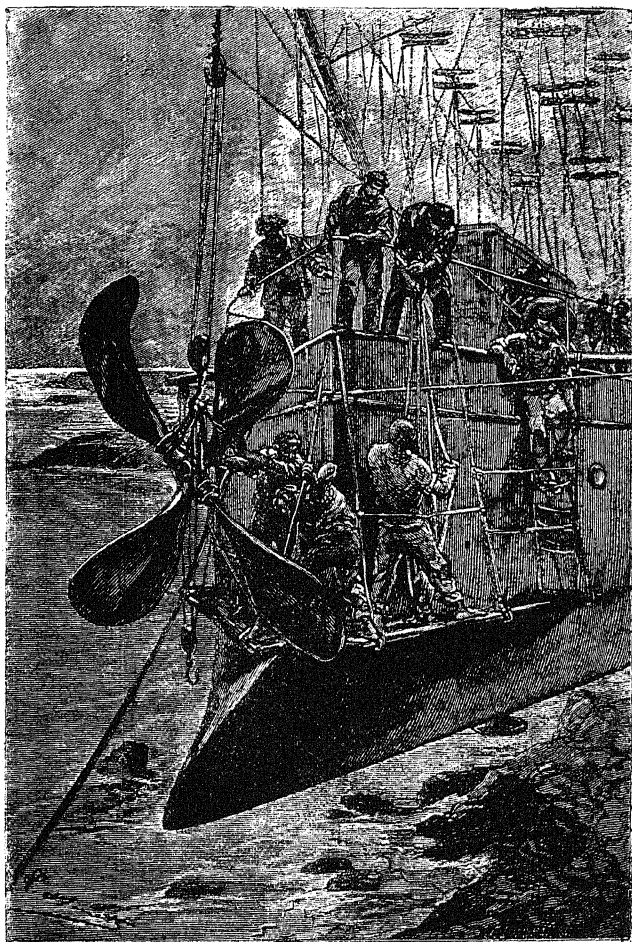
— Дядя Прюданъ, приступимъ къ дѣлу сейчасъ!

— Нѣтъ, подождемъ до вечера. Тогда я уйду къ себѣ въ каюту, а вы караульте, чтобы меня не застали врасплохъ.

Въ шесть часовъ баллонисты пообѣдали какъ обыкновенно. Два часа спустя, они ушли къ себѣ въ каюту, какъ люди уставшіе за день и желающіе хорошо отдохнуть.

Ни Робюръ, ни кто-либо изъ его товарищей не подозрѣвали, какая страшная катастрофа грозитъ воздушному кораблю.

Затворившись у себя въ каютѣ, дядя Прюданъ принялся подробно осматривать украденную имъ въ кладовой бомбу. То былъ металлическій цилиндръ, содержащій въ себѣ около одного килограмма взрывчатаго вещества, — количество вполне достаточное для того, чтобы разнести аэронефъ въ пухъ и прахъ. Если бы даже случилось, что аэронефъ не разлетѣлся вдребезги, то во всякомъ случаѣ весь механизмъ его былъ бы уничтоженъ, и паденіе съ высоты на землю dokonчило бы то, чего не успѣлъ бы сдѣлать взрывъ. Оставалось только положить бомбу въ уголокъ каюты, такъ чтобы она взорвала платформу и потрясла кузовъ.

„Работа на аэронефъ кипъла“. (Стр. 223).

Но, чтобы произвести взрывъ, требовалось воспламенить содержащееся въ цилиндрѣ вещество, въ точности рассчитавъ самый подходящий моментъ.

Дядя Прюданъ разсудилъ такъ: какъ только передній винтъ будетъ починенъ, аэронефъ снова пустится въ путь и полетитъ на сѣверъ. Но по всей вѣроятности дорогой, то-есть уже на-лету, Робюръ примется за исправленіе задняго, еще не починеннаго винта. Тогда близость работающихъ въ каютѣ президента Вельдонскаго института будетъ мѣшать ему въ хлопотахъ надъ взрывомъ бомбы. Поэтому дядя Прюданъ придумалъ употребить въ дѣло фитиль, чтобы произвести взрывъ незамѣтно и какъ разъ тогда, когда это будетъ нужно.

Вотъ что сказалъ онъ по этому поводу своему коллегѣ:

— Вмѣстѣ съ бомбой я взялъ также немного пороху. Изъ него я сдѣлаю фитиль такой длины, чтобы онъ могъ горѣть въ теченіе извѣстнаго времени, и опущу его въ бомбу. Я зажгу его въ полночь, такъ чтобы взрывъ произошелъ между тремя и четырьмя часами утра.

— Превосходно придумано!—отвѣчалъ Филь Эвансъ.

Итакъ баллонисты съ ужасающимъ хладнокровіемъ задумали страшное дѣло разрушенія, отъ котораго предстояло погибнуть и имъ самимъ. До того сильна была въ нихъ ненависть къ Робюру, что они не задумались пожертвовать собственною жизнью, лишь бы только насытить свою месть. Конечно, это было безумно, даже пожалуй предосудительно, но ихъ отчасти извиняло то напряженное состояніе, въ которомъ они находились вотъ уже пять недѣль безъ перерыва.

— А какъ же быть съ Фриколеномъ? — сказалъ Филь Эвансъ.— Имѣемъ ли мы право жертвовать его жизнью?

— Вѣдь мы жертвуемъ же своей!—возразилъ дядя Прюданъ.

Не думаемъ, чтобы такой резонъ показался Фриколену достаточнымъ.

Дядя Прюданъ спѣшно принялся за дѣло, а Филь Эвансъ всталъ на часы.

Весь экипажъ былъ занятъ починкой винта, и баллонисты могли дѣлать что угодно, не опасаясь, что за ними подсматрять.

Дядя Прюданъ началъ съ того, что истолокъ порошокъ въ самый мелкій порошокъ. Слегка намочивъ его, онъ насыпалъ его въ длинный полотняный чохолъ и вышло что-то вродѣ фитиля. Зажегши его, онъ убѣдился, что фитиль горитъ со скоростью пяти сантиметровъ въ десять минутъ, то-есть одного метра въ три съ половиною часа. Тогда онъ затушилъ фитиль, свилъ его въ шнуръ и прикрѣпилъ къ капсюлю патрона.

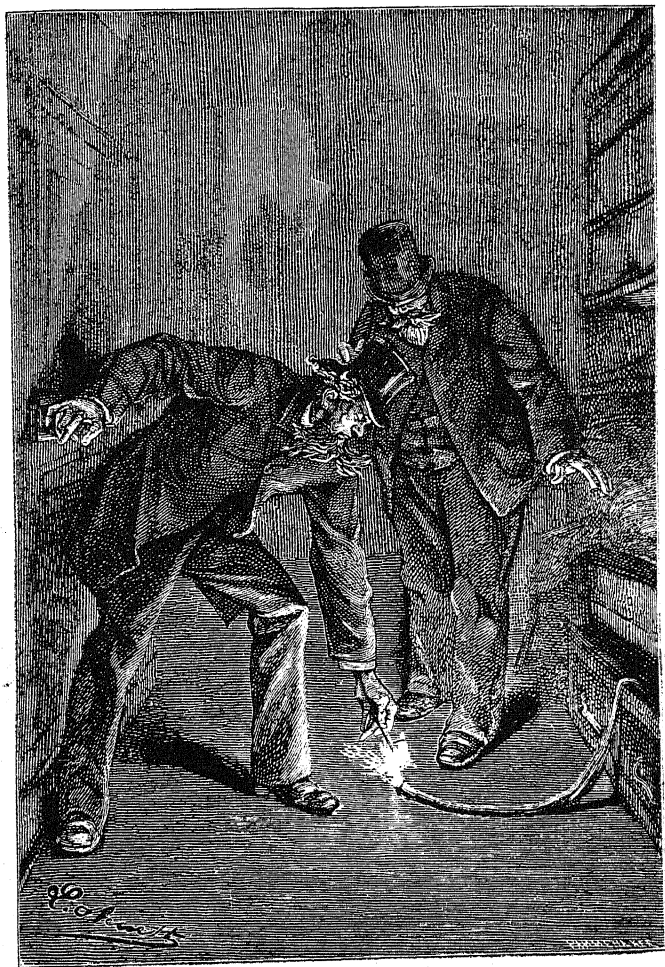
Эта работа окончилась къ десяти часамъ вечера, не возбудивъ ни въ комъ ни малѣйшаго подозрѣнія.

Тогда Филь Эвансъ покинулъ свой постъ передъ каютой и присоединился къ товарищу.

Въ теченіе дня экипажъ аэронефа очень дѣятельно трудился надъ исправленіемъ винта, но тѣмъ менѣе работа не была окончена. Оставалось сдѣлать еще довольно много, а между тѣмъ уже наступала ночь. Поговоривъ съ Томомъ Тернеромъ, инженеръ рѣшился дать людямъ отдыхъ и отложить недодѣланное до слѣдующаго дня, тѣмъ болѣе, что вставлять починенный винтъ на мѣсто гораздо лучше было при дневномъ свѣтѣ, чѣмъ ночью при искусственномъ освѣщеніи.

Филь Эвансъ и дядя Прюданъ этого не знали. Основываясь на слышанномъ отъ Робюра раньше, они были твердо увѣрены, что ночью воздушный корабль снова предприметъ полетъ на сѣверъ. Поэтому они думали, что аэронефъ уже отчалилъ отъ острова, тогда какъ онъ все еще стоялъ на мѣстѣ. Это обстоятельство переворачивало вверхъ дномъ всѣ ихъ проекты.

Ночь была темная, хоть глазъ выколи. Безлунное небо застилали густыя тучи, еще болѣе увеличивая

„Дядя Прюданъ зажегъ фитиль съ одного конца...“ (Стр. 231).

темноту. Чувствовался маленькій вѣтерокъ, обнаруживавшій наклонность покрѣпчать. Между тѣмъ *Альбатросъ* продолжалъ неподвижно висѣть на крѣпко натянутомъ канатѣ.

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ сидѣли у себя въ каютѣ и молчали, прислушиваясь къ шурушанію подъемныхъ винтовъ, покрывавшему на кораблѣ всѣ остальные звуки. Они дожидались условнаго часа.

Незадолго до полуночи дядя Прюданъ произнесъ:

— Пора!

Въ каютѣ, въ углу, имѣлся выдвижной ларь. Филь Эвансъ положилъ въ него динамитную бомбу съ фитилемъ. Такимъ образомъ фитиль могъ очень удобно тлѣть въ ящикѣ, не обнаруживая себя запахомъ гари. Дядя Прюданъ зажегъ его съ одного конца, захлопнулъ ларь и сказалъ:

— Теперь пойдемъ на палубу и будемъ ждать.

Оба вышли изъ каюты и прежде всего удивились, что рулевого не было у кормы.

Тогда Филь Эвансъ перегнулся черезъ перила и удивился еще больше.

— *Альбатросъ* стоитъ на мѣстѣ! — сказалъ онъ шопотомъ товарищу. — Работа не кончена. Онъ не могъ полетѣть сегодня.

Дядя Прюданъ сдѣлалъ движеніе досады.

— Если такъ, то нужно погасить фитиль.

— Нѣтъ!.. Нужно спастись!.. — возразилъ Филь Эвансъ.

— Спастись?

— Да. По канату, на которомъ спущенъ якорь. Всего-то придется спуститься на полтора фута. Это пустяки.

— Правда, Филь Эвансъ. Мы будемъ дураки, если не попробуемъ. Такой случай прекрасный... неужели его пропускать?

Они вернулись въ каюту и взяли съ собой все, что могли захватить на случай болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія на островѣ Чатамъ. Послѣ

этого, плотно притворивъ за собою дверь, они отправились въ носовую часть корабля.

Они собирались разбудить Фриколена и заставить его бѣжать вмѣстѣ съ собою.

Темнота была непроглядная. До того времени неподвижныя тучи начали передвигаться по небу въ юго-западномъ направленіи. Аэронефъ понемногу сталъ поворачиваться на якорѣ, такъ-что спускъ по канату сдѣлался предпріятіемъ очень рискованнымъ. Но разумѣется, это не могло удержать людей, которые только-что собирались взорвать самихъ себя на воздухъ.

Баллонисты тихо крались по платформѣ, отъ времени до времени пріостанавливаясь и прислушиваясь. Но кругомъ все было тихо. Въ окнахъ рубокъ не видно было свѣта. На кораблѣ была не просто тишина, а прямо сонное царство.

Подходя къ каютѣ Фриколена, Филь Эвансъ остановился и шепнулъ:

— Караульный!

Около рубки дѣйствительно лежалъ человѣкъ. Если онъ и спалъ, то вѣроятно очень чутко, скорѣе же только дремалъ. Бѣгство становилось невозможнымъ. Онъ могъ услышать и подать тревогу.

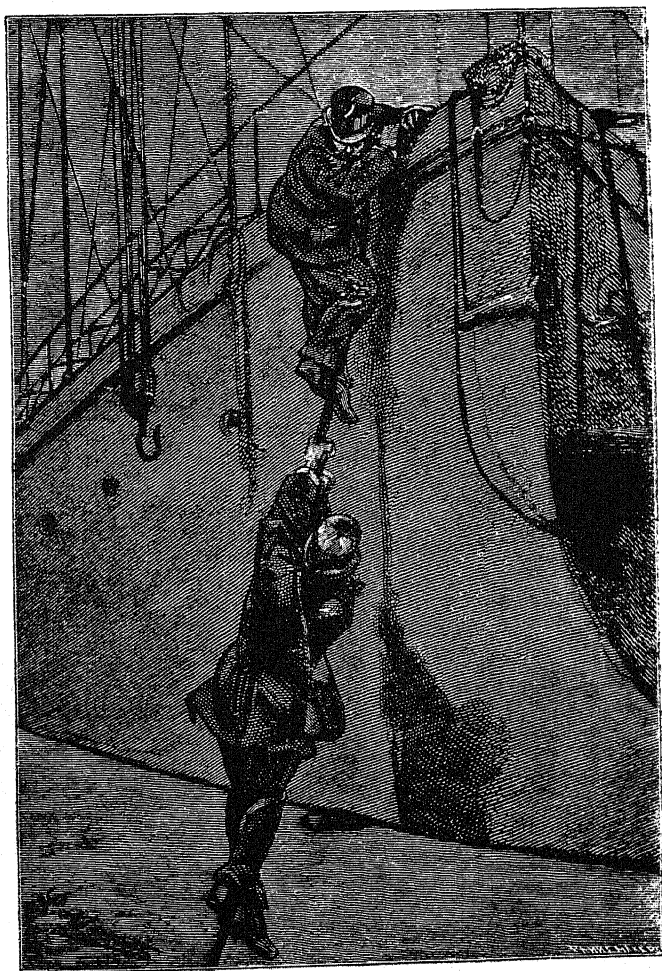
Неподалеку валялись веревки и куски полотна, употреблявшіеся при починкѣ винта.

Въ одну минуту часового скрутили веревками, заткнули ему ротъ и потомъ привязали несчастнаго къ столбу балюстрады, такъ что онъ не могъ ни шевельнуться, ни пикнуть.

Все это совершилось тихо, безъ малѣйшаго шума.

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ прислушались... На бортѣ воздушнаго корабля попрежнему все было тихо. Всѣ люди крѣпко спали послѣ трудового дня.

Бѣглецы—я думаю ихъ уже можно называть этимъ именемъ—подошли къ каютѣ, въ которой помѣщался Фриколенъ. Дверь была отворена, и обычнаго храпѣнія не было слышно. Дядя Прюданъ вошелъ въ каюту, дошелъ до половины ея и вернулся назадъ.

„Бѣглецы, не колеблясь, уцѣпились обѣими руками за канатъ, обхватили его ногами, быстро спустились внизъ“... (Стр. 235).

— Тамъ его нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Неужели нѣтъ? Куда же онъ могъ дѣваться?—пробормоталъ Филь Эвансъ.

Оба они пошли, крадучись, дальше по палубѣ, полагая, что негръ спитъ тамъ гдѣ-нибудь въ углу.

Фриколена не было и тамъ.

— Неужели этотъ негодяй опередилъ насъ?—сказалъ дядя Прюданъ.

— Все равно, мы не можемъ его дожидаться,—отвѣчалъ Филь Эвансъ.—Идемъ!

Бѣглецы, не колеблясь, уцѣпились обѣими руками за канатъ, обхватили его ногами, быстро спустились внизъ и очутились на землѣ по добру, по здорову.

Какъ хорошо, какъ весело было имъ ступать по твердому грунту послѣ продолжительнаго летанія по воздуху! Давно не испытывали они такого наслажденія.

Они собрались идти внутрь острова, слѣдуя теченію рѣчки, какъ вдругъ передъ ними выросла какая-то тѣнь.

То былъ Фриколень.

Да. У негра явилась та же мысль, что и у его барина, и даже нашлось достаточно смѣлости, чтобы привести ее въ исполненіе прежде господъ.

Дядя Прюданъ разсердился, но такъ какъ теперь ему было не до упрековъ лакею, то онъ махнулъ на него рукою и приготовился отыскивать на островѣ какое-нибудь убѣжище. Его остановилъ Филь Эвансъ и сказалъ:

— Послушайте, дядя Прюданъ. Мы теперь вырвались изъ-подъ власти Робюра. Онъ и его приспѣшники обречены на ужасную смерть. Конечно, онъ въполнѣ ее заслужилъ, но если бы онъ далъ честное слово, что не станетъ насъ преслѣдовать...

— Честное слово! Да развѣ у подобнаго человѣка можетъ быть честное слово?..

Дядя Прюданъ не договорилъ. На борту *Альбатроса* поднялась суматоха.

— Ко мнѣ!.. Ко мнѣ!..—кричалъ тамъ чей-то голосъ.

Караульному удалось, наконецъ, освободить свой ротъ отъ затычки. По платформѣ началась торопливая бѣготня. Въ ту же минуту вспыхнули электрическіе фонари и освѣтили на большое разстояніе мѣстность вокругъ аэронефа.

— Вотъ они!.. Вотъ они!..—крикнулъ Томъ Тернеръ.

Бѣглецовъ увидали.

Въ ту же минуту, по приказанію Робюра, отданному громкимъ голосомъ, вращеніе подъемныхъ винтовъ замедлилось, и *Альбатросъ* началъ опускаться на землю, втягивая на бортъ якорный канатъ.

Тогда послышался отчетливый, звучный голосъ Филя Эванса:

— Инженеръ Робюръ, дадите ли вы честное слово оставить насъ въ покоѣ на здѣшнемъ островѣ?

— Никогда!—вскричалъ Робюръ.

И вслѣдъ за этимъ отвѣтомъ грянулъ ружейный выстрѣлъ. Пуля слегка задѣла Филя Эванса въ плечо.

— Ахъ, дрянъ!—вскричалъ дядя Прюданъ.

Съ ножомъ въ рукѣ онъ бросился къ утесамъ, между которыми торчалъ якорь аэронефа. *Альбатросъ* находился отъ земли не выше пятидесяти футовъ...

Въ нѣсколько секундъ дядя Прюданъ перерѣзалъ канатъ, а вѣтеръ, тѣмъ временемъ ощутительно посвѣжѣвшій, подхватилъ воздушную машину наискось и понесъ ее надъ моремъ на сѣверо-востокъ.

„Въ нѣсколько секундъ дядя Приданъ перерѣзалъ канатъ“... (Стр. 236).

ГЛАВА XVI,

послѣ которой читатель останется въ досадномъ недоумѣніи.

Было двадцать минутъ перваго ночи. Съ аэронефа хлопнуло еще пять или шесть ружейныхъ выстрѣловъ. Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ укрылись за утесами. Пули въ нихъ не попали. Вообще теперь имъ покуда нечего было бояться.

Уносясь отъ острова Чатама, *Альбатросъ* одновременно съ тѣмъ поднялся на высоту девятисотъ метровъ. Чтобы не упасть въ море, ему пришлось пустить въ ходъ всю силу своихъ подъемныхъ винтовъ.

Вотъ что произошло на аэронефѣ, когда часовой, освободивши ротъ отъ затычки, поднялъ тревогу.

Робюръ и Томъ Тернеръ подбѣжали къ несчастному и сняли съ него веревку, а потомъ кинулись въ каюту дяди Прюдана и Филья Эванса... Баллонистовъ и слѣдъ простылъ.

Въ свою очередь Франсуа Тапажъ обыскалъ каюту Фриколена; она была пуста.

Убѣдившись, что плѣнники убѣжали, инженеръ пришелъ въ страшный гнѣвъ. Бѣгство баллонистовъ разоблачало для всѣхъ его тайну, чего именно онъ и не хотѣлъ. Если до сихъ поръ его мало беспокоила брошенная ими записка, то только потому, что онъ считалъ ее безслѣдно пропавшею. Но теперь!..

Однако, онъ вскорѣ успокоился и сказалъ:

— Они убѣжали. Хорошо. Но вѣдь раньше, какъ черезъ нѣсколько дней, имъ не уѣхать съ острова Чатама, а до тѣхъ поръ я успѣю вернуться и отыщу ихъ. Только ужъ пусть они пеняютъ тогда на себя.

Дѣйствительно, спасеніе бѣглецовъ было далеко еще не обезпечено. *Альбатросъ* могъ овладѣть своимъ механизмомъ и вернуться на островъ по прошествіи нѣсколькихъ часовъ.

По прошествіи нѣсколькихъ часовъ!.. А заложенная динамитная мина? Вѣдь она черезъ два часа уничтожитъ аэронефъ...

Между тѣмъ вѣтеръ крѣпчалъ и уносилъ воздушный корабль все далѣе и далѣе на сѣверъ. Хотя *Альбатросъ* летѣлъ и не особенно быстро, но къ утру островъ Чатамъ непременно скроется у него изъ вида.

Чтобы летѣть противъ вѣтра, нужно было имѣть хотя одинъ годный поступательный винтъ.

— Томъ,—сказалъ инженеръ,—зажги фонари полнымъ свѣтомъ...

— Есть, мистеръ Робюръ.

— И всѣ за работу!..

— Есть!—отвѣчалъ помощникъ.

Откладывать работу до другого дня было теперь невысказано. Никто не думалъ объ усталости, каждый горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе вернуться на островъ Чатамъ и изловить опять плѣнниковъ. Лишь послѣ этого предполагалось починить, наконецъ, задній винтъ и полетѣть уже какъ слѣдуетъ къ острову *Иксъ*.

Тѣмъ временемъ, однако, нужно было принять какія-нибудь мѣры, чтобы аэронефъ не унесло вѣтромъ слишкомъ далеко на сѣверъ. Вѣтеръ постоянно усиливался, а между тѣмъ у воздушнаго корабля не было никакихъ средствъ ему противиться. Лишенный поступательныхъ винтовъ, *Альбатросъ* превратился въ

аэростатъ, которымъ нельзя управлять. Стоя на берегу, бѣглецы видѣли, что онъ готовъ исчезнуть изъ вида прежде, чѣмъ послѣдуетъ взрывъ бомбы.

Такое положеніе дѣла безпокоило Робюра. Онъ боялся опоздать возвращеніемъ на Чатамъ. Чтобы этого не случилось, инженеръ велѣлъ спуститься пониже, надѣясь, что воздушное теченіе окажется въ нижнихъ слояхъ слабѣе. Маневръ исполнили съ замѣчательною точностью и быстротой. Если бы неподалеку плылъ какой-нибудь корабль, то какъ испугались бы люди, увидавъ маневрирующий въ воздухѣ аэронефъ, весь залитый электрическимъ свѣтомъ!

Спустившись на нѣсколько сотъ футовъ надъ моремъ, *Альбатросъ* остановился.

Къ несчастію, вскорѣ открылось, что въ нижнихъ слояхъ воздуха вѣтеръ дулъ еще сильнѣе, и аэронефъ понесся еще съ большею быстротою. Онъ рисковалъ унестиcя слишкомъ далеко на сѣверо-востокъ и запоздать возвращеніемъ на Чатамъ.

Послѣ нѣсколькихъ попытокъ пришлось убѣдиться, что выгоднѣе оставаться наверху, гдѣ атмосфера была уравновѣшеннѣе. Поэтому *Альбатросъ* вновь поднялся на высоту трехъ тысячъ метровъ. Здѣсь, если онъ и не оставался въ покоѣ, то во всякомъ случаѣ двигался гораздо тише, и Робюръ надѣялся на слѣдующій день утромъ удалиться не слишкомъ далеко отъ острова, географическое положеніе котораго онъ успѣлъ опредѣлить съ полною точностью.

Что касается до вопроса, какое положеніе относительно плѣнниковъ займутъ туземцы острова, если они есть, то имъ Робюръ очень мало интересовался. Что могутъ сдѣлать *Альбатросу* туземцы, если даже вздумаютъ помогать противъ него бѣглецамъ? Онъ ихъ разсѣетъ въ одну минуту, какъ волкъ робкое стадо. Въ томъ, что плѣнники снова будутъ пойманы, Робюръ не сомнѣвался ни на одинъ мигъ.

— Съ острова *Иксъ* не бѣгаютъ!—говорилъ инженеръ.

Къ часу ночи передній винтъ починили. Оставалось только вставить его на прежнее мѣсто, на что требовался еще часъ времени. Сдѣлавъ это, *Альбатросъ* полетитъ на юго-западъ, а потомъ починить и другой винтъ.

Да, все это такъ... А фитиль, тлѣвшій въ каютѣ и уже сгорѣвшій на одну треть? А искра, все ближе и ближе подходившая къ динамитной бомбѣ?..

Если бы экипажъ аэронефа не былъ такъ занятъ работой, то вѣроятно кто-нибудь изъ людей услышалъ бы въ каютѣ подозрительное потрескиваніе горѣвшаго фитиля, почувствовалъ бы запахъ пороха и доложилъ бы Робюру или Тому Тернеру. Тогда стали бы искать во всѣхъ углахъ и нашли бы спрятанный разрывной снарядъ. Быть можетъ, тогда бы еще не поздно спасти отъ гибели воздушный корабль и людей, на немъ ѣхавшихъ...

Но всѣ были слишкомъ заняты работой и вдобавокъ находились на носу корабля, то-есть метрахъ въ двадцати отъ бывшей каюты плѣнниковъ. Робюръ самъ стоялъ тамъ же, работая вмѣстѣ съ другими. Онъ во что бы то ни стало хотѣлъ поймать бѣглецовъ. Если этого не случится, то тайна Робюра откроется, сдѣлаютъ разысканіе, отыщутъ островъ *Иксъ*—и тогда прощай то величественное, надземное, внѣ-человѣческое существованіе, которое устроили себѣ строители *Альбатроса*.

Въ эту минуту Томъ Тернеръ подошелъ къ своему начальнику. Было четверть второго.

— Мистеръ Робюръ, — сказалъ онъ, — вѣтеръ какъ-будто падаетъ, перемѣняясь на западъ.

— А что барометръ? — спросилъ инженеръ, внимательно приглядываясь къ небу.

— Почти безъ перемѣны, — отвѣчалъ помощникъ. — Впрочемъ, подъ *Альбатросомъ* облака стали какъ будто ниже.

— Очень возможно, Томъ Тернеръ, что надъ моремъ будетъ дождь. Но если мы останемся наверху,

то для насъ онъ ровно ничего не значитъ. Работѣ нашей не будетъ помѣхи.

— Если пойдетъ дождь, то вѣроятно внизу вѣтеръ будетъ тише, — возразилъ Томъ Тернеръ.

— Конечно, Томъ, но по-моему все-таки рано еще опускаться. Исправимъ сперва поврежденія, а тамъ видно будетъ.

Въ самомъ началѣ третьяго первая часть работы окончилась. Задній винтъ вставили на мѣсто и соединили съ механизмомъ. Аэронефъ со среднею скоростью полетѣлъ къ острову Чатаму.

— Томъ, — сказалъ Робюръ, — насъ несло вѣтромъ всего два часа съ небольшимъ. Поэтому я думаю, что черезъ часъ мы уже достигнемъ острова.

— Я тоже думаю, мистеръ Робюръ, потому что мы пролетаемъ теперь двѣнадцать метровъ въ секунду. Въ три или четыре часа утра *Альбатросъ* будетъ тамъ, откуда его снесло.

— И это будетъ очень хорошо, Томъ, потому что для насъ лучше причалить ночью, чтобы насъ не увидели. Бѣглецы, не ожидая нашего возвращенія, вѣроятно не будутъ остерегаться. *Альбатросъ* мы спрячемъ гдѣ-нибудь за скалою, и даже если бы намъ пришлось провести на островѣ нѣсколько дней...

— Мы проведемъ ихъ, мистеръ Робюръ, и даже если бы пришлось бороться съ цѣлой ордой туземцевъ...

— То мы будемъ бороться, Томъ, будемъ бороться за свой аэронефъ...

Съ этими словами инженеръ обернулся къ своимъ людямъ, дожидавшимся дальнѣйшихъ приказаній, и сказалъ:

— Друзья, еще не время отдыхать. Придется поработать до утра.

Никто противъ этого ничего не имѣлъ.

Дѣло шло теперь о томъ, чтобы починить задній винтъ, какъ починили передній. Поврежденія у обоихъ были одинаковыя. Но для этого нужно было оста-

новить на время аэронефъ или даже еще лучше дать ему задній ходъ. По приказанію Робюра, такъ и сдѣлали. *Альбатросъ* началъ медленно двигаться задомъ.

Всѣ приготовились къ переходу на кормовую сторону аэронефа, какъ вдругъ Томъ Тернеръ съ удивленіемъ почувствовалъ какой-то въ высшей степени странный запахъ.

Пахло гарью изъ каюты плѣнниковъ.

— Странно!—сказалъ помощникъ Робюра.

— Что такое?—спросилъ инженеръ.

— Неужели вы не слышите? Пахнетъ какъ будто жженымъ порохомъ.

— Правда, Томъ, такъ и есть.

— И пахнетъ какъ будто изъ задней рубки.

— Да... изъ ихъ каюты.

— Неужели эти негодяи сдѣлали поджогъ?..

— Поджогъ ли только?..—вскричалъ Робюръ.—Выломайте-ка дверь, Томъ. Выломайте дверь!

Но едва Томъ Тернеръ успѣлъ сдѣлать шагъ впередъ, какъ раздался ужасный взрывъ. Всѣ рубки разлетѣлись вдребезги. Всѣ лампы разомъ погасли, потому что прекратился электрическій токъ. Настала совершенная темнота.

Большая часть подъемныхъ винтовъ или погнулись или сломались, но нѣкоторые изъ нихъ, поближе къ кормѣ, еще продолжали вертѣться.

Вдругъ позади первой рубки кузовъ аэронефа немного разсѣлся, и задняя часть платформы обрушилась въ пустоту.

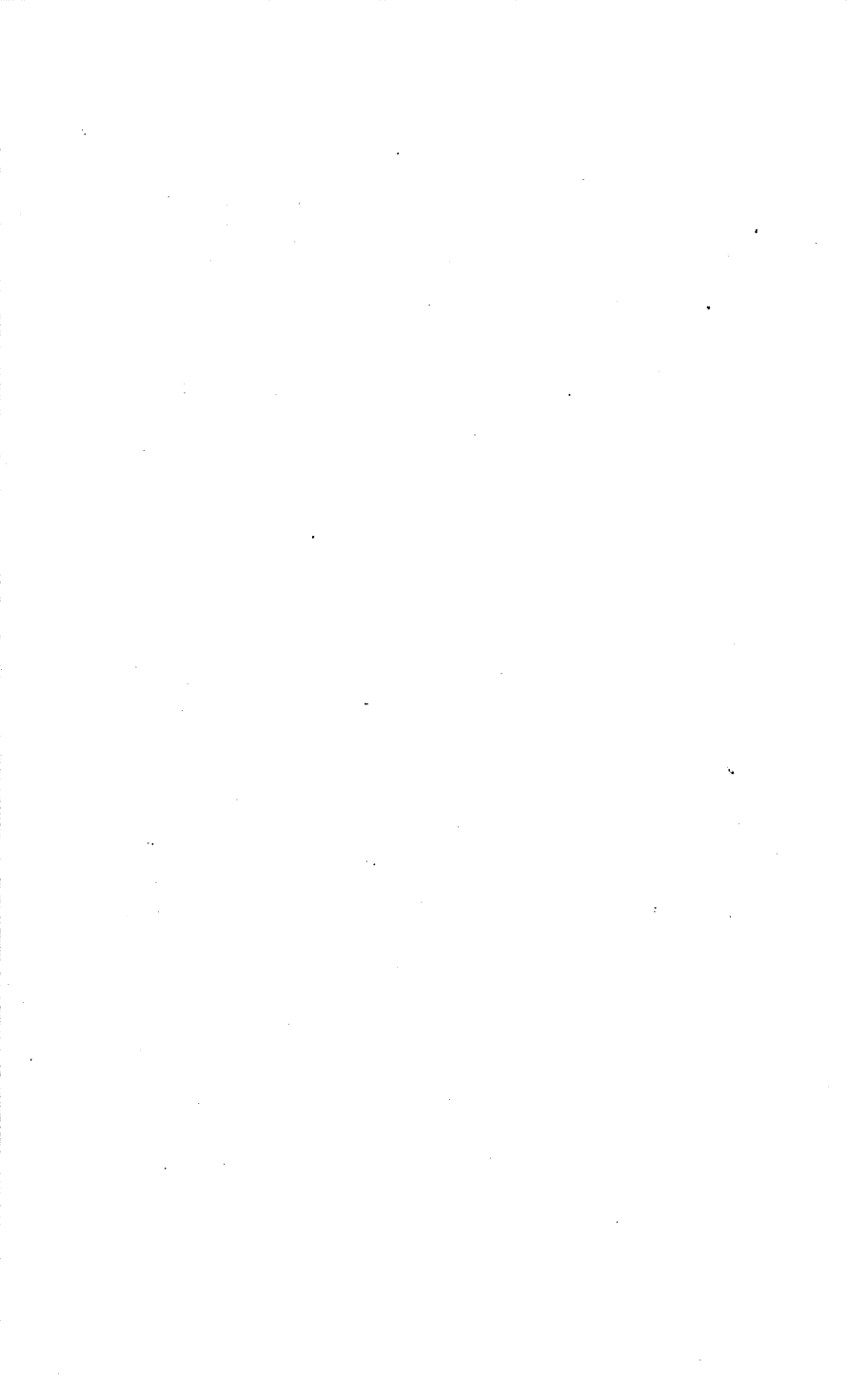
Почти въ ту же минуту остановились послѣдніе подъемные винты, и *Альбатросъ* низринулъ въ бездну.

Для восьми человѣкъ, уцѣпившихся за обломки, это было паденіемъ съ высоты трехъ тысячъ метровъ.

Паденіе было тѣмъ быстрѣе, что передній поступательный винтъ принялъ вертикальное положеніе и продолжалъ еще дѣйствовать.

„Робюръ, даже и тутъ, среди полного крушенія, не потерявшій присутствія духа, схватилъ рычагъ и перемѣнилъ направленіе вертящагося винта“. (Стр. 247)

Тогда Робюръ, даже и тутъ, среди полного крушенія, не потерявшій присутствія духа, пробрался въ полуразрушенную рубку, схватилъ рычагъ и переѣвилъ направленіе вертящагося винта, сдѣлавъ его изъ поступательнаго подъемнымъ.

Паденіе, конечно, замедлилось, но все-таки мало. Хорошо, впрочемъ, было уже и то, что оно сдѣлалось равномернымъ, а не равномерно-ускорительнымъ, какъ прежде. Если уцѣлѣвшихъ и ожидала все-таки смерть, то во всякомъ случаѣ смерть отъ волнъ морскихъ, а не отъ удушенія вслѣдствіе быстроты, съ которой они падали внизъ по воздуху.

Минуты полторы спустя послѣ взрыва, обломки *Альбатроса* навсегда погрузились въ волны...

ГЛАВА XVII,

въ которой сначала возвращаются за два мѣсяца назадъ, а потомъ перескакиваютъ черезъ три мѣсяца впередъ.

За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, 13 іюня, на другой день послѣ извѣстнаго уже намъ бурнаго засѣданія Вельдонскаго института, вся Филадельфія пришла въ страшное волненіе.

Во-первыхъ, какой-то нахаль, какой-то инженеръ Робюръ-Побѣдитель, позволилъ себѣ оскорбить почтенное общество баллонистовъ и затѣмъ скрылся неизвѣстно куда.

Во-вторыхъ, президентъ и секретарь Вельдонскаго института самымъ непонятнымъ образомъ исчезли изъ города, не оставивъ по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ.

Весь этотъ день многочисленная толпа осаждала почтовые и телеграфныя отдѣленія, ожидая узнать что-нибудь объ исчезнувшихъ, но все было напрасно. Ихъ друзья были безутѣшны.

Прошелъ еще день, еще и еще, прошла недѣля, прошло двѣ недѣли, три... о пропавшихъ ни слуху, ни духу.

Въ Фермонтскомъ паркѣ обыскали каждое деревцо, каждый кустикъ, каждую былинку... Нигдѣ ничего...

Впрочемъ, при осмотрѣ лужайки въ паркѣ оказалось, что трава на ней какъ-то подозрительно измята. На опушкѣ деревьевъ отыскиались слѣды какъ будто борьбы.

„На опушкѣ деревьевъ отыскались слѣды какъ будто борьбы“. (Стр. 248).

Неужели на баллонистовъ напали злодѣи?

Очень возможно. Полиція сбилась съ ногъ. Обшарили всѣ берега Скуйлькиль-Ривера, ощупали баграми все дно—ничего не нашлось.

Тогда прибѣгли къ самой широкой гласности. Во всѣ газеты Союза были разосланы объявленія. *Daily negro*, специально-негритянская газета, даже помѣстила у себя портретъ Фриколена, снятый съ послѣдней его фотографіи. Обѣщаны были щедрыя награды тому, кто отыщетъ или укажетъ пропавшихъ.

— Пять тысячъ долларовъ!.. Пять тысячъ долларовъ!.. — крупными буквами было пропечатано во всѣхъ объявленіяхъ и афишахъ...

Ничто не помогало. Пять тысячъ долларовъ оставались лежать въ кассѣ Вельдонскаго института, а дядя Прюданъ и Филь Эвансъ продолжали находиться неизвѣстно гдѣ.

Въ дѣлахъ общества баллонистовъ начался беспорядокъ и застой, а между тѣмъ работы по устройству *Goahead'a* быстро приближались къ концу. Пора было подумать объ его полетѣ, но члены общества рѣшили отложить исполненіе предпріятія до тѣхъ поръ, покуда не отыщутся дядя Прюданъ съ Филемъ Эвансомъ.

Какъ разъ въ это время снова возникъ вопросъ о феноменѣ, взволновавшемъ умы нѣсколько недѣль тому назадъ.

Дѣйствительно, странный предметъ вновь былъ нѣсколько разъ замѣченъ въ верхнихъ слояхъ атмосферы. Конечно, никому и въ голову не приходило устанавливать какую-нибудь связь между этимъ явленіемъ и пропажей двухъ членовъ Вельдонскаго клуба; требовалось поистинѣ разнузданное воображеніе, чтобы такъ или иначе сопоставить между собою эти два совершенно разнородные факта, не имѣющіе между собою ничего общаго.

Какъ бы то ни было, но необыкновенный астероидъ, болидъ, воздушный звѣрь — называйте какъ хо-

тите—появился вновѣ и настолько ясно, что удалось опредѣлить его размѣры и форму. Во-первыхъ, его видѣли въ Канадѣ между Оттавой и Квебекомъ, ровно на другой день послѣ пропажи баллонистовъ; второй разъ его видѣли надъ равнинами Дальняго Запада (Far West), когда онъ состязался въ быстротѣ съ курьерскимъ поѣздомъ Тихоокеанской желѣзной дороги.

Съ этого дня для всѣхъ стало ясно, что заинтриговавшее всѣхъ летающее тѣло—произведеніе не природы, а рукъ человѣческихъ, что оно—просто-напросто летательный аппаратъ, построенный по системѣ «тяжелѣе воздуха». И если творецъ и обладатель аппарата продолжалъ еще сохранять инкогнито относительно своей личности, то машину свою онъ очевидно уже не желалъ больше скрывать отъ людскихъ взоровъ, разъ онъ рѣшился опуститься на ней такъ низко отъ земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ было констатировано, что аппаратъ обладаетъ необыкновенною быстротою движенія, потому что черезъ нѣсколько дней послѣ исторіи съ поѣздомъ его видѣли въ Небесной имперіи, еще черезъ нѣсколько дней въ Индостанѣ, а потомъ надъ необозримыми степями Россіи. Что же касается до той силы, которая приводила аппаратъ въ движеніе, то этотъ вопросъ, разумѣется, остался невыясненнымъ.

Кто же такой былъ таинственнымъ изобрѣтателемъ и строителемъ необыкновенной машины, для которой не существовало разстоянія? Неужели Робюръ, неужели этотъ инженеръ, такъ самоувѣренно проповѣдывавшій свою воздухоплавательную теорію въ залѣ засѣданій Вельдонскаго института?

Нѣкоторымъ прозорливымъ людямъ эта догадка пришла на умъ, но—странное дѣло—никому не пришло въ голову сопоставить подвиги Робюра съ исчезновеніемъ секретаря и президента филадельфійскихъ баллонистовъ.

Тайна такъ бы и не раскрылась, если бъ изъ Фран-

ции въ Америку, черезъ Нью-Йоркъ, не пришла 6 іюля въ 11 часовъ 37 м. пополудни удивительная телеграмма.

Въ телеграммѣ заключалась копія съ записки, найденной въ Парижѣ при освидѣтельствованіи алюминиевой табакерки, брошенной похищенными баллонистами.

Итакъ вотъ что сдѣлалось съ Прюданомъ и Филемъ Эвансомъ, которыхъ на родинѣ уже собирались зачислить въ покойники!

Ихъ похитилъ Робюръ, тотъ самый нахаль-инженеръ, который нарочно пріѣзжалъ въ Филадельфію, чтобы опровергнуть теорію баллонистовъ! Онъ пріѣхалъ на своемъ *Альбатросѣ* и при помощи насилія овладѣлъ дядей Прюданомъ, Филемъ Эвансомъ и, для круглаго счета, Фриколеномъ.

Всѣ трое были живы, но ихъ приходилось все равно считать погибшими, если только въ послѣдствіи не удастся устроить аэростатъ, способный вступить въ борьбу съ *Альбатросомъ* и выручить плѣнниковъ.

Какъ всѣ были удивлены! Какъ всѣ заволновались!.. Парижская телеграмма адресована была на имя канцеляріи Вельдонскаго института. Содержаніе ея немедленно сообщили членамъ общества; черезъ десять минутъ телефоны разнесли удивительную новость по всей Филадельфіи, а черезъ часъ телеграфъ сообщилъ ее во всѣ концы Америки. Никто не хотѣлъ вѣрить, а между тѣмъ все было сущюю правдой.

— Это мистификація!—кричали одни.

— Это какой-нибудь шантажъ!—полагали другіе.

— Немыслимо! Невозможно!—горячились третьи.—

Какъ могло совершиться въ Филадельфіи подобное похищеніе? Какъ могло оно остаться до сихъ поръ неоткрытымъ? Какъ могъ *Альбатросъ* спуститься на землю въ Фермонтскомъ паркѣ, не будучи никѣмъ замѣченъ?

Все это было такъ. Доводы были вѣскіе. Недовѣрчивые люди имѣли еще покуда право сомнѣваться. Но

черезъ недѣлю послѣ телеграммы они этого права блистательно лишились. 13 іюля въ Гудзонъ-бэй прибылъ французскій почтовый пароходъ *Нормандія* и привезъ знаменитую табакерку. Въ тотъ же день ее отправили съ почтовымъ поѣздомъ въ Филадельфію.

Табакерка несомнѣнно принадлежала президенту Вельдонскаго института. Въ этотъ день вегетаріанецъ Джемсъ Кипъ впервые въ жизни пожалѣлъ, что не подкрѣпился дома болѣе существенною пищей: онъ едва не упалъ въ обморокъ при видѣ знакомой алюминіевой табакерки своего коллеги. Онъ узналъ ее, отлично узналъ. Сколько разъ дядя Прюданъ угощалъ его изъ нея понюшкою табачку! И миссъ Долли и миссъ Мэтъ тоже узнали ее. Затѣмъ подлинность ея призналъ папаша означенныхъ зрѣлыхъ дѣвицъ, Вильямъ Т. Форбсъ, потомъ Трукъ Мильноръ, Батъ Т. Файнъ и многіе другіе члены баллонитскаго общества. Сколько разъ видали они ее въ рукахъ у своего почтеннаго президента, когда онъ набивалъ изъ нея табакомъ свой почтенный носъ!..

Послѣ этого уже не осталось ни тѣни сомнѣнія. Налицо была не только табакерка, но и собственно-ручная записка дяди Прюдана. Скептики принуждены были замолчать. Друзья похищенныхъ баллонистовъ подняли руки къ небу, призывая мщеніе на нечестиваго инженера.

Смушеніе и отчаяніе овладѣло всѣми, кто былъ близокъ къ дядѣ Прюдану или Филію Эвансу. Компанія Ніагарскаго водопада, въ которой дядя Прюданъ былъ однимъ изъ самыхъ крупныхъ пайщиковъ, готовилась приостановить свою дѣятельность. Часовая фабрика *Walton-Watch-Company* подумывала ликвидировать свои дѣла, лишившись превосходнаго директора въ лицѣ Філія Эванса.

Да, это былъ повальный, всеобщій трауръ. Ни у кого не было надежды на возвращеніе баллонистовъ. Кромѣ нѣсколькихъ горячихъ головъ, никто не вѣрилъ въ возможность выручить плѣнниковъ изъ когтей Робюра.

Между тѣмъ, со времени пролета надъ Парижемъ слухи объ *Альбатросѣ* замолкли. Правда, спустя нѣсколько часовъ его видѣли надъ Римомъ, но и только; дальше пропадали всѣ его слѣды. Впрочемъ, оно было неудивительно въ виду быстроты, которую постоянно обнаруживалъ аэронефъ. Всѣ обсерваторіи принялись за работу, наблюдали и днемъ и ночью,—и все напрасно. *Альбатросъ* скрылся, исчезъ, пропалъ—и кто знаетъ?—быть можетъ навсегда.

Конечно, никто не догадался наблюдать его надъ Алжиріей; разумѣется, его видѣли въ Тимбукту, но вѣсть объ этомъ еще не успѣла достигнуть Европы. Что же касается до дагомейскаго короля, то онъ скорѣе отрубилъ бы головы двадцати тысячамъ челоуѣкъ своихъ подданныхъ и предалъ бы казни всѣхъ своихъ министровъ, чѣмъ бы позволилъ кому-нибудь изъ нихъ проболтаться о неудачной борьбѣ съ летательнымъ аппаратомъ. Тутъ было прямо задѣто его самолюбіе.

Далѣе, какъ извѣстно, Робюръ пролетѣлъ надъ Атлантическимъ океаномъ, потомъ надъ Огненной Землею, потомъ надъ мысомъ Горномъ. Послѣ того онъ углубился въ огромную полярную область, откуда ужъ, конечно, нечего было ждать о немъ вѣсти.

Прошелъ іюль мѣсяцъ. Аэронефа никто не видалъ.

Прошелъ августъ. О плѣнникахъ не было ни слуху, ни духу. Что сдѣлалось съ *Альбатросомъ*? Ужъ не погибъ ли онъ? Ужъ не заплатилъ ли Робюръ за свою смѣлость?

Подѣломъ бы ему, только баллонистовъ жаль... Наконецъ, прошли двадцать-семь дней сентября. И все никакого результата.

На землѣ люди ко всему привыкаютъ. Челоуѣкъ въ концѣ-концовъ сживаетъ съ чѣмъ угодно, позабываетъ самое сильное горе. Забвеніе—потребность челоуѣческой натуры. Но на этотъ разъ, къ чести челоуѣчества, люди удержались на наклонной плоскости и не забыли плѣнныхъ баллонистовъ. Объ ихъ судьбѣ попрежнему тревожились на старушкѣ-землѣ.

Это безпокойство нигдѣ такъ не чувствовалось, какъ въ Филадельфiи. Впрочемъ, къ нему примѣшивались и чисто личныя опасенiя. Робюръ сумѣлъ насилiемъ захватить дядю Прюдана и Филь Эванса. Онъ жестоко отмстилъ за себя, хотя и вопреки всякому праву! Но удовольствуется ли онъ этимъ? Не вздумаетъ ли онъ расправиться и еще съ кѣмъ-нибудь изъ баллонистовъ? И вообще, кто знаетъ, на чемъ остановится онъ въ злоупотребленiи своимъ могуществомъ? Кто можетъ считать себя безопаснымъ отъ его покушенiй? Гдѣ средства отъ нихъ оградиться?

И вдругъ—28 сентября по городу пронесся невѣроятный слухъ...

Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ появились въ частной квартирѣ президента Вельдонскаго института!

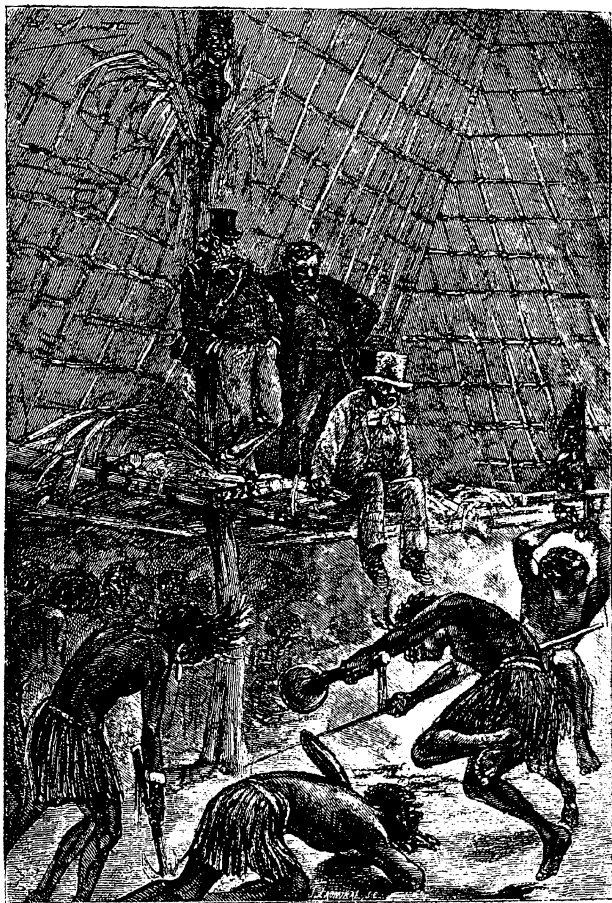
Но что всего было удивительнѣе, такъ это то, что слухъ оказался совершенно справедливымъ, хотя люди разсудительные все еще не вѣрили ему.

Вскорѣ, однако, пришлось и имъ склониться передъ очевидностью. Похищенные вернулись осязательно, самолично, а не тѣни ихъ. Вернулся даже самъ Фриколенъ.

Члены клуба, потомъ ихъ друзья, потомъ и вся публика осадили домъ, занимаемый дядею Прюданомъ. Вернувшихся привѣтствовали восторженными криками, качали на рукахъ, кричали ура, гипъ-гипъ...

Тутъ былъ и Джемсъ Кипъ, убѣжавшiй изъ дома отъ своего растительнаго завтрака, и Вилльямъ Т. Форбсъ съ двумя дочерьми, миссъ Долли и миссъ Мэтъ. Въ этотъ день дядя Прюданъ, если бъ только пожелалъ и если бъ принадлежалъ къ мормонской сектѣ, могъ бы жениться на обѣихъ дѣвахъ разомъ. Къ сожалѣнiю, онъ былъ неисправимый холостякъ и питалъ отвращенiе къ браку.

Былъ также и Трукъ Мильноръ, и Батъ Т. Файнъ, и вообще всѣ члены общества баллонистовъ. Многие до сихъ поръ удивляются, какъ это дядя Прюданъ и Филь Эвансъ вышли живыми изъ дружески-медвѣжь-

„Ихъ помѣстили въ самой лучшей хижинѣ“. Стр. 260).

ихъ объятій своихъ обрадованныхъ коллегъ и прочей публики.

Вечеромъ того же дня должно было состояться обычное еженедѣльное засѣданіе Вельдонскаго института. Всѣ разсчитывали, что президентъ и секретарь общества займутъ свои мѣста за столомъ, и питали надежду услышать интересный разсказъ о воздушномъ путешествіи.

Дѣйствительно, до сихъ поръ ни тотъ, ни другой не обмолвились на эту тему ни единымъ словомъ. Молчалъ и лакей Фриколенъ, котораго его черные сородичи едва не задушили въ объятіяхъ и едва не разнесли на части...

Съ своей стороны мы готовы повѣдать читателю то, о чемъ такъ упорно молчали вернувшіеся баллонысты.

Читатель помнитъ, какъ они въ ночь съ 27 на 28 іюля разгромили *Альбатросъ* динамитною бомбой. Сдѣлавъ свое дѣло, они успокоились. Робюръ съ изломаннымъ аэронефомъ былъ уже имъ не страшенъ. Они сочли себя въ полной безопасности.

И не безъ основанія. Разрушенный взрывомъ *Альбатросъ* обязательно долженъ былъ превратиться въ грудю обломковъ, плавающую по морю, а пассажиры его — въ изувѣченные трупы, навсегда поглощенные океаномъ.

Дѣло мщенія совершилось во всемъ его ужасѣ.

Впрочемъ, дядя Прюданъ и Филь Эвансъ не чувствовали угрызений. Они думали, что съ ихъ стороны это было законнѣйшею самообороною.

Филь Эвансъ былъ слегка раненъ пулею съ *Альбатроса*. Рана была незначительная, пустая царапина. Поэтому всѣ эти три бѣглеца сейчасъ же отправились вглубь острова, надѣясь встрѣтить туземцевъ.

Въ своей надеждѣ они не обманулись. На западномъ берегу Чатама жило человѣкъ пятьдесятъ туземцевъ, занимавшихся рыбною ловлею. Они видѣли, какъ аэронефъ спускался надъ островомъ. Бѣглецовъ

они приняли такъ, какъ будто тѣ были сверхъестественными существами. Имъ оказали необыкновенныя, почти божескія почести. Ихъ помѣстили въ самой лучшей хижинѣ. Даже Фриколенъ сочтенъ былъ за бога, только, правда, черного.

Какъ баллонисты предполагали, такъ и случилось. Аэронефъ не возвратился на островъ. Изъ этого они вывели заключеніе, что катастрофа съ воздушнымъ кораблемъ случилась гдѣ-нибудь въ верхнихъ слояхъ воздуха. Теперь, — мечтали они, — никто больше не услышитъ о Робюрѣ и его *Альбатросѣ*.

Тогда баллонистамъ осталось только подумать о томъ, какъ бы возвратиться въ Америку. Это было не особенно легко. Островъ Чатамъ посѣщался мореплавателями рѣдко. Прошелъ весь августъ, и баллонисты начали опасаться, что въ концѣ-концовъ весь результатъ ихъ подвига сведется лишь къ перемѣнѣ одной тюрьмы на другую. Одинъ Фриколенъ былъ вполне доволенъ. И не мудрено: вѣдь онъ былъ теперь на твердой землѣ, онъ уже не плавалъ по воздуху. Объ остальномъ онъ покуда не заботился.

Наконецъ, 3 сентября къ острову Чатаму подошло судно для обновленія запаса прѣсной воды. Читатель помнитъ, что въ моментъ похищенія дядя Приуданъ имѣлъ при себѣ нѣсколько тысячъ долларовъ бумажными деньгами. Этого было слишкомъ достаточно для возвращенія въ Америку. Поблагодаривъ своихъ обожателей, дядя Приуданъ, Филь Эвансъ и Фриколенъ сѣли на корабль и поѣхали въ Баукландъ. О своей исторіи они не рассказали никому ничего, и черезъ два дня прибыли въ столицу Новой Зеландіи.

Здѣсь они взяли пассажирскія мѣста на тихо-океанскомъ почтовомъ пароходѣ, и 20 сентября, послѣ благополучнаго плаванія, высадились въ Санъ-Франциско.

Они не говорили никому, кто они и откуда; но такъ какъ они платили за себя очень хорошо, то капитанъ парохода ихъ объ этомъ и не спрашивалъ. Онъ не былъ бы янки, если бы поступилъ иначе.

Въ Санъ-Франциско дядя Прюданъ со своимъ коллегой и съ лакеемъ Фриколеномъ сѣли на первый отходящій поѣздъ тихо-океанской дороги и 27 числа прибыли въ Филадельфію.

Вотъ сжатый, но обстоятельный рассказъ о томъ, что произошло съ баллонистами послѣ ихъ бѣгства съ *Альбатроса* на островъ Чатамъ. Вотъ какимъ образомъ случилось, что въ тотъ же день вечеромъ президентъ и секретарь Вельдонскаго института заняли свои обычные мѣста на засѣданіи общества.

Никогда еще ни тотъ, ни другой не были такъ невозмутимо-спокойны и такъ чопорно-сдержанны, какъ въ этотъ вечеръ. Глядя на нихъ, можно было подумать, что со времени памятнаго всѣмъ засѣданія 12 іюля не произошло ничего необыкновеннаго. Эти три съ половиною мѣсяца они оба какъ будто вычеркнули изъ своей жизни.

Послѣ первыхъ громогласныхъ привѣтствій, принятыхъ обоими баллонистами съ невѣроятнымъ спокойствіемъ, дядя Прюданъ надѣлъ шляпу и проговорилъ:

— Почтенные сограждане, засѣданіе открыто.

Раздались оглушительныя рукоплесканія. Было удивительно не то, что засѣданіе открылось, но то, что оно открылось подъ предсѣдательствомъ дяди Прюдана и съ Филемъ Эвансомъ въ качествѣ секретаря.

Давъ стихнуть крикамъ и аплодисментамъ, президентъ продолжалъ:

— Во время послѣдняго засѣданія нашего, милостивые государи, здѣсь происходили жаркія пренія (*слушайте, слушайте!*) между сторонниками передняго винта и винта задняго для нашего воздушнаго шара *Gashead*. (*Общее удивленіе.*) Въ настоящее время мы нашли способъ примирить между собою авантистовъ съ аррьеристами. Вотъ этотъ способъ: можно сдѣлать два винта, одинъ спереди лодочки, другой сзади. (*Собраніе крайне удивлено и молчитъ.*)

И это было все, что сказалъ президентъ.

Да, все. Больше онъ ничего не сказалъ.

О похищеніи Робюромъ—ни слова. Объ *Амбатростъ* — ни слова. О летаніи по воздуху — ни слова. О своемъ освобожденіи — ни слова. О катастрофѣ съ аэронефомъ, о страшномъ мщеніи—ни слова, ни намека. Вообще—ничего.

У многихъ, у очень многихъ баллонистовъ чесался языкъ поразспросить хоть немножко дядю Прюдана и Филя Эванса. Но оба они были такъ серьезны и важны, что каждый считалъ своимъ долгомъ оказать уваженіе ихъ сдержанности. Пришлось удовольствоваться надеждой, что они заговорятъ тогда, когда сами найдутъ это нужнымъ.

Да, наконецъ, во всемъ этомъ дѣлѣ могла заключаться тайна, которую еще рано было разглашать во всеобщее свѣдѣніе.

Среди глубокаго молчанія, совершенно до сихъ поръ неизвѣстнаго въ стѣнахъ Вельдонскаго института, раздался спокойный, ровный, сдержанный голосъ дяди Прюдана:

— Милостивые государи, намъ остается приступить къ окончанію работъ по устройству шара *Glahead*, которому суждено покорить себѣ воздушныя сферы.— Милостивые государи, засѣданіе закрыто!

ГЛАВА XVIII.

Конецъ, но не окончаніе въ строгомъ смыслѣ.

29-го апрѣля слѣдующаго года вся Филадельфія снова была въ волненіи. Воздушный шаръ Вельдонскаго института *Goahead* готовился совершить свое поднятіе на воздухъ. Летѣть на немъ собирался знаменитый аэронавтъ Гарри Т. Тиндеръ съ помощникомъ; пассажирами приглашены были дядя Прюданъ и Филь Эвансъ, такъ горячо всегда ратовавшіе за теорію «легче воздуха».

За это время о путешествіи баллонистовъ на аэронефъ такъ никто ничего и не узналъ. Даже Фриколенъ упорно молчалъ, запуганный дядей Прюданомъ, который, очевидно, желалъ замять всю исторію о Робюрѣ.

Да и къ чему было говорить о ней? Постигнутый местью баллонистовъ инженеръ лежалъ давно на днѣ моря со своимъ разрушеннымъ кораблемъ.

Goahead былъ замѣчательный шаръ, всѣмъ шарамъ шаръ. Объемъ его, какъ мы уже говорили, былъ громадный; легкость невѣроятная; прочность необыкновенная. Лодочка его была снабжена всевозможными инструментами, двумя винтами — переднимъ и заднимъ — и рулемъ.

Шаръ торжественно перенесли на поляну Фермонтскаго парка, на то самое мѣсто, гдѣ останавливался аэронефъ, и уже тамъ приступили къ надуванію. Разумѣется, газъ для этого выбрали самый легкій.

именно чистый водородъ, добытый по способу Анри Жиффара.

Утромъ 29-го апрѣля всѣ приготовленія были уже кончены. Къ одиннадцати часамъ огромный аэростатъ уже покачивался на воздухѣ въ нѣсколькихъ футахъ отъ земли, готовый вспорхнуть и полетѣть.

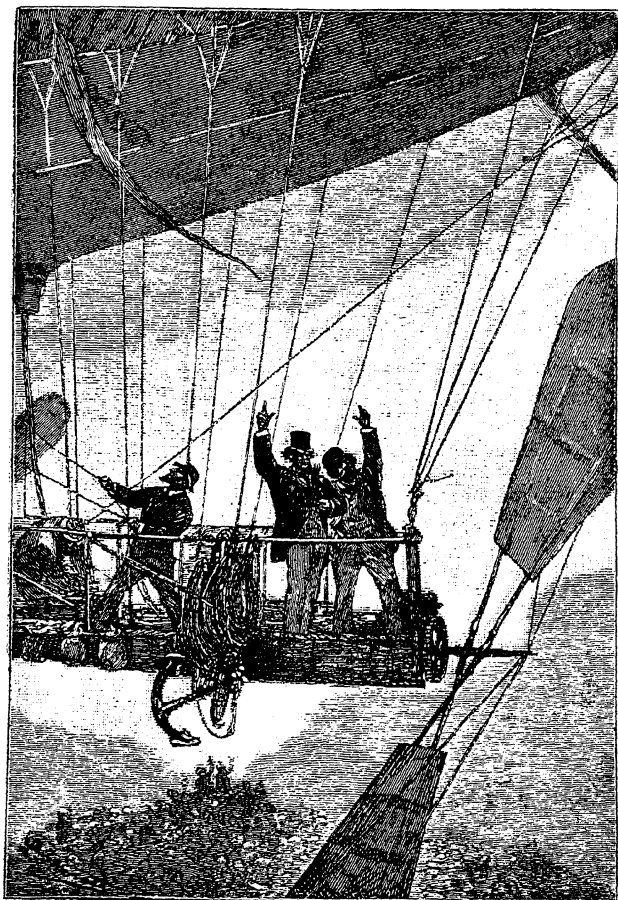
Погода стояла чудная и какъ разъ подходящая для опыта. Конечно, для чести *Goahead* было бы лучше, если бы дулъ хотя маленькій вѣтерокъ, потому что тогда управляемость его была бы лучше доказана. Собралась огромная толпа, состоявшая не только изъ филладельфійцевъ, но также и изъ пріѣзжихъ зрителей, во множествѣ наѣхавшихъ въ Филадельфію изъ всѣхъ сосѣднихъ штатовъ. Тутъ были и взрослые, и старики, и дѣти.

Когда на платформочкѣ аэростата, украшеннаго цвѣтами Соединенныхъ Штатовъ, появились дядя Прюданъ и Филь Эвансъ, толпа замахала платками, шляпами и зонтиками, закричала и зааплодировала. Но почему съ баллонистами не было Фриколена? По очень простой причинѣ: негръ нашелъ, что для его знаменитости уже достаточно одного воздушнаго путешествія, и рѣшительно отклонилъ предложенную ему честь сопровождать своего господина.

Разумѣется, всѣ члены Вельдонскаго института были въ сборѣ на полянѣ. Не могли же они не явиться на торжество, устроенное въ честь системы «легче воздуха».

Въ двадцать минутъ двѣнадцатаго пушечный выстрѣлъ возвѣстилъ, что все готово.

Goahead дожидался только сигнала. Въ двадцать-пять минутъ двѣнадцатаго грянулъ новый выстрѣлъ. Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ, стоя въ лодочкѣ, приложили лѣвую руку къ сердцу — въ знакъ сердечнаго согласія съ присутствующими, — а лѣвую подняли вверхъ, указывая на зенитъ. Это значило, что они готовятся вступить въ обладаніе надземнымъ пространствомъ.

„Coahed сталь „величественно“ подниматься...“ (Стр. 266).

Въ отвѣтъ имъ сто тысячъ лѣвыхъ рукъ приложилось къ сердцу и сто тысячъ правыхъ поднялось къ небу.

Въ половинѣ двѣнадцатаго пушка грянула въ третій разъ.

— Спускай!—крикнулъ дядя Прюданъ.

Goahead сталъ «величественно» подниматься — такъ всегда говорится о воздушныхъ шарахъ. Онъ поднялся сначала по строго-вертикальной линіи и остановился на высотѣ двухсотъ-пятидесяти метровъ. Затѣмъ, начались опыты съ горизонтальнымъ перемѣщеніемъ. *Goahead* понесся въ сторону солнца со скоростью десяти метровъ въ секунду. Это была скорость кита, плывущаго по морю. Сравненіе, по-моему, вообще вѣрное...

Съ земли понеслось къ искуснымъ аэронавтамъ восторженное ура.

Затѣмъ, повинувшись рулю, воздушный шаръ сталъ поворачиваться направо, налево, назадъ, — однимъ словомъ, во всѣ стороны. Кто сталъ бы послѣ этого оспаривать управляемость аэростатовъ? Да если бы и нашелся такой смѣльчакъ, то толпа разнесла бы его въ пухъ и прахъ.

Жаль только, что вѣтра не было. Тогда опытъ былъ бы еще убѣдительнѣе.

Но вотъ аэростатъ поднялся на нѣсколько сотъ футовъ выше. Всѣ разомъ поняли смыслъ этого маневра. Дядя Прюданъ намѣревался отыскать въ верхнихъ слояхъ какое-нибудь воздушное теченіе, чтобы довести опытъ до конца.

Goahead попрежнему поднимался вертикально. Зрители свихивали себѣ шеи, откидывая назадъ головы, чтобы смотрѣть. Шаръ становился все меньше и меньше. Теперь ужъ его нельзя было сравнить съ китомъ, а развѣ съ морской свинкой. Такимъ образомъ, онъ поднялся на высоту четырехъ тысячъ метровъ, но попрежнему былъ ясно виденъ, благодаря необыкновенной прозрачности воздуха.

Вѣтерка все еще не было ни малѣйшаго, аэростату не приходилось бороться ни съ какимъ сопротивленіемъ. Онъ продолжалъ стоять отвѣсно надъ лужайкой, точно привязанный за невидимую веревку.

Вдругъ по толпѣ пронесся крикъ, разомъ подхваченный сотнею тысячъ глотокъ. Руки всѣхъ потянулись къ сѣверо-западному горизонту.

Тамъ, въ прозрачно-лазурной глубинѣ, появилось быстро движущееся тѣло. Вотъ оно приближается и растетъ. Что это? Болидъ? Но какая же у него быстрота.

Какъ электрическая искра по звеньямъ цѣпи, такъ въ умѣ каждого быстро пронеслась ужасная догадка.

Должно быть, и на *Gravehead*ѣ тоже замѣтили странный предметъ и поняли опасность. По крайней мѣрѣ, шаръ быстро припустился летѣть на востокъ.

Да. Толпа догадалась. Кто-то изъ членовъ Вельдонскаго института обронилъ одно слово, и это слово подхватили сто тысячъ голосовъ:

— *Альбатросъ!.. Альбатросъ!..*

То былъ дѣйствительно *Альбатросъ*. Робюръ снова появился въ поднебесьи и точно громадная хищная птица готовился ударить на *Gravehead*.

Но какъ же такъ? Вѣдь *Альбатросъ* былъ взорванъ и погибъ въ пучинѣ? Вѣдь люди, летавшіе на немъ, или задохлись отъ быстроты паденія, или утонули въ морѣ?

Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ.

Альбатросъ погибъ, но люди не погибли. Робюру, какъ мы помнимъ, удалось замедлить паденіе, а затѣмъ весь экипажъ спасся въ каучуковой лодкѣ.

Провидѣнію угодно было сохранить несчастныхъ. Ихъ замѣтилъ плывшій мимо корабль и взялъ къ себѣ на бортъ не только ихъ, но и плывшіе по водѣ обломки аэронефа. Инженеръ сказалъ, что съ его кораблемъ случилось столкновеніе, и его больше не стали спрашивать.

Корабль былъ англійскій, изъ Ливерпуля. Онъ дер-

жалъ курсъ на Мельбурнъ, куда и прибылъ нѣсколь-
ко дней спустя.

Робюръ пріѣхалъ такимъ образомъ въ Австралію,
но до острова *Иксъ* было еще далеко.

Въ обломкахъ задней рубки инженеръ отыскалъ
значительную сумму денегъ, которая позволила ему
удовлетворить потребностямъ своего экипажа, не при-
бѣгая къ чьей-либо помощи. Черезъ нѣсколько вре-
мени онъ въ Мельбурнѣ же купилъ небольшую шку-
ну и, понимая кое-что въ морскомъ дѣлѣ, возвратил-
ся къ себѣ домой на островъ *Иксъ*.

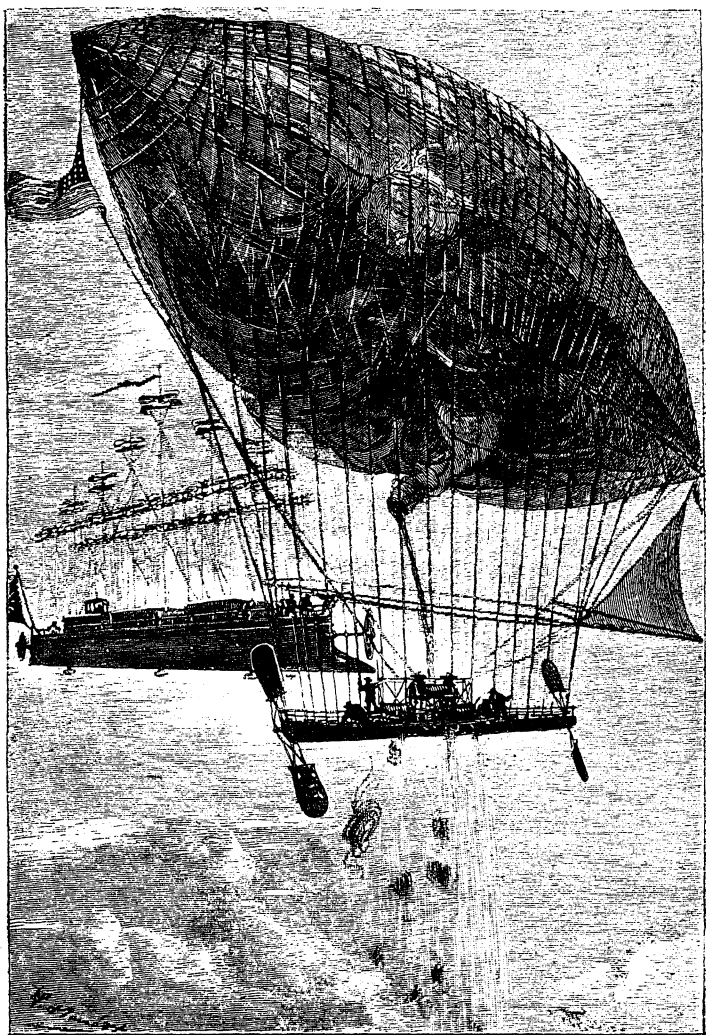
Здѣсь у него прежде всего явилась мысль о мще-
ніи. Но для того, чтобы отомстить, нужно было по-
строить новый *Альбатросъ*. Для человѣка, построив-
шаго прежній, это было легко. Отъ стараго аэронефа
взяли, между прочимъ, уцѣлѣвшіе поступательные
винты. Электрическій двигатель поправили. Однимъ
словомъ, черезъ восемь мѣсяцевъ былъ готовъ новый
Альбатросъ, совершенно одинаковый съ прежнимъ, та-
кой же могучій и быстрый, какъ тотъ.

Экипажъ тоже остался прежній, но теперь онъ весь
пылалъ ненавистью ко всѣмъ баллонистамъ вообще и
къ дядѣ Прюдану съ Филемъ Эвансомъ въ особен-
ности.

Въ первыхъ числахъ апрѣля *Альбатросъ* улетѣлъ съ
острова *Иксъ*. Во время полета онъ держался далеко
отъ земли и, прибывъ въ Сѣверную Америку, спу-
стился на землю въ глухомъ уголкѣ Дальняго Запада.
Тутъ инженеръ, соблюдая строжайшее инкогнито, съ
удовольствіемъ узналъ, что на 29-е апрѣля назначено
торжественное поднятіе шара, построеннаго баллони-
стами.

Какой прекрасный случай блистательно отомстить,
доказать публично непригодность аэростатовъ!

И вотъ, въ назначенный день *Альбатросъ*, какъ кор-
шунъ, появился надъ поляной Фермонтскаго парка...
Goahead продолжалъ бѣжать, но вскорѣ летѣвшіе
на немъ поняли, что горизонтальное бѣгство не по-

„Goahead продолжалъ бѣжать, но вскорѣ лѣтѣвшіе на немъ поняли, что бѣгство не поможетъ“. (Стр. 268).

можетъ, и стали подниматься вверхъ. Это было рискованно, но логично.

Въ свою очередь, и *Альбатросъ* началъ подниматься. Объемомъ онъ былъ гораздо меньше *Goahead'a*, но, въ сравненіи съ своимъ противникомъ, онъ былъ все равно, что миноноска передъ деревяннымъ кораблемъ.

Было ясно, какъ день, что воздушному шару не устоять, если дѣло дойдетъ до столкновенія. Готовилась страшная, роковая борьба въ воздухѣ.

Толпа замерла, онѣмѣвъ отъ ужаса.

Goahead поднялся еще выше, выбросивъ весь запасный балластъ. Онъ виднѣлся съ земли лишь въ видѣ крохотной точки. *Альбатросъ*, сильно работая винтами, поднялся тоже и совершенно исчезъ изъ глазъ публики.

Вдругъ на землѣ раздался крикъ ужаса.

Goahead сталъ замѣтно увеличиваться, и *Альбатросъ* показался снова, опускаясь вмѣстѣ съ шаромъ. Газъ, слишкомъ расширившись въ верхнихъ слояхъ, прорвалъ оболочку, и аэростатъ, съжившись, довольно быстро падалъ внизъ.

Но аэронефъ, умѣривъ скорость вращенія своихъ винтовъ, сталъ опускаться тоже. На разстояніи двухсотъ метровъ отъ земли онъ догналъ *Goahead* и приблизился къ нему вплотную.

Что хотѣлъ сдѣлать Робюръ? Докончить пораженіе? Нѣтъ, онъ хотѣлъ оказать помощь, хотѣлъ спасти аэронавтовъ.

И маневръ былъ исполненъ до того искусно, что управляющій аэростатомъ и его помощникъ безъ затрудненія соскочили на платформу аэронефа.

Дядя Прюданъ и Филъ Эвансъ не желали воспользоваться помощью и думали остаться въ лодочкѣ лопнувшего шара, но люди Робюра кинулись на нихъ и силою втащили на свой воздушный корабль.

Затѣмъ аэронефъ отдѣлился отъ шара, который, окончательно лишившись газа, упалъ на землю и по-

висъ на одномъ изъ деревьевъ парка въ видѣ жалкихъ лохмотьевъ.

На землѣ царила зловѣщая тишина. Многіе зажмурили глаза, чтобы не видать рѣшительной катастрофы.

Итакъ дядя Прюданъ и Филь Эвансъ снова попались въ плѣнъ къ злодѣю Робюру. Вѣроятно, онъ опять умчитъ ихъ въ пространство, куда за нимъ никто не погонится.

Отъ него всего можно было ожидать.

Между тѣмъ, аэронефъ и не думалъ подниматься вверхъ, а продолжалъ опускаться, какъ бы собираясь совсѣмъ спуститься на землю. Толпа безмолвно разступилась, чтобы очистить ему мѣсто на полянѣ.

Возбужденіе дошло до высшей точки.

Альбатросъ остановился на двухъ метрахъ отъ земли. Тогда среди глубокаго безмолвія послышался громкій голосъ инженера.

— Граждане Соединенныхъ Штатовъ! — произнесъ онъ. — Президентъ и секретарь Вельдонскаго института снова въ моей власти. Если я ихъ удержу, то буду въ полномъ правѣ, потому что они сдѣлали мнѣ страшное зло. Но по той злобѣ, которая зажглась у нихъ въ душѣ вслѣдствіе успѣховъ *Альбатроса*, я теперь понялъ, какой переворотъ должна современемъ произвести побѣда надъ воздухомъ... Дядя Прюданъ и Филь Эвансъ, вы свободны!

Президенту Вельдонскаго института, секретарю и аэронавту съ помощникомъ осталось только спрыгнуть на землю.

Альбатросъ сейчасъ же поднялся на десять метровъ надъ толпой, и Робюръ продолжалъ:

— Граждане Соединенныхъ Штатовъ, мой опытъ сдѣланъ. Но я пришелъ къ убѣжденію, что преждевременно торопиться не слѣдуетъ ни съ чѣмъ, ни даже съ прогрессомъ. Не должно, чтобы наука слишкомъ опережала нравы. Все должно идти постепенно, а не скачками. Однимъ словомъ, всему свое время.

Мое изобрѣтеніе преждевременно. Народы еще не созрѣли для всеобщаго братскаго союза. Я уѣзжаю и уношу свою тайну съ собою. Но она не будетъ потеряна для человѣчества. Оно узнастъ ее въ тотъ день, когда окажется достаточно знающимъ, чтобы ею воспользоваться, и достаточно умнымъ и нравственнымъ, чтобы не употребить ее во зло. Прощайте, граждане Соединенныхъ Штатовъ, прощайте!

Альбатросъ заработалъ всѣми семидесятью четырьмя винтами и, уносимый на востокъ своими пропеллерами, быстро скрылся изъ глазъ публики, которая на этотъ разъ проводила его восторженными криками.

Президентъ, секретарь и члены Вельдонскаго института были глубоко уничтожены. Толпа (вѣдь, она такъ измѣнчива!) готова была ихъ освистать. Имъ оставалось только съ досадой и грустью вернуться домой.

И опять вопросъ: кто же такой Робюръ?

Отвѣтъ простой: Робюръ — это будущая наука; быть можетъ, наука завтрашняго дня.

Продолжаетъ ли *Альбатросъ* путешествовать по воздуху?

Вѣроятно, продолжаетъ.

Явится ли когда-нибудь людямъ снова Робюръ-Побѣдитель?

Конечно, и онъ откроетъ имъ свою тайну, которая переѣмнитъ на землѣ весь политическій и гражданскій строй.

Что касается до будущности путешествій по воздуху, то, разумѣется, она принадлежитъ не аэростатамъ, а аэронефамъ.

Воздухъ завоевать суждено *Альбатросу*.

К о н е ц ъ .